

I

*Из истории
отечественной
фонологии*

(Очерк)

I. ВВЕДЕНИЕ

В четвертом выпуске пражских «Travaux. . .» (1931) в статье «Autour du phonème» В. А. Дорошевский справедливо писал: «In initio erat verbum de Baudouin de Courtenay. . .»¹ И хотя термин «фонология» употреблялся и раньше (см. L. Havet, O. Böhtlingk и др.), да и термин «фонема» Бодуэн взял у Соссюра, но вложил в него свой, особый смысл, — все это восходит к Бодуэну как к отцу и прародителю и фонемы, и фонологии.

Были ли у Бодуэна предшественники? Да, были: и у нас (например, П. К. Услар, В. И. Вербицкий и др.), и за рубежом (например, И. Винтелер); но хотя они и многое «угадали», а теории из этого не получилось.

И все-таки именно Бодуэн «запустил» в лингвистический обиход понятие фонемы, ставшее необходимым в борьбе с позитивистским эмпиризмом и атомизмом младограмматиков и в утверждении языка как структуры и системы, что определило дальнейшее развитие лингвистики как науки.

Что же сказать о младограмматиках в интересующем нас вопросе? У вождя немецких младограмматиков Германа Пауля уже намечался первый шаг к осмыслению фонетики через соотношение отдельного и общего; я имею в виду следующее место из его «Prinzipien der Sprachgeschichte»²: «Если А и произносит какой-либо звук не совсем так, как произносит его в данной позиции В, то восприятие одного звука, как и восприятие другого, все же сольется в душе слушателя с имеющимся уже там акустическим образом, а единому образу всегда будет соответствовать единое моторное чувство»³. Кажется — близко! Но — не то. Не хватает главного — смысловозначительной функции и вообще понятия

¹ W. Doroszewski. Autour du «phonème». — TCLP, 1931, t. 4.

² H. Paul. Prinzipien der Sprachgeschichte. Halle, 1937 (то же, в пер. на русск. яз.: Г. Пауль. Принципы истории языка. М., 1960).

³ Г. Пауль. Указ. соч., стр. 90.

«функция», из-за чего и надо было построить «теорию фонем» и фонологию. . .

Отметим еще одно место у Пауля: «На территории распространения любого языка, распадающегося на много диалектов, как правило, существует столь значительное количество различных оттенков звуков, что если даже учитывать только четко распознаваемые различия. . . число этих оттенков будет все-таки большим, чем число букв в общем алфавите данной языковой территории. Но звуки каждого отдельного диалекта всегда составляют лишь малую часть этого множества оттенков, так как наиболее близкие варианты очень часто взаимно исключают друг друга, и если считать за один звук те оттенки, которые с точки зрения практических потребностей можно и не разграничивать, то в пределах данного диалекта их число примерно совпадает с числом букв алфавита»⁴ (последнее утверждение отмечено и в предисловии к русскому переводу, см. стр. 9).

Однако оба этих рассуждения Г. Пауля касаются только 1) идентификации различных произношений той же единицы у двух говорящих А и В и 2) корреспонденций двух единиц между близко родственными диалектами, из чего даже бодуэновскую формулу соотношения фонемы и ее вариаций в связи с дистрибуцией по позициям ($a_1, a_2 \dots a_N = A$) нельзя вывести, не говоря уже об оппозициях в связи со смысловразличительностью и нейтрализацией этих оппозиций в системе.

И все-таки «первым» был Бодуэн! Еще в 1870 г. он писал, что предмет фонетического изучения языка составляет в частности: «. . . роль звуков в механизме языка, их значение для чутья народа, не всегда совпадающее с соответственными категориями звуков по их физическому свойству и обусловленное, с одной стороны, физиологической природой, а с другой, происхождением, историей звуков; это разбор звуков с м о р ф о л о г и ч е с к о й, словообразовательной точки зрения. . .»⁵

Здесь сразу бросается в глаза желание автора отделить понятие «звук» и что-то «другое» (позднее названное — «фонема») и подчеркнуть тесную связь этого понимания фонетики с морфологией, что тоже проходит красной нитью через все сочинения И. А. Бодуэна де Куртенэ.

Дальнейшие выписки из его трудов должны показать, как он

⁴ Г. Пауль. Указ. соч., стр. 446.

⁵ И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избр. труды по общему языкознанию, т. I—II. М., 1963, стр. 66 [здесь и далее при цитировании страницы указываются по последнему изданию].

мучительно исследовал и проповедовал эту «весть» и как его не поняли в дальнейшем многие его «сыновья», ученики и «внуки»!

С первых лет научной деятельности Бодуэна де Куртене интересовали вопросы: 1) почему в тех же случаях в языке получалось разное? (вопрос о чередованиях разного рода); 2) почему в лингвистике нужен не звук, который в речи реально существует, а что-то иное, «общее»? (отсюда вопрос о фонеме и звуке и первая наметка фонологии); 3) как понять физическое и физиологическое как социально-психологическое?

Эта проблематика отражается в его первых польских статьях, «программах» казанского периода и в русских публикациях 70—80-х годов. Завершение этих поисков Бодуэна надо видеть в его «Опыте теории фонетических альтернатив» (в польском, более полном варианте, 1894, и в немецком, сокращенном, 1895⁶) и в статьях — «Фонема»⁷ и «Фонология»⁸ в «Польской энциклопедии» (1899). И хотя формулировка определения фонемы менялась в разные годы у Бодуэна и он разумел под фонемой то любые корреспонденты в родственных языках, как *-ra-/oro-*, или более «естественные» *к/ч/ц* в славянских языках; то «... сумму обобщенных антропофонических свойств известной фонетической части слова, неделимую при установлении коррелятивных связей в области одного языка и корреспондентских связей в области нескольких языков» (1881); то «... подвижной компонент морфемы» (1881); то «... психический эквивалент» речи (1894), «постоянное представление», — все это разнообразие не только не умаляет его как исследователя, «искателя фонемы», но, наоборот, внушает особое уважение к нему. Ведь так «фонемы» никто не искал! А Бодуэну было важно найти фонему не в ортодоксальной фонетике тех времен, а именно в фонологии, новой дисциплине, которую он много раз переименовывал (психофонетика, фонология), но всячески подчеркивал, что ее предмет — не просто «звуки», «явления мгновенные, изменчивые», а «нечто постоянное», «присутствующее в сознании говорящих» и отнюдь не тождественное «звуку». Особо примечательным в этих поисках является следующее высказывание, сделанное в 1914 г. в § 119 «Введения...»: «С точки зрения языкового мышления и основанного на нем научного языковедного (лингвистического) мышления фонемы и вообще все произносительно-слуховые элементы не имеют сами по себе никакого значения. Они становятся языковыми ценностями и могут быть рас-

⁶ И. А. Бодуэн де Куртене Указ. соч., т. 1, стр. 265—347.

⁷ Там же, стр. 351—352.

⁸ Там же, стр. 353—361.

смаатриваемы лингвистически только тогда, когда входят в состав вестороннее живых языковых элементов, каковыми являются морфемы, ассоциируемые как с семасиологическими, так и с морфологическими представлениями»⁹. И все колебания Бодуэна и его отклонения от своих же мыслей — все это след большой и упорной работы над новым пониманием фонетики, что дало свои ростки и всходы в дальнейшем развитии фонологии в разных течениях и школах.

Приведенное определение с наибольшей отчетливостью формулирует то, что позднее некоторые лингвисты неодобрительно стали называть «морфематизмом» и что является главным ключом к пониманию расхождений не только между Московской и Ленинградской школами, но и между Бодуэном и Щербой.

С. И. Бернштейн в рецензии на книгу Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова «Очерк грамматики русского литературного языка»¹⁰, рассматривая эти расхождения и приводя конкретные примеры, получающие разную формулировку у представителей Ленинградской и Московской школ, писал: «Первый вид „модификаций“ они (Аванесов и Сидоров. — А. Р.) назвали «вариациями фонемы», а второй — ее «вариантами» (. . . в их терминологии конечный звук *к* в слове *сапог* является «вариантом» фонемы *г*, а, например, звук *ы* представляет собой «вариацию» фонемы *и*). Охарактеризованное расхождение между двумя концепциями фонемы является в значительной мере терминологическим, но тот или иной выбор терминов в этом вопросе определяет способ изложения всей теории фонемы» (стр. 83).

Я полагаю, что здесь вовсе не «терминологическое» расхождение, а расхождение по существу, онтологическое. В этих двух направлениях речь идет о разных предметах: в Ленинградской школе — о звуковом типе реальных звучаний в речи без учета роли данных явлений в морфеме, а в Московской школе — о «подвижном элементе морфем», о единице, получающей «языковую ценность» и «рассматриваемой лингвистически» без всякой оглядки на «звуковой тип». Это принципиально разные явления, «вещи» и области. И спорить тут в сущности не о чем: «пусть каждый да поживает в доме своем», как гласила старорусская поговорка. Уж если на то пошло, то для нас, «москвичей», гораздо интереснее те разногласия, которые были у нас с С. И. Бернштейном и А. И. Смирницким, о чем будет сказано ниже.

⁹ И. А. Бодуэн де Куртене. Указ. соч., т. II, стр. 276.

¹⁰ С. И. Бернштейн. [Рец. на кн.:] Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров. Очерк грамматики русского литературного языка. — РЯШ, 1946, № 3—4.

В науке каждый волен излагать свое мнение, только следует опасаться глупостей и неправды. Но есть у всякой науки свои приложения, которые требуют целесообразности рекомендуемых мероприятий и удобства их формулировок. Для фонологии — это алфавитное строительство, выработка правил орфографии, установление правил практической транскрипции и транслитерации — для выработки нормативов при обучении произношению чужого языка, для правильной (!) подачи и демонстрации морфологии (где не годится ни орфографическая запись, ни фонетическая транскрипция, а нужна характеристика по составу фонем в морфемах с учетом морфонологии), для правильного понимания чередований (чтобы такие случаи, как [морос] — [мороза]: [с/з] и [вос] — [вожу]: [с/ж], не попадали на одну полку ввиду разных критериев чередований — фонетических и морфонологических), а кстати, и для диагностики речевых расстройств и разных типов «афазий». . . А кроме того — просто, чтобы лингвистическая онтология была соблюдена в истине.

Правда, есть одна область «приложений» лингвистики, где «щербема» (по остроумному выражению С. С. Высотского) или «физическая фонема», как пишет в своей книге М. А. Сапожков¹¹, «сработали» (как теперь иной раз говорят), — это техника связи¹²

¹¹ См.: М. А. Сапожков. Речевой сигнал в кибернетической связи. М., 1963, стр. 8—9.

¹² См.: Л. Р. Зиндер. Об одном опыте содружества фонетиков с инженерами связи. — ВЯ, 1957, № 5; см. также: А. Р. Лурья. Афазия и анализ речевых процессов. — ВЯ, 1959, № 2; Вяч. Вс. Иванов. Лингвистика и исследования афазии. «Структурно-типологические исследования». М., 1962.

II. ЗАРОЖДЕНИЕ МОСКОВСКОЙ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Все мы шли разными путями. Основу этой школы заложили Рубен Иванович Аванесов и Владимир Николаевич Сидоров, учившиеся вместе в Московском университете и начавшие разрабатывать фонологию на диалектологическом материале и еще студентами ставшие активными участниками Московской диалектологической комиссии при Академии наук. Там под руководством Д. Н. Ушакова, а далее и А. М. Селищева получили они свое первое лингвистическое крещение. Там они стали лингвистами.

Я шел иным путем: служил в издательствах, думал о знаковой в письменной и печатной речи; в то же время была написана «Техническая редакция книги»¹, которая сейчас больше интересует лингвистов, чем полиграфистов². Да, действительно, в этой книге есть «семиотические наблюдения», которые пригодились будущим теоретикам по новой дисциплине — «теории информации». Параллельно со службой в различных издательствах внештатно состоял в ГАХНе (Государственной Академии художеств) и в НИЯзе (Научно-исследовательском ин-те языкознания). Общение с такими людьми, как Н. Ф. Яковлев, Л. И. Жирков, и с моими друзьями Аванесовым и Сидоровым во многом помогло стать мне одним из ведущих участников Московской фонологической школы. И еще была причина: я был членом Московского кружка ОПОЯЗ³ и членом Московского лингвистического кружка, который возник по инициативе Р. О. Якобсона и считался ведущим лингвистическим центром тех годов. Кстати сказать,

¹ А. А. Реформатский. Техническая редакция книги, теория и методика работы. М., 1933.

² См.: М. В. Панов. И все-таки она хорошая. М., 1964, стр. 160; Он же. Русская фонетика. М., 1967, стр. 407.

³ См.: А. А. Реформатский. Опыт анализа новеллистической композиции. М., 1922.

я в 1920 г. был учеником Р. О. Якобсона, который читал курс «Русский язык» в театральной школе при I Государственном театре РСФСР, где я тогда обучался. Идеи, воспринятые на заседаниях Московского лингвистического кружка и в личном общении с О. М. Бриком и В. Б. Шкловским, толкнули меня к формальному методу в поэтике и к внедрению этого метода в лингвистику (1922). Большую роль сыграл здесь Г. Г. Шпет, два семинария которого я проработал в 1923—1924 гг. (в Институте слова; я уже кончил тогда университет и был тем, что ныне называется «аспирантом», а по-тогдашнему — научным сотрудником 2-го разряда РАНИОНа).

В середине 20-х годов мы кооперировались для научных и литературных задач в два «объединения»: «Дружина», где я писал философские и музыковедческие статьи, а также стихи и рассказы, и ДАРС — научный центр, названный так по инициалам участников: Дмитриев, Аванесов, Реформатский, Сидоров. Ни много ни мало, а мы (ДАРС) решили написать «Основы языковедения!» Аванесов писал фонетику, Дмитриев — лексику, я — морфологию (с идеей полиморфем!), а Сидоров — синтаксис.

Но книгу мы так и не написали, а встречались еженедельно, и тут-то и надо фиксировать начало «новомосковской школы», как ее называли до 1950 г.

Следующим стимулом для формирования Московской фонологической школы был Всероссийский съезд по реформе орфографии в 1931 г., где выступали и «марристы», и этимологисты. В НИЯзе мы долго обсуждали тематику предстоящего съезда и тут нашли друзей: это были П. С. Кузнецов, тоже ученик Д. Н. Ушакова, ношедший своим путем и присоединившийся к нам, и А. М. Сухотин, воспитанник училища правоведения, дипломат, а потом аспирант Н. Ф. Яковлева по Институту народов Востока и один из самых яростных адептов Московской фонологической школы⁴.

Большим подспорьем для уточнения нашей теории была прикладная деятельность, из которой отмечу УФТ 1929—1931 гг. при Госиздате и НИИ Огиза (в комиссию по выработке «унифицированной фонетической транскрипции» (УФТ) входили: А. А. Реформатский (председатель), М. Н. Петерсон, Р. И. Аванесов, Г. О. Винокур, М. М. Каушанский, К. А. Ганшина, О. И. Бого-

⁴ См. вводную статью и примечания А. М. Сухотина к кн.: Э. С е п и р. Язык. Введение в изучение речи. М.—Л., 1934; см. также: А. М. С у х о т и н, К. К. Ю д а х и н. О сокращении некоторых букв в ряде тюркских алфавитов. «Письменность и революция», 1933, стр. 137—141; то же — наст. изд., стр. 157—162.

молова, Е. А. Мейер, Н. Э. Мамуна, Б. В. Шмелев, Л. Викстид и Н. П. Сеттингсон), а также редакционную комиссию по предложениям о реформе русской орфографии в НИЯзе (А. М. Сухотин, В. Н. Сидоров и А. А. Реформатский; проект был отклонен Главнаукой и «выше» ввиду радикального характера, например введение в русский алфавит буквы «йот» и пр.).

Большую роль для укрепления взглядов Московской фонологической школы сыграли труды Н. Ф. Яковлева, который с начала 20-х годов занялся языками Северного Кавказа, продолжая тем самым дело П. К. Услара и развивая на основе современной лингвистики идеи этого предтечи фонологии. Еще в 1923 г. Н. Ф. Яковлев опубликовал «Таблицы фонетики кабардинского языка»⁵, где автор сформулировал свое фонологическое кредо, а в 1926 г. на I Тюркологическом съезде в Баку сделал основной доклад по вопросу об алфавитном строительстве, что легло в основу его статьи «Математическая формула построения алфавита»⁶. В этой статье Н. Ф. Яковлев излагает свою фонологическую позицию, ссылаясь на мысли П. К. Услара и И. А. Бодуэна де Куртенэ и полемизируя как с Бодуэном, так и с Щербой, а также формулирует задачи прикладной лингвистики и ее теоретические обоснования. Вот наиболее интересные положения этой статьи:

«Непосредственный контакт тех и других (здесь имеются в виду „культурные работники восточных автономных образований“ и „теоретики-лингвисты“. — А. Р.) в вопросах проработки проблем массовой письменности на бесписьменных и младописьменных языках. . . чрезвычайно благоприятно отразился на развитии нового направления в лингвистической науке, которое можно обозначить термином: „прикладная лингвистика“ или „теория прикладной лингвистики“» (стр. 41); «. . . базируется она [это новое направление] на результатах не историко-сравнительного изучения языков, но на относительно недавно возникшей теории фонем, как главе вновь возникающей лингвистической дисциплины — так называемой „статической“, или „синхронической“, лингвистики, которую правильнее было бы называть „теорией грамматики“, в научном смысле этого слова» (стр. 63).

Что касается основы прикладной лингвистики для алфавитных проблем — фонологии, то в данной статье Н. Ф. Яковлев

⁵ Н. Ф. Яковлев. Таблицы фонетики кабардинского языка. М., 1923.

⁶ Н. Ф. Яковлев. Математическая формула построения алфавита. «Культура и письменность Востока», кн. I. М., 1928, стр. 41—64; то же — наст. изд., стр. 123—148.

высказал очень важные и основополагающие мысли. «Огромная заслуга фонетиков бодуэновской школы заключается в том, что они впервые установили для каждого данного языка, что в сознании говорящих на нем существует не все бесчисленное множество наблюдаемых исследователями звуковых оттенков, но лишь строго ограниченное их число. Эти звуковые оттенки, создаваемые говорящими, были названы Бодуэном де Куртене „психофонетическими альтернантами“, или „коррелятивами“, и вслед за ним Л. В. Щербой — „фонемами“» (стр. 45—46).

На минутку остановим цитату: «бодуэновскую школу» надо дифференцировать. Одни от Бодуэна пошли в левую сторону, другие — в правую. Здесь я отнюдь не хочу характеризовать через прилагательные «левый» и «правый» что-то качественное, как бы в «политическом смысле». Просто: это «те» и «другие». Но, во-первых, «запуск» слова *фонема* в лингвистику принадлежит не Щербе, а именно Бодуэну и Крушевскому, а во-вторых, — я и сейчас это подчеркну и в дальнейшем буду об этом говорить, — нельзя говорить о «бодуэновской школе», имея в виду только Л. В. Щербу и Ленинградскую фонологическую школу. Заслуга Бодуэна именно в том, что он дал исходный плацдарм, из которого смогли развиться и Ленинградская школа («школа Щербы»), и Пражская школа, и Московская фонологическая школа. Тем-то и велик Бодуэн, что он оставил такое наследие, в котором «сам да понимает себя»!

Продолжаю цитату: «Указанные исследователи, однако, не объяснили лингвистической сущности данного явления, его специальной основы, сводя дело к психологическому акту, к явлениям индивидуального сознания каждого отдельно говорящего. Между тем уже такой ранний исследователь языков Кавказа, как П. К. Услар, которому в ходе его научной работы постоянно приходилось сталкиваться с составлением практических алфавитов для горских языков Кавказа, устанавливает впервые правильную точку зрения на данное явление. Именно он отмечает, что в каждом данном языке, при всем кажущемся звуковым его многообразием, всегда существует лишь строго ограниченное количество таких звуков, которые служат для различения слов этого языка (следует ссылка автора на «Абхазский язык» П. К. Услара, Тифлис, 1887. — *А. Р.*). Это замечание Услара, нигде, однако, им не развитое и не обоснованное, стало мне известным уже тогда, когда я путем самостоятельных исследований фонетик кавказских языков пришел по существу к аналогичному выводу, который вкратце изложил в своих „Таблицах фонетики кабардинского языка“. Я вполне присоединяюсь к выводам проф. Л. В. Щербы, что в каждом языке существует строго ограниченное количество звуков — „фонем“, однако в отличие от последнего я даю этому факту

чисто лингвистическое толкование. Именно — фонемы выделяются, по моему мнению, не потому, что они сознаются каждым отдельным говорящим, но они потому и сознаются говорящими, что в языке, как социально выработанной грамматической системе, эти звуки выполняют особую грамматическую функцию» (стр. 46).

Пока что — полное согласие «нас» и Яковлева. Но дальше идет небольшое разногласие, которое нас сблизило с Пражской школой и позволило полемизировать с Яковлевым. «Грубо говоря, можно сказать вслед за Усларом, что фонемы — это те звуки, с помощью которых происходит различение слов в языке. Точнее говоря, мы должны признать фонемами те звуковые отличия, которые выделяются в речи как ее кратчайшие звуковые моменты в отношении к различению значимых элементов языка. При таком толковании мы должны ясно представить себе, что фонемы — это социально выделяемые в языке звуки и таких звуков в каждом языке существует различное, но всегда строго ограниченное количество» (там же, стр. 46).

Хотя в целом — это и правильно, но здесь есть одна ошибка, о которой в свое время было сказано:

«На мой взгляд здесь смешиваются два соподчиненных явления. С одной стороны, „звуковые отличия“, или „различительные признаки“, с другой стороны, некоторые их объединения или совокупности, реально существующие и функционирующие в данном языке в тех или иных звуках речи.

„Различительные признаки“, или „звуковые отличия“, — будем называть их впредь для краткости дифференциалы (например, „звонкость“, „глухость“, „твердость“, „мягкость“, „взрывность“, „фрикативность“, „краткость“, „долгота“, „назализация“, „лабиализация“, „аспирация“, „гортанность“, „язычность“ и т. п.) — являются действительно „кратчайшими моментами“, но на нынешней стадии развития языков они не могут существовать изолированно, отдельно — они образуют известные совокупности, которые уже не являются „кратчайшими моментами“, однако они действительно неделимы с точки зрения реального функционирования и без потери функциональной значимости в данном языке. . . Я полагаю, что из всех фонологически возможных единиц языка термином фонема надо называть именно эту единицу: 1) ввиду ее реальности и конкретной неделимости для данной стадии развития языков (в отличие от дифференциалов, не обладающих указанными качествами), 2) ввиду ее функциональной значимости (в отличие от вариантов, вариаций и тем более „звуковых типов“ и прочих внефонологических явлений фонетики) и 3) ввиду ее структурной первичности в фонологической системе современных языков по сравнению с более „высокими“ единицами, например морфонемами

(в понимании Грубецкого и Свадеша) или архифонемами (в понимании пражцев или Мартине)⁷.

Однако, это — деталь. Главное, что и общие положения в фонологии, и отдельные соображения Н. Ф. Яковлева были понятны нам. Это позволило нам получить прекрасного союзника — его аспиранта А. М. Сухотина, одного из столпов Московской фонологической школы, к сожалению, рано ушедшего от нас (он умер в 1942 г.), и мне позволило работать с Николаем Феофановичем в 30-е годы в ВЦК НА в полном контакте и полном взаимопонимании.

Из общих положений, изложенных в этой статье Н. Ф. Яковлева, хотелось бы привести еще следующие соображения.

«В каждом языке грамматически (социально) существуют звуковые отличия («звуки») двух категорий. Одна категория связана с различием значений («смыслов») слов. Этот род звуков называется в грамматической науке „фонемами“; проще можно было бы назвать их самостоятельными звуками языка. Для образования фонем почти каждый язык использует какой-нибудь звуковой признак, с помощью которого образуется целый ряд взаимно противопоставленных парных фонем, как гласных, так и согласных. Таков, например, в русском языке признак „твердости“ — „мягкости“ согласных. . .» (стр. 48).

«Другой род звуковых отличий появляется в каждом языке исключительно в определенных сочетаниях (соединениях) фонем друг с другом. Этот род звуковых отличий называется в науке „комбинаторными“ (т. е. появляющимися в комбинациях звуков) вариантами фонем или проще — звуковыми оттенками фонем» (стр. 48).

Из частных соображений Н. Ф. Яковлева в этой статье хотелось бы привести еще две цитаты.

Одна касается русского консонантизма: «. . . в русском языке существуют, с одной стороны, звуки *н*, *л* твердые и соответствующие мягкие звуки *нь*, *ль*, с другой стороны, имеются также *к*, *г* твердые и *къ*, *гь* мягкие. . . Это. . . дало бы возможность ученому, стоящему при исследовании звуков на чисто физической точке зрения, утверждать, что в русском языке существуют твердые звуки *л*, *н*, *к*, *г* и соответствующие им мягкие звуки *ль*, *нь*, *къ*, *гь*, разница между которыми одинаково объясняется повышением тона ротового резонатора. Между тем, если исследовать этот

⁷ А. А. Реформатский. Проблема фонемы в американской лингвистике. «Уч. зап. Московского гор. пед. ин-та. Кафедра русского языка», 1941, т. V, вып. I, стр. 136; то же — наст. изд., стр. 204—248.

вопрос с точки зрения социально-лингвистической, то окажется, что социальная, грамматическая роль „твердости“ и „мягкости“ вышеперечисленных согласных в русском языке неодинакова. В то время как разница между твердыми и мягкими *н* и *л* использована в русском языке в связи с различием смысла слов. . . различие между твердыми и мягкими „к“ и „г“ для такой цели никогда не применяется. . .» (стр. 47).

Другая цитата связана с вокализмом: «Смена *ы* и *и* в зависимости от твердости или мягкости предшествующего согласного . . . совершенно аналогична смене *э* узкого («среднего») и *э* широкого в тождественных случаях, например: . . . *конь этот — кон этот* и т. п. Доказательством того, что *ы* представляет собою лишь вариант фонемы *и*, является также: невозможность произношения *ы* в начале речи и дифтонгичность *ы* в конце речи, где этот гласный в своем исходе приближается к звуку *и*. Последний факт был открыт иностранными учеными. Наконец, на том, что звуки *и* и *ы* представляют собой в русском варианты одной и той же фонемы, основана также возможность их рифмования в стихах. Как раз этот факт служит ярким доказательством правильности теории фонем, а отнюдь не представляет собою „неточной“ рифмы, как думает С. Бернштейн („О методологическом значении фонетического изучения рифмы“. — „Пушкинский сб. памяти Венгерова“. СПб., 1922)» (стр. 50, сноска).

Попутно Н. Ф. Яковлев замечает: «Тот факт, что в орфографии приняты написания *а*, *у*, *и* для изображения гласных после *ч*, *ц*, *ж*, *ш*, как не имеющих парного противопоставления по твердости и мягкости, представляет собою безусловно рациональный графический принцип: удержания в графике из двояких возможных начертаний — одного простейшего. Этот принцип следовало бы распространить и на случаи: *цы*, т. е. писать во всех случаях *ци*» (стр. 50, сн. 2).

Пусть Н. Ф. Яковлев и допустил отождествление двух уровней: фонематического и мерисматического (о чем было сказано выше) и не упомянул о фонетическом исследовании гласного звука [ы], которое провел и опубликовал не «иностранный ученый», а ученик Ф. Ф. Фортунатова — Александр Иванович Томсон⁸, все же приведенные выше положения статьи Н. Ф. Яковлева «Математическая формула построения алфавита» были отправным пунктом построения теории Московской фонологической школы и в своих методологических соображениях, и в решении отдельных вопросов русского консонантизма и вокализма. Это было «наше» тогда

⁸ А. И. Томсо в. Фонетические этюды. — РФВ, 1905.

и остается «нашим» и по сей день. И, несмотря на то, что Николай Феофанович организационно не был членом Московской фонологической школы, он был ее представителем, на что уже указывали многие исследователи⁹.

Наиболее интересные разговоры и беседы на фонологические темы были в НИЯзе при подготовке к Всероссийскому орфографическому съезду 1931 г., когда «сектор», где эти беседы имели место, возглавлял журналист и литератор Михаил Семенович Гус, человек способный, выпустивший незадолго перед тем совместно с Н. Загорянским и Н. Кагановичем книгу «Язык газеты» (1926), но абсолютно не лингвист, что, например, явствует из его одобрения нашего предложения после *ц* всегда писать *и* (в том числе и *огурци, отци*). Михаил Семенович, имея в своем произношении (*ц* мягкое), очень приветствовал это предложение: «Огурц' и — это хорошо!», — а в фонологии и в фонологическом письме он так и не смог разобраться, хотя ему многое втолковывали (особенно — А. М. Сухотин). Но в общем эти совещания были для нас очень полезными: здесь мы (Аванесов, Сидоров и я) поняли наших единомышленников (П. С. Кузнецова и А. М. Сухотина; хотя Кузнецова Аванесов и Сидоров знали и раньше по Диалектологической комиссии, а Сухотин, действительно, «родился» для нас в это время).

За полгода до Орфографического съезда, после весенних дебатов о реформе русской орфографии в связи с публикацией проектов в «Учительской газете», в брошюре Главнауки и в журнале «Русский язык в советской школе», была опубликована статья Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова «Реформа орфографии в связи с проблемой письменного языка»¹⁰, где на примере критики беспринципного и к тому же «полипринципного» проекта реформы орфографии авторы обосновывают принцип фонологической или фонематической орфографии, попутно объясняя основные положения самой фонологии с «московской точки зрения». Вниманием в некоторые положения этой замечательной статьи, которая была «этапной» для консолидации воззрений Московской фонологической школы. Вот выдержки: «Под звуковым письмом мы имеем в виду такое письмо, которое построено на известном соотношении звука и его графического изображения — буквы. Звуковое письмо

⁹ См., например: М. В. П а н о в. Русская фонетика, стр. 396, 397; М. П е т е р. К теории Московской фонологической школы. «Studia Slavica», 1957, v. III, fasc. 1—4, стр. 330 и др.

¹⁰ Р. И. А в а н е с о в, В. Н. С и д о р о в. Реформа орфографии в связи с проблемой письменного языка. — РЯШ, 1930, № 4, стр. 110—118; то же — наст. изд., стр. 149—156.

может быть либо фонетическим, либо фонологическим, либо традиционно-этимологическим. . .» (стр. 111).

«При фонологическом письме соответствие между буквой и звуком отсутствует. Фонологическое письмо не стремится изображать каждый звук в том виде, как он реально был произнесен говорящим. Оно передает только те звуковые качества, которые дифференцируют морфемы, отличают одно слово от другого, следовательно — одно значение от другого. Не всякое изменение звукового качества связано с дифференциацией значения. Многие звуковые различия зависят лишь от того или иного фонетического положения и не связаны с различиями в значении. Так, например, в словах *лѣс*, *о лѣсе*, *лѣса*, *лѣснѣк*, *лѣсовѣд* в корневой морфеме произносится каждый раз неодинаковый по своему качеству гласный звук, отличающийся характером артикуляции, той или иной долготой» (стр. 111).

«Современная лингвистика проводит строгое различие между такого рода звуковыми отличиями и звуковыми отличиями, связанными с дифференциацией значения, с дифференциацией морфемы.

Звуковое качество, дифференцирующее морфемы языка, называется *фоноемой*. Фонема — это идеальное языковое задание, то „общее“, которое под влиянием актуальных фонетических факторов реализуется в различных звуковых комбинаторных вариантах в „отдельном“. Звук лишь постольку можно считать фактором языка как явления социального, поскольку он соотносен фонеме, поскольку он является реализованным в данном фонетическом контексте вариантом фонемы. И без соотношения с фонемой, дифференциальным социально-значимым элементом речи, звук есть чисто природное внеязыковое явление.

Фонологическое письмо отвечает социальной природе языка, потому что оно передает не звуки в отрыве от их значения, а фонемы. Поэтому фонологическое письмо в отличие от фонетического основано не на соответствии буквы и звука, а на соответствии буквы и фонемы» (стр. 112).

«Передавая фонемы, а не звуки, фонологическое письмо осуществляет единство в написании морфемы. Благодаря этому фонологический принцип обычно называют *морфологическим*» (стр. 113).

По поводу предложенной проекта Главнауки писать *жить*, *разжылся*, но *жужит*, *приезжий* в данной статье сказано:

«Конечно, необходимо здесь установить одно написание — или *ы*, или *и*. Целесообразное решение вопроса — оставить существующее написание *и*, распространив его и на все случаи после *ц* (т. е. писать, например, *ципленок*, *кузнеци*). Такое ре-

шение диктуется тем, что в русском языке нет самостоятельной фонемы *ы* и звук *ы* является лишь комбинаторным вариантом фонемы *и*. Фонема *и* в положении после твердых согласных модифицируется, образуя гласный *ы* (ср., например, Иван — к Ывану, играть — разыграть)» (стр. 116).

В сноске указана работа И. А. Бодуэна де Куртенэ «Об отношении русского письма к русскому языку» (СПб, 1912, стр. 44) и книга Р. О. Якобсона «*Remarques sur l'évolution phonologique du russe*» (Prague, 1929, стр. 10, 102), но почему-то не упомянут ближайший «источник», где говорится о том же — статья Н. Ф. Яковлева «Математическая формула построения алфавита». Правда, ссылка на Н. Ф. Яковлева есть, но не на «Математическую формулу. . .», а на «Материалы для кабардинского словаря» (вып. I, М., 1927, стр. XXXIX и сл.), хотя эта работа менее известна, чем «Математическая формула. . .»

Несмотря на то, что статья Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова орфографическая, а не чисто фонологическая, в ней изложены основные положения Московской фонологической школы как в теории орфографии, так и в фонологии. Изложены кратко и четко, а это было в то время очень важно для консолидации школы и для единого мнения всех нас перед Всероссийским орфографическим съездом, что позволило нам выступать единым фронтом и на съезде, и в период его подготовки.

Правда, в этой статье нет еще определений типов позиций, что стало в дальнейшем одним из узловых пунктов платформы Московской фонологической школы, а также отсутствует различие вариаций и вариантов в связи с отношениями непересечений и пересечений «фонемных полей» и проблемой нейтрализации фонематических оппозиций, что признавал уже Бодуэн де Куртенэ¹¹. Нет в этой статье еще и другой очень важной для Московской фонологической школы идеи: понятия гиперфонемы, что вовсе не то же самое, что «архифонема» пражцев, хотя Л. Р. Зиндер в статье «Существуют ли звуки речи?» писал: «Мы видим, как отказ от фонетического критерия при определении фонемы, непризнание того, что объективное звучание, а также и слух говорящих на данном языке должны учитываться при фонологической трактовке того или иного звука, завели авторов „Очерка“ в тупик. Выход из этого тупика они находят для себя в теории „архифонемы“ Якобсона и Трубецкого»¹².

¹¹ См.: И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избр. труды по общему языкознанию, т. I. М., 1963, стр. 351—352 (ст. «Фонема»).

¹² Л. Р. Зиндер. Существуют ли звуки речи? «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1948, т. VII, вып. 4, стр. 295.

Период начала 30-х годов мне трудно детально освещать, так как главным центром, объединявшим членов нашей группы, был в то время НИЯз, где штатно работали Н. Ф. Яковлев, Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров, П. С. Кузнецов и А. М. Сухотин, я же не состоял в штате НИЯза, а только участвовал в обсуждениях и редактировании проекта реформы русской орфографии и был членом Терминологической комиссии НИЯза, поэтому мне приходится здесь воспользоваться неопубликованными мемуарами П. С. Кузнецова, живо описывающими жизнь в НИЯзе:

«В институте было три сектора: методологический, практический и исторический. . . Моя работа была связана главным образом с практическим сектором. . . Руководил сектором М. С. Гус, по профессии, кажется, журналист. . . Человек веселый и остроумный, он занимался реформированием (рационализацией), в связи с чем всевозможным образом трансформировал язык военных приказов. . . освобождая от излишней канцелярщины, а кроме того. . . занимался преобразованием регулирования уличного движения. . .

Занимались в секторе и упорядочением научной и технической терминологии (на этой почве состоялось мое знакомство с А. А. Реформатским. . .), и реформой орфографии и письменности — этим занимались мои прежние друзья по университету Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров, которые были научными сотрудниками Института, а также и А. М. Сухотин, с которым. . . я был знаком по Институту народов Востока. . . в этой работе принимали участие также А. А. Реформатский, а из более старшего поколения — Н. Ф. Яковлев и Л. И. Жирков. . .

В методологическом секторе занимались диалектико-материалистической методологией языкознания, борьбой на два фронта — против буржуазного языкознания и против яфетической теории («Нового учения о языке»). . . Вырабатывались различные „тезисы“. . .

Наконец, был исторический сектор, где занимались исследованием истории и диалектологии преимущественно русского языка, но также и других. . .

Именно в стенах НИЯза оформилась в процессе оттачивания от Пражской школы (с использованием ее лучших достижений) и более последовательного проведения концепции и методики, отразившихся в опубликованной в 1928 г. „Математической формуле построения алфавита“ Н. Ф. Яковлева, так называемая Московская фонологическая школа. Ядро этой школы образовали В. Н. Сидоров, Р. И. Аванесов, А. А. Реформатский и я. Основные положения ее отразились еще в небольшой статье о реформе орфографии Аванесова и Сидорова (РЯШ, 1930, № 4)».

Тогда же возникла мысль о более крупном объединении всех, кто «по-московски» верует. Это осуществил Рубен Иванович Аванесов, возглавив кафедру русского языка в Московском городском педагогическом институте, куда он пригласил А. М. Селищева, С. И. Бернштейна, С. Б. Бернштейна, В. Н. Сидорова, А. М. Сухотина, А. Б. Шапиро, П. С. Кузнецова, А. И. Зарецкого, Г. О. Винокура, А. А. Реформатского, И. С. Ильинскую, В. Г. Орлову и др. Не правда ли — блестящий ансамбль лингвистов? И здесь в практической потребности преподавания мы еще и еще раз объединились и «стакнулись».

На заседаниях кафедры этого Института часто бывали Д. Н. Ушаков, Л. В. Щерба, Л. А. Булаховский, С. И. Абакумов, Л. И. Жирков, Р. О. Шор и другие лингвисты.

В 1935 г. на этой кафедре была проведена дискуссия на тему о фонеме. Докладчиком был А. А. Реформатский, оппонентами С. И. Бернштейн, Р. О. Шор, Б. В. Горнунг. Насколько с С. И. Бернштейном после долгих споров удалось найти общий язык, настолько ни с Р. О. Шор, ни с Б. В. Горнунгом — ничего не вышло: Р. О. Шор была по природе эклектична, заигрывала с марризмом и не была фонологом, а Горнунг вообще скорее не лингвист, а филолог. Но эти дискуссии были очень полезны для Московской фонологической школы; мы в этих спорах удачнее находили себя.

К середине 30-х годов взаимопонимание членов Московской фонологической школы было уже полным, и они, объединенные кафедрой русского языка Московского городского педагогического института, шлифовали определения основных понятий общей им доктрины в практике преподавания в этом институте, а также и на заседаниях кафедры.

Не занимавшийся специально фонологией Григорий Осипович Винокур близко примыкал к основной пятерке благодаря своим интересам к истории орфографии и к проблемам общей лингвистики. Его также интересовали вопросы орфоэпии и транскрипции. . . В различных комбинациях участники МФШ соприкасались друг с другом в разных учреждениях, имевших дело с прикладной лингвистикой.

В 1933—1934 гг. В. Н. Сидоров работал редактором в Учпедгизе, где он встречался и с Н. Н. Дурново, и с Н. Ф. Яковлевым, и с Л. И. Жирковым, и с В. В. Виноградовым и др. А. А. Реформатский, работая в НИИ Отгиза, редактировал в это время «Справочник корректора», где был раздел «Орфография», для написания которого был приглашен В. Н. Сидоров. В. Н. Сидоров работал до января 1934 г., после чего его заменил А. М. Сухотин. И, как ни странно, это стало «прологом» Орфографической комиссии Наркомпроса! «Справочник корректора» был закончен летом

1934 г., но так как его никто не «утвердил», то он остался непечатанным. А материалы по орфографии из этого справочника не предназначались для лежания «в столе»; в это время выходили различные «Справочники», которые противоречили друг другу, что прекрасно показал С. П. Обнорский¹³. Тогда А. А. Реформатский списался с С. П. Обнорским и узнал, что в Ленинграде при АН СССР начала работать под его руководством Комиссия по упорядочению орфографии. Так как установки этой Комиссии во многом не совпадали с мнениями москвичей, А. А. Реформатский вошел к Д. Н. Ушакову с предложением организовать Московскую комиссию по упорядочению орфографии и пунктуации при Ученом комитете Наркомпроса. В эту комиссию вошли: Д. Н. Ушаков (председатель), А. Б. Шапиро, А. М. Сухотин, Р. И. Аванесов, М. В. Сергиевский (как председатель Комитета Наркомпроса) и А. А. Реформатский (ученый секретарь). На путях составления и редактирования «Сводов правил орфографии и пунктуации» происходило много и чисто фонологических разговоров и споров, в которых активное участие принимал и председатель комиссии — Д. Н. Ушаков.

Со своей стороны А. М. Сухотин совместно с К. К. Юдахиним привлек А. А. Реформатского к работе в ЦК Нового алфавита, где в то время главным «арбитром фонологии» был Н. Ф. Яковлев, что было очень существенно для членов МФШ, чтобы уточнить свои взаимоотношения с бывшим видным деятелем Московского лингвистического кружка, участником Лингвистического конгресса в Гааге (1928) и одним из ведущих лингвистов в ЦК НА. В тесном контакте с Н. Ф. Яковлевым была выполнена работа Реформатского «Лингвографический анализ унифицированного Нового алфавита», доложенная на Технографической комиссии ЦК НА, которую возглавлял Н. Ф. Яковлев. На почве ЦК НА возникло личное знакомство с Н. В. Юшмановым, ленинградским лингвистом-полиглотом, фонологические позиции которого оказались ближе к Москве, чем к Ленинграду (см. ниже).

Тогда же, в 1934 г., при НИИ Большого советского атласа мира возникла Транскрипционная комиссия, в которой, кроме географов (председатель Л. Я. Зиман, А. С. Барков, А. А. Борзов, В. В. Богданов и др.), активно участвовали и лингвисты: Л. И. Жирков, А. М. Сухотин, М. В. Сергиевский, Б. В. Горнунг, А. И. Смирницкий, П. П. Свешников, Т. А. Арцибашева,

¹³ С. П. Обнорский. Русское правописание и язык в практике издательств. «Изв. АН СССР», серия 7, 1934, № 6.

В. П. Старинин, А. И. Иванов, К. К. Юдахин, Р. О. Шор и А. А. Реформатский.

Эта работа была тем интересна, что она требовала применений той или иной теории не только к русскому языку, но и к английскому, немецкому, французскому, испанскому, скандинавским и иным, что расширяло «плацдарм» приложений «московской доктрины» и обогащало теорию новым материалом. Правда, за исключением хорошего взаимопонимания А. М. Сухотина и А. А. Реформатского с К. К. Юдахиным и В. П. Старининым, да, пожалуй, еще частично с Л. И. Жирковым и А. И. Смирницким, дело дальше не шло, но для единства мнений МФШ — это был тоже важный «плацдарм».

К середине 30-х годов из Ленинграда в Москву переехал С. И. Бернштейн и был привлечен Р. И. Аванесовым к работе кафедры русского языка МГПИ. В это время С. И. Бернштейн, ученик Л. В. Щербы и до этого времени, по его собственному признанию, «щербланец» в вопросах фонологии, почувствовал необходимость пересмотреть некоторые основные положения своего фонологического «кредо», чему содействовало его близкое общение с представителями МФШ на заседаниях кафедры русского языка МГПИ, а главное, те беседы и споры, о которых он сам очень хорошо написал в статье «Основные понятия фонологии», которая по ряду причин была опубликована только в 1962 г.¹⁴ Вот некоторые выдержки из этой интересной и очень откровенной статьи.

«Во второй половине 20—начале 30-х годов группа молодых московских лингвистов, назвавшая себя «новомосковской школой» (в отличие от «московской школы языковедения» — школы Ф. Ф. Фортунатова¹⁵), создала самостоятельную фонологическую теорию на базе основных фонологических трудов Бодуэна де Куртене («Некоторые отделы „сравнительной грамматики“ славянских языков», 1881 и «Versuch einer Theorie phonetischer Alternationen», 1895) и «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра.

Влияния со стороны учения Щербы в этой теории не наблюдается, если не считать смысловозначения как основного признака фонемы. Во всем остальном в этом фонологическом построении

¹⁴ С. И. Бернштейн. Основные понятия фонологии. — ВЯ, 1962, № 5.

¹⁵ В состав этой группы входили Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров, А. М. Сухотин, П. С. Кузнецов, А. А. Реформатский. К их взглядам близка и фонологическая концепция Н. Ф. Яковлева, разрабатывавшего эти вопросы с начала 20-х годов.

обнаруживается расхождение с учением Щербы — прежде всего расхождение по вопросу о степени абстракции фонемы от материального звучания и, следовательно, об объеме фонемы как фонетической единицы языка. Так, в слове *мороз* конечная фонема, с точки зрения Щербы, — *с*, чередующаяся с фонемой *з* в других формах этого слова; с точки зрения «новомосковской школы» — это фонема *з* в своей разновидности *с*. Другими словами, представители этого учения считают, что все звуки, связанные живым позиционным чередованием в морфеме, принадлежат к составу одной фонемы; что живые позиционные чередования возможны только в пределах фонемы — между ее вариантами («разновидностями», «модификациями»), а фонемы между собой в живые позиционные чередования не вступают. Следовательно, эти чередования, с излагаемой точки зрения, не затрагивают фонемного состава морфем. Наконец, с этим связана возможность совпадения разных фонем в одном материальном звуке: *с*, которое в слове *мороз* является разновидностью фонемы *з*, в других позиционных условиях, например в слове *сон*, выступает как „основной вид“ фонемы *с*; один и тот же безударный гласный в слове *трава* является разновидностью фонемы *а* (ср. *травы*), а в словах *вода* — разновидностью фонемы *о* (ср. *воды*), тогда как Щерба в обоих случаях признавал фонему *а*. Все это соответствует концепции Бодуэна в названных трудах и расходится с учением Щербы. . .

Эти споры побудили меня вновь задуматься над вопросом о фонеме. И вот, опираясь на вышеназванные труды Бодуэна де Куртенэ, я пришел к заключению, что теории Щербы и „новомосковской школы“ по сути дела не исключают, а дополняют друг друга; что „новомосковская“ фонема представляет собой обобщение фонемы Щербы. . .» (стр. 62—63).

Может быть, в приведенных выдержках С. И. Бернштейн и не во всем прав, например в утверждении, что «теории Щербы и „новомосковской школы“ по сути дела не исключают, а дополняют друг друга» и что попытка Сергея Игнатьевича «синтеза двух фонологических концепций создателями обеих синтезируемых теорий была принята в штыки. Ни ту, ни другую сторону не удовлетворял плюрализм в определении фонемы — замена единой „фонемы“ системой фонологических единиц». Ссылка на точку зрения «позднего Аванесова» (50—60-х гг.) здесь не помогает, так как «позиция» Р. И. Аванесова появилась лишь в 50-х годах и не разделялась другими членами МФШ (см. ниже).

В 1937 г. крайне остро встал вопрос о печатной фиксации всех споров и расхождений, что в то время было не легким делом! Правда, в этом году С. И. Бернштейн опубликовал свою прекрас-

ную книжку «Вопросы обучения произношению»¹⁶, а Л. В. Щерба — первое издание своей «Фонетики французского языка»¹⁷, где наряду с прежними тезами Льва Владимировича («Эти звуковые типы и имеются в виду, когда говорят об отдельных звуках речи. Мы будем называть их фонемами», § 16) есть много и нового, например § 57—63 о дифференциальных признаках французских гласных и отказ от психологической интерпретации «фонем как представлений».

«Москва» тоже готовила публикации: Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров и Н. Н. Дурново хотели совместно написать грамматику русского языка (Аванесов — фонетика, Сидоров — морфология и Дурново — синтаксис), но участие Н. Н. Дурново не могло осуществиться, а Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров написали «Очерк грамматики русского литературного языка»¹⁸, где в разделе фонетики дали «московское» толкование фонемы и системы фонем (книга эта была заматрицирована, матрицы остались в Ленинграде, и она вышла только в 1945 г.), кроме того, по инициативе Р. И. Аванесова и под его редакцией был подготовлен сборник трудов кафедры русского языка МГПИ, в котором две статьи были посвящены фонологии — это статья П. С. Кузнецова «К вопросу о фонематической системе современного французского языка»¹⁹, в которой ставятся основные вопросы фонологии в связи с мнениями и взглядами Щербы, Мартине, Гугенема и др. и где приводятся формулировки, выработанные МФШ, и статья А. А. Реформатского «Проблема фонемы в американской лингвистике» в связи с тем интересом, который проявился к переводу книги «Язык» Э. Сепира, с примечаниями переводчика этой книги — А. М. Сухотина, а также и другими американскими фонологическими работами, еще мало известными у нас. Сборник в основном был готов к 1938 г., но по разным причинам вышел в свет только в 1941 г., уже во время войны.

Еще печальнее была судьба первого издания «Введения в общую фонетику» М. И. Матусевич²⁰, которое было отпечатано,

¹⁶ С. И. Бернштейн. Вопросы обучения произношению. М., 1937.

¹⁷ Л. В. Щерба. Фонетика французского языка. М.—Л., 1937.

¹⁸ Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945.

¹⁹ П. С. Кузнецов. К вопросу о фонематической системе современного французского языка. «Уч. зап. МГПИ. Кафедра русского языка», 1941, т. V, вып. 1; также — наст. изд., стр. 163—203.

²⁰ М. И. Матусевич. Введение в общую фонетику. Изд. 1, Л., 1941; изд. 3, М., 1959; изд. 7, М., 1963.

но во время блокады Ленинграда большая часть тиража погибла. . .

Естественно, что первые годы войны нарушили все задуманные планы, подготовленные в 30-е годы. Погиб на войне талантливый молодой фонолог А. Ф. Биршерт (ученик С. И. Бернштейна), только что опубликовавший интересную работу «К вопросу о системе фонем английского языка»²¹, где трактовались вопросы нейтрализации, дефонологизации и «вторичной фонологизации», что очень занимало и наши умы в то время. В начале 1942 г. умерли в эвакуации А. М. Сухотин (февраль, в Ульяновске) и Д. Н. Ушаков (апрель, в Ташкенте). Долгое время в эвакуации были Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров, П. С. Кузнецов, причем — в разных местах. Раньше других смог вернуться в Москву Г. О. Винокур, а еще раньше был вывезен из ленинградской блокады Б. В. Томашевский, оказавшийся в фонологических вопросах (а он в них прекрасно разбирался!) верным союзником «москвичей». С 1943 г. в Москву приехал из эвакуации Л. В. Щерба и стал работать и в Институте языка и письменности АН СССР и в Московском университете.

В первый период войны научная жизнь в области лингвистики, конечно, была в расстройстве и проявлялась не в полной мере, однако она не прекратилась: доклады и обсуждения не прерывались даже в самые тяжелые дни конца 1941—начала 1942 г. Тогда было два центра, где объединялись все те, кто не был эвакуирован и оставался в Москве, — это кафедра языка МГПИ и Институт языка и письменности АН СССР (часть его сотрудников была в Ташкенте, но и в Москве оставалось известное число научных работников). Правда, специальных фонологических дискуссий не было, но кое-что все-таки проскальзывало, например спор Л. И. Жиркова и А. А. Реформатского с Н. К. Дмитриевым о трактовке вариантов (по звуковому виду) тюркских аффиксов, что оказалось первым камнем для дальнейшей разработки данной темы²².

В следующие годы доклады и дискуссии сосредоточились главным образом в Институте языка и письменности АН СССР и в МГУ, где в это время работали Л. В. Щерба, Р. И. Аванесов, П. С. Кузнецов, Г. О. Винокур, А. А. Реформатский (последний — недолго, да и то на заочном отделении, несмотря на все заботливые стара-

²¹ А. Ф. Б и р ш е р т. К вопросу о системе фонем английского языка. «Экспериментальная фонетика и психология в обучении иностранному языку». М., 1940 (I МГПИИЯ).

²² См.: А. А. Р е ф о р м а т с к и й. Иерархия фонологических единиц и явления сингармонизма. «Исследования по фонологии». М., 1966.

ния Л. В. Щербы) и др. В МГУ на заседаниях кафедры русского языка докладывал Р. И. Аванесов (см. опубликованные в 40-х годах его работы)²³. В 1945 г. читал доклад «О твердых и мягких согласных в русском языке» А. А. Реформатский (осталась в рукописи). П. С. Кузнецов опубликовал свою очень содержательную статью «О фонологической системе сербохорватского языка»²⁴.

В 1945 г. вышел, наконец, из печати «Очерк грамматики. . .», где в разделе фонетики, принадлежащем Аванесову, глава «Понятие о системе фонем» написана обоими авторами совместно (см. «От авторов») и где изложение соответствует кортодоксальному взгляду на эту проблему Московской фонологической школы.

В результате многих переработок, машино- и стеклографических публикаций (для студентов) конспекта моего курса «Введение в языковедение» в 1947 г. вышла, наконец, первая редакция этой книги из печати (12,5 листов)²⁵. Книга была посвящена памяти моего учителя Д. Н. Ушакова. В качестве рецензентов этой рукописи были П. С. Кузнецов и Н. С. Чемоданов, которым автор очень благодарен за их доброжелательные и конструктивные отзывы.

Конец 40-х годов — мрачные дни, когда некоторые лингвисты решили, что можно «чего-то добиться» под маркой Марра. В «черном списке» оказались Виноградов, Петерсон, Булаховский, Кузнецов, Сидоров, Аванесов, Капанцян, Чикобава и, наконец, Реформатский. . .

В январе 1949 г. в Ленинграде была организована фонологическая дискуссия с явным намерением разоблачить МФШ в свете «нового учения об языке» Н. Я. Марра. К этому времени были опубликованы полемические статьи Л. Р. Зиндера «Существуют ли звуки речи» и Ф. П. Филина «О двух направлениях в языковедении»²⁶. В связи с предстоящим выступлением на указанной дис-

²³ Р. И. Аванесов. Из истории русского вокализма. Звуки / и У. «Вестник МГУ», 1947, № 1; то же — наст. изд., стр. 278—299; Р. И. Аванесов. О долгих шипящих в русском языке. «Докл. и сообщ. филол. ф-та МГУ», 1948, № 6; Р. И. Аванесов. Вопросы фонетической системы русских говоров и литературного языка. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1947, т. VI, вып. 3.

²⁴ П. С. Кузнецов. О фонологической системе сербохорватского языка. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1948, т. VII, вып. 2; то же — см. наст. изд. стр. 336—355.

²⁵ А. А. Реформатский. Введение в языковедение. М., изд. 1, 1947; изд. 2, 1955; изд. 3, 1960; изд. 4, испр. и допол., 1967.

²⁶ Ф. П. Филин. О двух направлениях в языковедении. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1948, т. VII, вып. 6

куссии Р. И. Аванесова была написана большая статья «К вопросу об основных принципах теории фонем» (48 машинописных страниц), где автор главным образом полемизировал с Л. Р. Зиндером и представленной в его статье точкой зрения. Статья Р. И. Аванесова не была напечатана, хотя некоторые ее положения вошли в позднейшие публикации Аванесова. Однако никакие вежливые «реверансы» по адресу Марра ни Аванесову и никому другому в то время не помогли. Шла демагогическая война.

В то время лучшие умы нашей школы: Аванесов, Кузнецов, Сидоров — были во вновь организованном Институте языкознания, где директор был В. В. Виноградов. В декабре 1950 г. он пригласил А. А. Реформатского быть сотрудником этого института. Мы все соединились в том доме (Волхонка, 18/2), где когда-то я держал экзамен для поступления в аспирантуру и где я работал в началах словаря, будущего «ушаковского», а потом много раз сам принимал за тем же столом экзамены от аспирантов.

С тех пор Аванесов, Сидоров, Кузнецов и Реформатский оказались под одной крышей, которая нас и не баловала, и не рушилась на нас.

Сразу же я должен упомянуть С. С. Высотского, исключительно скромного ученого и горячего энтузиаста того дела, которому он посвятил свою жизнь. Это его чудесная фонетическая лаборатория, куда, как в Мекку, шли все, кому нужен был совет, какой-нибудь эксперимент в области фонетики. Другим таким центром, существовавшим еще с дореволюционных лет, была Фонетическая лаборатория им. Л. В. Щербы в Ленинграде, которой заведовала М. И. Матусевич, а потом Л. Р. Зиндер. Несмотря на различие теоретических взглядов москвича С. С. Высотского и ленинградцев Л. Р. Зиндера и его сотрудников (Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, М. В. Гордина и др.), между этими двумя лабораториями укрепилась прекрасная научная дружба. Они обменивались опытом, взаимно консультировались и помогали друг другу. Третья, достойная внимания, лаборатория возникла в Киеве. Ее существование — заслуга И. П. Сунцовой, ученицы Л. В. Щербы. Бывшие когда-то известными фонетические лаборатории в Одессе и Казани прекратили свое существование после смерти их основателей — А. И. Томсона и В. А. Богородицкого. Лаборатория I МГПИИЯ имела в своем названии «экспериментальную фонетику и психологию речи», руководил ею не лингвист, а психолог В. А. Артемов, и задачи ее были более прикладного характера: обучение иностранным языкам. Что касается фонетической лаборатории МГУ, то она была плохо оборудована, и обогатить ее новым оборудованием не удалось, несмотря на все старания А. А. Реформатского, который заведовал ею в 1953—1958 гг. Зато занятия русским произношением с раз-

ными по языку иностранцами дали богатый материал для возникших позднее работ Реформатского о роли фонологии при обучении произношению.

40-е годы были для лингвистики трудными: первая половина — война, прекращение печатания и прочие тягости, а вторая — бешеный рецидив марризма и создание «аракчеевского режима», и только после «дискуссии» в «Правде» в 1950 г. возникли благоприятные условия и возможности не только «писать в стол», но и печатать, не говоря уже о проведении разных симпозиумов и конференций, где жители разных городов и республик встречались и делились мнениями. Усилились и связи с зарубежными учеными. Одной из первых ласточек еще в конце 40-х годов был проезд румынских ученых А. Росетти и Э. Петровича, которые в сопровождении тогдашнего румынского посла в СССР И. Йордана (лингвиста!) попросили устроить встречу с московскими фонологами в МГУ, что и было организовано тогдашним проректором М. В. Сергиевским. С нашей стороны в беседе участвовали Р. И. Аванесов, П. С. Кузнецов и А. А. Реформатский. Эта беседа послужила прологом к дальнейшим дружеским взаимоотношениям с румынскими учеными.

В течение 50—60-х годов появилось много фонологических публикаций участников МФШ как «первого призыва» (Аванесов, Кузнецов, Сидоров, Реформатский), так и «следующих призывов» (И. С. Ильинская, В. Г. Орлова, С. С. Высотский, М. В. Панов, Л. Н. Булатова, Н. А. Еськова, В. К. Журавлев, К. В. Горшкова, Вал. Вас. Иванов, Г. А. Климов, Т. В. Булыгина, Т. Ю. Строганова, В. А. Виноградов, С. А. Барановская, Е. Л. Гинзбург, В. А. Редькин и др.), некоторые работы которых целиком или же в извлечениях включены в прилагаемую «хрестоматию».

За эти годы была проведена на страницах «Известий ОЛЯ АН СССР» в 1952—1953 гг. дискуссия по фонологическим вопросам, чему посвящается отдельный параграф данного «Очерка».

На почве задач прикладной лингвистики возникло тесное сотрудничество представителей Ленинградской и Московской школ (Комитет по прикладной лингвистике, председатель — Л. Р. Зиндер, заместитель А. А. Реформатский), где, как правило, участники не вели теоретических споров, но внимательно прислушивались к объединявшим и к разъединявшим их положениям в фонологии; разногласиям Ленинградской школы и МФШ также посвящен особый параграф в «Очерке».

К середине 50-х годов обозначилась особая позиция одного из основателей МФШ — Р. А. Аванесова и некоторых его учеников; эту новую позицию, осуществляющую «синтез» Ленинградской и Московской школ (см. ниже мнение об этом С. И. Берн-

штейна), не разделяли «старожилы» МФШ (Кузнецов, Сидоров, Реформатский). И этот вопрос будет рассмотрен в особом параграфе, посвященном попыткам синтеза положений двух школ и теориям «плюрализма» фонологических единиц (по выражению опять же С. И. Бернштейна), хотя Р. И. Аванесов субъективно и не стремился к «синтезу», где по мере возможности будут изложены взгляды таких несхожих между собой фонологов, как С. И. Бернштейн, С. К. Шаумян, Р. И. Аванесов и М. В. Панов, которые все «повинны в плюрализме», несмотря на кардинальные расхождения по другим вопросам . . .

III. ДИСКУССИЯ О ФОНЕМЕ *

Точка зрения Московской фонологической школы на фонему и фонологию была к 1950 г. широко известна по состоявшимся к тому времени публикациям¹. Однако эта точка зрения не могла быть согласована с не менее известными публикациями работ Л. В. Щербы, Л. Р. Зиндера, М. И. Матусевич, А. Н. Гвоздева, В. И. Лыткина, Я. В. Лои и др.; кроме того, в это время требовалось «сводить счеты» с марристскими построениями, в том числе и по данной проблематике, — редакция журнала «Известия АН СССР, ОЛЯ» взяла на себя инициативу начать на своих страницах дискуссию.

«Запевалой» этой дискуссии решили сделать молодого фонолога, который был ближе к Московской школе, чем к Ленинградской, но стоял особняком, был полемичен и энергичен и поэтому очень подходил к роли «запевалы». Однако дискуссия была и задумана, и проведена из рук вон плохо: и растянута почти на два года, и с неопределенными установками, которые менялись в течение публикаций, и с совершенно неудовлетворительным редакционным заключением.

В статье «Проблема фонемы»² С. К. Шаумян выступил очень принципиально, резко, «экстремистски» и порой демагогично.

* См.: «К дискуссии по вопросам фонологии». — «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1952, т. XI, вып. 4, стр. 324—343; вып. 5, стр. 463—479; вып. 6, стр. 541—559; 1953, т. XII, вып. 1, стр. 40—75; вып. 4, стр. 364—383; вып. 6, стр. 529—554.

¹ См. примечания А. М. Сухотина к кн.: Э. С е и р. Язык. Введение в изучение речи. М.—Л., 1934; см. также: Р. И. А в а н е с о в, В. Н. С и д о р о в. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945; А. А. Р е ф о р м а т с к и й. Введение в языковедение. М., 1947; А. А. Р е ф о р м а т с к и й. Методические указания и руководство по современному русскому языку для студентов-заочников. М., 1950; см. также статьи Р. И. Аванесова, П. С. Кузнецова и др., опубликованные в 1950 г.

² С. К. Ш а у м я н. Проблема фонемы. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1952, т. XI, вып. 4.

В этом «тонусе» была его и заслуга, и ошибка: заслуга, так как давно было пора «пошевелить» каноны и рутину, ошибка, потому что он всех задел, и задел нетактично. Редакция, публикуя его статью, в примечании «занотовала»: «Статья С. К. Шаумяна по вопросам фонологии не выражает мнения редколлегии журнала и печатается в дискуссионном порядке. . .» (стр. 324). Это была первая ошибка редакции: надо было для начала дискуссии опубликовать статью нейтральную, излагающую все «за» и «против» разных школ и направлений и тогда только дать слово Шаумяну, как и другим — его союзникам и противникам. И установка редакции для первых ответов Шаумяну была тоже неправильной: «критиковать Шаумяна» без позитивных высказываний. . . В такое положение попали Р. И. Аванесов и А. А. Реформатский, которым было подсказано редакцией только критиковать статью Шаумяна без «позитивных терминов». Естественно, что эти два автора обратили свое внимание на слабые звенья в аргументации Шаумяна, а именно — на соотношение фонетики и фонологии, о чем Шаумян писал тогда «с чужого голоса» — по тезисам Н. С. Трубецкого и стоявшего за его спиной К. Бюлера, которые объявили эти два понятия разными науками, причем фонетику относили к наукам естественным, а фонологию — к наукам, связанным со значением и функциями. В основу этого разделения Трубецкой положил тезис Ф. де Соссюра в редакции К. Бюлера: «Мы будем называть учение о звуках речи фонетикой, а учение о звуках языка — фонологией»³. Полагая, что фонетика должна использовать методы естественных наук, Трубецкой так ограничивает методы фонологии: «Ясно, что эти задачи не могут быть разрешены с помощью естественнонаучных методов. Фонология должна применять скорее те же методы, какие используются при исследовании грамматической системы языка»⁴.

С. К. Шаумян сразу объявил, что «основные понятия фонологии есть абстракции, которые представляются диковинными с точки зрения так называемого здравого смысла. Однако эти абстракции неопровержимы, потому что они подтверждаются фактами исследовательской практики»⁵. Шаумян приветствует, что: «В своих работах Трубецкой выступает решительным защитником строгого разграничения между фонологией и фонетикой»⁶.

Это положение Бюлера—Трубецкого большинство советских фонологов считало неправильным, тем более отнесение фонетики

³ См.: Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960, стр. 9.

⁴ Там же, стр. 18.

⁵ С. К. Шаумян. Проблема фонемы, стр. 325.

⁶ Там же, стр. 336.

к естественным наукам и сохранение фонологии в науках общественных. Этот пункт С. К. Шаумяна невольно объединил его оппонентов, принадлежавших к разным лагерям в фонологии. К этому еще присоединилось иное, чем у Шаумяна, понимание абстракции и реальности. Так, А. А. Реформатский писал: «Но ведь суть фонологии как более высокой степени фонетики заключается в том, что физические ее объекты в той или иной степени абстрактны, но лингвистически фонемы реальны и конкретны»⁷.

См. также у Р. И. Аванесова: «Фонология как более высокая ступень фонетики стала подлинно лингвистической дисциплиной и вместе с грамматикой посвящена изучению структуры языка. Фонолог не может не быть одновременно фонетистом. . .», и в другом месте: «. . . советская фонология, продолжая традиции И. А. Бодуэна де Куртенэ и Л. В. Щербы, отрицает наличие двух самостоятельных научных дисциплин, из которых одна — фонетика — будто бы относится к естественным наукам, а другая — фонология — к общественным. . .»⁸ И далее следует цитата из Л. В. Щербы. Указанный пункт рассуждений С. К. Шаумяна, его «галопная расправа» со Щербой, объединенным с Д. Джонзом, его полемика с теорией нейтрализации в виде вариантов, поданная «анонимно»⁹, а также использование С. К. Шаумяном некоторых положений Трубецкого, Якобсона, Мартине, да и общий «задиристый тон» статьи повернули дискуссию не в ту сторону. Ведь в статье С. К. Шаумяна было очень много и нужного, и «московского», что осталось опущенным по указанным выше причинам, но, повторяю, дирижерская палочка была в неудачной руке редакции «Известий», что лишило положительных тезисов даже первые ответы С. К. Шаумяну.

«Плотину» прорвал С. И. Бернштейн, когда он написал большую статью под хлестким названием: «Против идеализма в фонетике»¹⁰, где автор не только протестовал и полемизировал, но и дал свою положительную программу.

Статья С. И. Бернштейна очень жестоко осуждает Шаумяна. Он как-то не понял, что за бравадой виден интересный ученый. Зато фонологическая литература обогатилась еще одним инте-

⁷ А. А. Реформатский. К проблеме фонемы и фонологии. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1952, т. II, вып. 5, стр. 473.

⁸ Р. И. Аванесов. Кратчайшая звуковая единица в составе слова и морфемы. «Вопросы грамматического строя». М., 1955, стр. 116, 117.

⁹ Ср.: «В связи с этим мы находим нужным остановиться на одной ошибочной теории, которую отстаивают некоторые московские лингвисты» (С. К. Шаумян. Проблема фонемы, стр. 339).

¹⁰ С. И. Бернштейн. Против идеализма в фонетике. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1952, т. XI, вып. 6.

ресным опусом С. И. Бернштейна. В этом опусе не все равноценно: есть пассажи и декламационные, и даже демагогические, например заглавие статьи. Смешно, когда оба дискутирующих автора клянутся диалектическим материализмом и обвиняют друг друга в идеализме! Зачем все эти ярлыки? Зато в положительных высказываниях С. И. Бернштейна находится много ценного и верно сформулированного.

Прежде всего вслед за Аванесовым и Реформатским С. И. Бернштейн отрицает тезис С. К. Шаумяна о «двух науках» — фонетике и фонологии: «... необходимо отказаться от рассечения фонетики, в обширном смысле, на две дисциплины — „фонетику“ и „фонологию“; на место этой идеалистической (? — А. Р.) концепции надо поставить различие в единой дисциплине, изучающей звуковой строй языка, двух точек зрения на каждое исследуемое явление: точки зрения материальной (антропофонической, в терминологии И. А. Бодуэна де Куртена) и функциональной (фонологической). . .» (стр. 546). Отвергая тезис С. К. Шаумяна о том, что лингвиста должны интересовать только дифференциальные признаки, Бернштейн выдвигает такое положение: «Правомерно ли утверждать, что „недифференциальные“ признаки для фонетической единицы, с точки зрения назначения языка как орудия общения, несущественны, что существенны только те признаки, которые „отражают отношение фонем друг к другу, различительную функцию фонем“ . . . Ответ на эти вопросы может быть только отрицательным» (стр. 541). С этим связано положение Бернштейна о словоразличении и словоупотреблении: «С известной точки зрения — именно, если рассматривать фонему как кратчайший элемент морфемы, подвергающийся преобразованиям в зависимости от позиционных условий (а такая точка зрения тоже необходима, наряду с точкой зрения словоупотребления и словоразличения), — . . . пары гласных, при наличии между ними позиционных чередований, в соответствующих морфемах действительно явились бы вариантами одной и той же фонемы (как русские согласные [d] и [t] в составе одной и той же морфемы в формах [got] год и [gódy] годы: с указанной точки зрения, звуки [t] в первой форме и [d] во второй являются вариантами одной и той же фонемы [d]. Но: 1) фонему в этом смысле надо строго отличать от фонемы как кратчайшего звукового признака, служащего для словоразличения и словоупотребления; 2) такая концепция фонемы С. К. Шаумяну совершенно чужда. . .» (стр. 543, сн. 8).

Все это очень интересно, но только не вполне ясно, ставит ли между этими двумя толкованиями С. И. Бернштейн «и—и» или же «или—или»? А ведь Бодуэн-то ставил. В дальнейшем С. И. Бернштейн излагает эти мысли в следующих формулировках: «. . . функция звуков в языке состоит прежде всего в том, чтобы дать су-

ществование слову как необходимой материальной оболочке мысли; звуки языка служат материальной базой выражения мыслей. Поэтому напрасно ставит С. К. Шаумян знак равенства между „дифференциальными“ и „функциональными“ признаками: „дифференциальность“ (в конечном счете, различительность) не исчерпывает функции звуков языка. Словоизменение есть лишь вспомогательное средство для словоупотребления, которое в свою очередь служит предпосылкой словоупотребления» (стр. 544).

В своей ответной статье критиком С. К. Шаумян высказался по поводу этих соображений С. И. Бернштейна: «Заметим мимоходом, что С. И. Бернштейн, говоря о функции словоупотребления, не упоминает А. А. Реформатского. Между тем справедливость требует признать, что приоритет в деле открытия функции словоупотребления принадлежит именно А. А. Реформатскому, который для обозначения этого понятия пользовался термином „перцептивная функция“ („Введение в языковедение“, 1947, стр. 55)»¹¹.

Однако это все не вполне так. У Реформатского вопрос о перцептивной и сигнификативной функциях связан с понятиями сильных и слабых позиций, в результате перцептивной функции возникают вариации, в результате же сигнификативно слабой позиции возникают варианты, когда именно словоизменение и словоупотребление и нарушаются [смá пáймáле смá]. Это вряд ли можно отождествить с рассуждением С. И. Бернштейна о словоупотреблении и словоизменении.

Встав далее на защиту низвергнутых С. К. Шаумяном Л. В. Щербы и Д. Джонза, С. И. Бернштейн делает несколько очень любопытных замечаний, показывающих самостоятельность фонологических воззрений автора.

Он пишет: «С. К. Шаумян инкриминирует Л. В. Щербе как „недоразумение по поводу фонемы“ определение фонемы как „звукового типа“ (стр. 340). Эту формулировку Л. В. Щербы нельзя признать вполне удачной, поскольку она опирается на положение об обязательном наличии у всех вариантов фонемы общего им всем отрезка звучания. Однако она предполагает концепцию фонемы как основного варианта с его позиционно-альтернативными модификациями — и в этом ее бесспорное достоинство» (стр. 556). Считаю, что «не без основания С. К. Шаумян находит в этом внимании к вариантам сходство концепции Л. В. Щербы с теорией Д. Джоунза», С. И. Бернштейн делает очень существенную оговорку: «Для Щербы фонема — совокуп-

¹¹ С. К. Шаумян. О некоторых вопросах фонологии. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1953, т. XII, № 6, стр. 532.

ность позиционно чередующихся звуков, объединенных по функциональному признаку, хотя и ограниченному признаком материального сходства; для Джоунза фонема — совокупность родственных (т. е. материально сходных) звуков данного языка, позиционно чередующихся . . . без признака смысловозначения. „Фонема — понятие исключительно фонетическое, — пишет Джоунз, — тот факт, что определенные звуки употребляются в языке для различения значений слов, не входит в определение фонемы“» (стр. 556).

Отметив ряд правильных положений, С. И. Бернштейн остановился на полпути: при всей половинчатости Л. В. Щербы по вопросу о фонеме (то функциональная общность, то физическое сходство звучания, что взаимно несовместимо), Л. В. Щерба, вопреки мнению С. К. Шаумяна, остается все же фонологом и прежде всего учеником Бодуэна, хотя и непоследовательным, Джонз же, по-видимому, вообще не знал Бодуэна, а приведенное его определение фонемы показывает еще раз, что Джонз не был фонологом¹².

Ученики Л. В. Щербы, Л. Р. Зиндер и М. И. Матусевич, хотя и написали статью «К истории учения о фонеме»¹³, только в предпоследнем абзаце упомянули С. К. Шаумяна в связи с понятием архифонемы; все остальное в их статье — это изложение взглядов Бодуэна и Щербы на проблему фонемы. Тем самым можно здесь не рассматривать эту статью, которая стоит как бы вне данной дискуссии.

В том же выпуске «Известий АН СССР, ОЛЯ» помещены еще две статьи — В. И. Лыткина¹⁴ и А. Н. Гвоздева¹⁵, в которых есть хороший эмпирический материал (особенно у Гвоздева), но все изложение связано каноничным «щербянизмом», пользуясь «термином» С. И. Бернштейна, а потому эти статьи самостоятельного интереса не представляют.

В «Известиях АН СССР, ОЛЯ» была скомпонована «сборная солянка» из откликов на статью С. К. Шаумяна (это было поручено редакцией мне); отдельно прошла лишь статья моего бывшего ученика из Азербайджана Г. Г. Алекберли (ныне покойного).

¹² См.: А. А. Реформатский. К проблеме фонемы и фонологии, стр. 469.

¹³ Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич. К истории учения о фонеме. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1953, т. XII, вып. 1.

¹⁴ В. И. Лыткин. В какой языковой единице нуждается фонетика. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1953, т. XII, вып. 1.

¹⁵ А. Н. Гвоздев. О фонологии «смешанных» фонем. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1953, т. XII, вып. 1.

Статья Алекберли исходит из правильных предпосылок «морфематизма» Бодуэна, и в ней есть много справедливых соображений. Например: «Подобно тому, как звуки речи можно распознавать и различать только через звучащие физически единицы, но не по тем их признакам, которые являются побочными, приобретенными в зависимости от условий индивидуального и интонационного порядка, а по тем, которые являются определяющими признаками того или другого звука речи . . . точно так же и фонемы можно распознавать и различать только через звуки речи, но не по тем признакам, которые являются позиционными, т. е. обусловленными их позицией, приобретенными ими под воздействием того или другого звукового окружения, а по тем, которые свойственны сущности этих звуков, которые относятся к природе той или другой фонемы и которые обнаруживаются тем полнее, чем свободнее данная фонема от воздействия звукового окружения, от побочных позиционных признаков»¹⁶.

Приведем еще пример: «Звук речи является неделимой частью слога, а фонема — неделимой частью морфемы . . .» (следует ссылка на «Некоторые отделы сравнительной грамматики славянских языков» Бодуэна де Куртене)¹⁷. И еще: «Нельзя согласиться с Л. Р. Зиндером, по мнению которого изменение гласных в первых слогах слов *нёс—несу, вёсла—весло* и т. п. есть „чередования, которые никак не могут быть подведены ни под какие правила фонетического характера“ (Л. Р. З и н д е р, «Вопросы фонетики», 1948, стр. 27)».

Все вышеприведенное пока что согласуется с положениями МФШ, но подходит к этим тезам Г. Г. Алекберли не тем путем, к которому привыкли представители МФШ. Автор берет философское положение: «Если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишняя» — и под него подгоняет свои рассуждения о фонеме. Но, во-первых, что фонологически дает именование фонемы сущностью? Скорее это уводит от предмета, чем его разъясняет. Кроме того, в фонологии немало случаев, когда «проявление» и «сущность» «непосредственно совпадают», например в словах русского языка: *дом, бор, тол, тон, ком* и т. п. Тем самым метод изложения правильных положений предстает в насильственно втиснутом в цитату виде и ни к чему фонологическому не приводит, а уводит в сторону и заставляет автора топтаться на одном месте в собра-

¹⁶ Г. Г. А л е к б е р л и. Проблема фонемы в свете марксистско-ленинской теории познания. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1953, т. XII, вып. 4, стр. 378, 379).

¹⁷ Там же, стр. 381.

нии известных трюизмов. Хорошо бывает, когда поставлен правильно вопрос, указан путь его решения и, кстати, найдена мудрая цитата, подкрепляющая данное положение. Автор идет обратным путем и приходит к фонологически бессодержательным определениям, явно теряя под ногами фонологическую почву.

Все остальные отклики собраны в подборку и ограничены тем или иным отдельным вопросом. Например, Э. А. Макаев и Н. А. Слюсарева решают в своей заметке вопрос о том, является ли фонема знаковой или же нет? Ответ на этот вопрос дается отрицательный: «Можем ли мы признать знаковый характер фонемы? Мы думаем, что не можем в силу того, что каждый знак, с точки зрения марксистской философии, должен иметь реальный объект обозначения»¹⁸. А что же такое тогда фонема? Явно не понятие, так как фонема — это важнейшая деталь орудия коммуникации — языка. А тогда — фонема «вещь»? А в чем же отличие фонемы и звука? Вопрос задается, если изъять фонему из семиотики. Нам кажется гораздо более верным путь рассуждений Л. Ельмслева «Язык по своей цели — прежде всего знаковая система; чтобы полностью удовлетворять этой цели, он всегда должен быть готов к образованию новых знаков. . . При условии неограниченного числа знаков это достигается тем, что все знаки строятся из незнаний, число которых ограничено. . . Такие незнания, входящие в знаковую систему как часть знаков, мы называем фигурами. . . Таким образом, язык организован так, что с помощью горстки фигур и благодаря их все новым и новым расположениям можно построить легион знаков. . .»¹⁹ Считая термин «фигуры» «чисто операциональным», Ельмслев на нем не настаивает. Я, продолжая мысли Фортунатова, Гуссерля, Бюлера и Ельмслева, предлагал знаки языка подразделять на 1) знаки-символы и 2) знаки-диакритики, что терминологически лучше, чем «фигуры» Ельмслева. Тогда фонемы не теряют своей природу и становится понятным, чем буква отличается от дохожей на нее кляксы, почему мы ее называем «мягкий знак»? — «вопросительный знак» и так далее. А главное здесь то, что фонема не может мыслиться вне семиотического поля и фонологического аспекта²⁰. Чтобы покончить с заметкой Э. А. Макаева и Н. А. Слюсаревой, следует отметить, что они

¹⁸ Э. А. Макаев, Н. А. Слюсарева. К дискуссии по вопросам фонологии. Отклики. . . «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1953, т. XII, вып. 4, стр. 365.

¹⁹ Л. Ельмслев. Прологомены к теории языка. «Новое в лингвистике». М., 1960, т. I, стр. 305.

²⁰ Подробнее см.: А. А. Реформатский. Введение в языковедение. М., 1967, стр. 20—24.

правильно критикуют тезис Н. С. Трубецкого — Бюлера и С. К. Шаумяна об отрыве фонетики от фонологии (Э. А. Макаев, Н. А. Слюсарева. «Отклики»... , стр. 364).

И. А. Лукницкий возражает против предлагаемого С. К. Шаумяном понятия «смешанная фонема», аргументируя давно известными от учеников Л. В. Щербы доводами и примерами. От себя И. А. Лукницкий предлагает «звуковой тип» называть «типовой звук речи». Вряд ли в этом можно найти рациональное зерно: причем тут «речь», когда имеется в виду язык? Да и вообще «типовой звук» может быть явлением разных уровней, что не стратифицирует данное понятие.

Т. А. Бертагаев встает на защиту вариантов и справедливо пишет: «Они не просто природные, физические звуки, а речевые звуки. Следовательно, они не могут быть не социальными» (стр. 372). Верно, но Т. А. Бертагаев ничего не говорит об их «пониженной способности» для смысловозначения, о дефонологизации, вопросах, которые еще в 1940 г. рассматривали А. Ф. Биршерг и С. И. Бернштейн (в работе А. Ф. Биршерга говорится в терминах С. И. Бернштейна о «вторичной семасиологизации вариантов фонем»²¹. Думается, что «вторичная семасиологизация» Бернштейна — Биршерга — это терминологически взятая с другого конца «частичная или неполная дефонологизация» МФШ, что идея тут та же, но иначе и менее удачно выраженная). Что же касается утверждения Т. А. Бертагаева: «Фонема есть типическое выражение звука человеческой речи», — то мы думаем совсем наоборот: любой звук речи есть та или иная реализация фонемы языка.

В этой «подборке» откликов самой острой, содержательной и интересной была заметка М. В. Панова²².

В самом начале М. В. Панов ставит вопрос ребром: «Нужен ли морфологический критерий при исследовании фонемной системы языка? Разные фонетисты отвечают на это по-разному. По мнению одних, такой критерий не нужен. По мнению других — он необходим» (стр. 373). Против «морфемного критерия» высказываются А. Н. Гвоздев, В. И. Лыткин, Л. Р. Зиндер, А. И. Смирницкий, С. К. Шаумян... Другие исследователи (Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров, А. А. Реформатский, П. С. Кузнецов) считают

²¹ См.: А. Ф. Биршерг. К вопросу о системе фонем английского языка. «Экспериментальная фонетика и психология в обучении иностранному языку». М., 1940 (I МГПИИЯ).

²² М. В. Панов. О значении морфологического критерия для фонологии. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1953, т. XII, вып. 4; то же — наст. изд., стр. 368—373.

строго необходимым при фонологическом анализе учитывать «морфологические связи слов» (стр. 374). Почему такая разница во мнениях? М. В. Панов отвечает: «Все противники морфологического критерия в фонологии определяют фонему как „звуковой тип“ . . . Позиция этих исследователей вполне логична: если фонема — звуковой тип, то классификацию фонем надо строить на основании акустико-артикуляционных признаков, а морфология здесь ни при чем» (Там же). Рассматривая вопрос о разграничении «зон» фонем [п] и [б] с этой точки зрения, М. В. Панов показывает, что степень звонкости [б] и глухости [п] скользит по крайней мере между четырнадцатью позиционными возможностями, и заключает: «Легко сказать: „Комбинаторные варианты данной фонемы не выходят за ее пределы“ (следует ссылка на «Вопросы фонетики» Л. Р. Зиндера, стр. 25. — А. Р.) Но как определить эти пределы?» (стр. 375). И далее: «Фонетический диапазон вариантов одной фонемы может быть очень широким, но он все же имеет определенные границы. . . Этот диапазон лимитируется акустико-артикуляционными свойствами вариантов всех прочих фонем данного языка» (Л. Р. Зиндер. Существуют ли звуки речи, стр. 300). А М. В. Панов резюмирует это все так: «Итак: даны два акустических типа: [п] и [б]. Требуется (не прибегая к морфологическому критерию) распределить между этими двумя типами все встречающиеся в нашем языке варианты [п—б]. У этой задачи оказывается бесчисленное количество решений, т. е. ни одного» (Там же). После этого М. В. Панов показывает на примере «подтягивания» нейтрального редуцированного звука (ъ, э) то под [а] (Щерба), то под [ы] (Гвоздев, Лыткин)²³. Резюмируя эти «подтягивания», М. В. Панов пишет: «Выходит, что [ъ] — это [ъ]; не годится приравнивать его ни к [а], ни к [ы]: это особый акустический тип. Но особой фонемой его нельзя объявить: этот звук никогда не встречается в сильной позиции, в независимом положении, никогда сам по себе не служит смыслоразному (фонематически не противопоставлен другим гласным). Итак, мы попытались стать на ту точку зрения, что фонема — звуковой тип, и только. Оказалось, что даже с этой точки зрения для фонемного анализа необходима помощь морфологии» (стр. 376).

Кончается статья М. В. Панова тем, что он «уличает» самого Л. В. Щербу в «морфематизме!» Автор приводит рассуждение Л. В. о двух [œ] во французском языке, где Л. В. Щерба: «. . . признает, что 1) две фонемы могут совпадать в одном звуковом варианте;

²³ См.: В. И. Лыткин. Фонема и научная транскрипция звуков. — РЯШ, 1946, № 3—4.

2) различить фонемы можно лишь при сравнении разных лексических образований, включающих ту же морфему» (там же, стр. 377).

А общий вывод М. В. Панова, с которым мы совершенно согласны, таков: «Все фонологи применяют морфологический критерий. Только одни явно, другие исподволь, одни последовательно, другие нет, одни сознательно, другие вопреки своим теоретическим высказываниям» (стр. 376). И несколько ранее: «Морфологический критерий в фонологии — это не измена фонетике, а преданнейшая служба ей» (Там же).

На этом данная дискуссия и закончилась. Впрочем, нет: был напечатан ответ С. К. Шаумяна²⁴ и заключение редколлегии журнала²⁵.

Ответ С. К. Шаумяна был пространен и заносчив, что автору сильно повредило; надо отвечать кратко и сдержанно. А о заключении редколлегии журнала стыдно упоминать! Впрочем — по порядку.

Если отбросить все хлесткие эпитеты и полемические выпады ответа С. К. Шаумяна типа: «... я должен защитить Ф. де Сосюра от того вздора, который приписывает ему С. И. Бернштейн» (стр. 533); «Обнаруживая трусость перед логикой, Р. И. Аванесов сходит на пути эклектизма» (стр. 538); «Эрудиция С. И. Бернштейна, видимо, состоит не в том, что он читает книги, а в том, что он просматривает их для расширения научного аппарата своих работ» (стр. 540 и 544); «Очень оригинален также следующий фокус А. А. Реформатского» (стр. 537) и т. п., — то остается немного положительных высказываний. На стр. 547 С. К. Шаумян пишет: «Мои критики, потратив все свои усилия на донкихотскую борьбу с фундаментальными принципами фонологии, лишили меня возможности воспользоваться их замечаниями, которые могли быть полезными, если бы были направлены на действительные недостатки отстаиваемой мной фонологической концепции». В заключительной статье «От редакции» по этому поводу справедливо сказано: «Конечно, нельзя не пожалеть, что сам „виновник“ дискуссии не сумел или не захотел извлечь ничего поучительного для себя из развернувшихся прений» (стр. 549).

В остальном С. К. Шаумян продолжал настаивать на своей концепции: «Понятие смешанной фонемы в корне подрывает неизвестную теорию вариаций и вариантов...» (стр. 536); «... если признать правильным, что проблема нейтрализации подчинена общей проблеме тождества, то морфологический крите-

²⁴ С. К. Шаумян. О некоторых вопросах фонологии.

²⁵ «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1953, т. XII, вып. 6, от редакции.

рий определения тождества фонем в слабом положении, лежащий в основе теории вариаций и вариантов, надо считать ошибочным, стало быть, рушится теория вариаций и вариантов» (стр. 540); «Теория вариаций и вариантов Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова основана на подмене анализа противопоставлений фонем, анализа дифференциальных признаков чисто морфологическими критериями, которым не место в фонологии» (стр. 543). Такого рода декларации ничего к ранее сказанному не добавляют, а следующая заявление на стр. 536 уже ставит в тупик: «Смешанные фонемы возникают только в слабых позициях, именно там, где количество фонем уменьшается». Фонемы — это единицы языка, и они не могут ни уменьшаться, ни увеличиваться, а лишь употребляться или не употребляться, варьироваться или не варьироваться. Кроме того, подобное высказывание перекликается с мнениями Ленинградской фонологической школы, считающей, что фонема — это звуковой тип, против чего справедливо восстает С. К. Шаумян: «. . . отстаиваемая мной концепция по своим методологическим установкам решительно противостоит. . . смещению понятия фонемы с понятием звукового типа. . .» (стр. 529). В результате ответная статья С. К. Шаумяна, несмотря на почтенные размеры, оказалась неполной, чисто декларативной и ни для кого не убедительной, что смазало дискуссию и привело к совсем уже неудачной редакционной заключительной статье.

В этой статье ее авторы сами признаются, что дискуссия: «. . . не вполне оправдала надежды, которые возбудила и, следовательно, не вполне достигла цели. Почему? В чем заключается причина этого явления? Конечно, эту причину можно искать в недостаточной «оперативности» редакции журнала, по-видимому, не сумевшей правильно организовать дискуссию, дать должное направление дискуссии по общим вопросам фонологии» (стр. 553). В конце же статьи высказано иное мнение, приводящее к совсем неожиданному финалу: «. . . суть вопроса, по-видимому, не в том, как к, хорошо или плохо, была организована дискуссия, а в том, что «ведущие» советские фонологи пока еще не приступили. . . к пересмотру своих взглядов в области теории фонемы и н о в о г о в этой области им нечего сказать». И (под занавес): «. . . среди значительной части советских языковедов все в большей мере складывается убеждение. . . что, может быть, „проблема фонемы“ вообще отжила свой век именно как проблема . . . а самый термин „фонема“ (при наличии равнозначного (? А. Р.) ему термина „звук речи“), надо думать, не так уж необходим» (стр. 554).

Итак, гора родила мышь, и притом весьма паршивую!

IV. О РАСХОЖДЕНИЯХ МФШ С ЛЕНИНГРАДСКИМИ ФОНОЛОГАМИ

Несмотря на личные добрососедские и даже дружественные взаимоотношения между московскими и ленинградскими фонологами и на полное взаимоуважение, расхождение этих двух школ настолько серьезно, что обойти его молчанием нельзя. Это было бы преступлением перед истиной, а тем самым и перед наукой о языке.

Ленинградцы превосходят москвичей (за исключением С. С. Высотского и, пожалуй, покойного П. С. Кузнецова) в чисто фонетическом и особенно в экспериментально-фонетическом плане. Большую роль играет в этом отношении Лаборатория экспериментальной фонетики имени Л. В. Щербы при филологическом факультете Ленинградского университета. Это старейшая из существующих ныне фонетических лабораторий, основанная Л. В. Щербой еще до революции (более старые лаборатории В. А. Богородицкого в Казани и А. И. Томсона в Одессе прекратили свое существование после смерти их основателей).

У Л. В. Щербы оказались верные преемники: М. И. Матусевич и Л. Р. Зиндер, которые возглавляли Ленинградскую лабораторию после смерти Л. В. Щербы (1944 г.) и воспитали целую плеяду фонетистов третьего поколения (Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, М. В. Гордина и др.), которые уже сами воспитывают себе смену, что создает непрерывную традицию исторического конвейера. Кажется бы, что проще всего этой школе взять за основу мысли ее патриарха, учителя Л. В. Щербы, И. А. Бодуэна де Куртене. Но получилось не так: сам Л. В. Щерба во многом отошел от исходных позиций Бодуэна как в частности (вопрос об *и* и *ь* и мягких *к*, *г*, *х* в русском языке), так и в основополагающих принципах. Расхождение Щербы и Бодуэна восприняло и следующее поколение — М. И. Матусевич и Л. Р. Зиндер и передало своим ученикам. Личное обаяние Льва Владимировича содействовало тому, что его духовные «деги» и «внуки» обратили его память в известный «культ», считая все мнения Щербы «непререкаемой истиной», что не было свойственно самому Льву Владимировичу, так как

он многое перерешал, во многом сомневался и противоречий в его трудах можно найти сколько угодно. Догматизация учениками мыслей учителя — плохая услуга науке!

Постараемся наметить главные пункты расхождения ленинградцев с Бодуэном и сделать необходимые выводы из этого. А это одновременно будут и главные пункты фонологических расхождений ленинградцев и москвичей.

1. Основное у ленинградцев в «отходе от Бодуэна» — это «антиморфематизм», установка на «автономность фонетики», боязнь морфемы и ее связи с фонемой, от чего идут и все прочие пункты как следствия.

Вопреки многим мнениям, говорящим о том, что Бодуэн радикально менял свои позиции в отношении понимания фонемы и фонологии, я смею утверждать обратное: при всех различиях формулировок в сочинениях Бодуэна он всегда оставался последовательным «морфематистом».

Так, М. И. Матусевич пишет: «Понятие фонемы встречается в литературе впервые у русского лингвиста И. А. Бодуэна де Куртенэ, но понимание им фонемы в течение его научной деятельности менялось. Сначала Бодуэн рассматривал фонему как явление этимолого-морфологическое (взгляд, который развивал и его ученик Н. В. Крушевский), однако впоследствии он перешел на психологические позиции, на которых и оставался до конца, давая психологическое определение фонемы»¹.

Еще в 1871 г. и в 1884 г. в статье «Некоторые отделы „сравнительной грамматики“ славянских языков» Бодуэн писал: «... понятие „фонема“ разлагается на два существенно различные: 1) просто обобщение антропофонических свойств, 2) подвижной компонент морфемы и признак известной морфологической категории»².

В той же статье несколько выше сказано: «Морфемы как морфемы (все равно, живые ли еще или же уже аморфные) разложимы не на звуки, но на фонемы»³.

В своем «Введении в языковедение» (5 литографированных изданий) вплоть до последнего издания 1917 г., когда Бодуэну было уже 72 года, он повторял ту же заветную для него главную мысль: «Психические (морфологически-семасиологические) составные части морфем. С этим связана морфологизация и семаспологизация

¹ М. И. Матусевич. Введение в общую фонетику. Изд. 3. М., 1959, стр. 10.

² См.: И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избр. труды по общему языковедению, т. I. М., 1963, стр. 122.

³ Там же, стр. 121.

отдельных дальше неделимых произносительно-слуховых представлений (см. § 119—127)»⁴. И, наконец, знаменитый § 119, который я уже цитировал:

«§ 119. С точки зрения языкового мышления и основанного на нем научного языковедного (лингвистического) мышления, фонемы и вообще все произносительно-слуховые элементы не имеют сами по себе никакого значения. Они становятся языковыми ценностями и могут быть рассматриваемы лингвистически только тогда, когда входят в состав всесторонне живых языковых элементов, каковыми являются морфемы, ассоциируемые как с семасиологическими, так и с морфологическими представлениями»⁵.

И эту точку зрения Бодуэна следует считать собственно лингвистической. Что же касается психологической, социальной, антропологической и тому подобных мотивировок, то это были для Бодуэна попытки подкрепить и углубить его основную лингвистическую позицию, что связано с его постоянными исканиями и раздумьями философского и научного порядка.

Об «антиморфематизме» Л. В. Щербы и его последователей правильно писал еще в «откликах» на фонологическую дискуссию 1952—1953 гг. М. В. Панов (см. выше), но еще более определенно высказался он в своей книге «Русская фонетика»:

«. . . Щерба совершенно отвергал использование морфологического критерия в фонологии. Это понятно: если фонема понимается просто как звуковой тип, то сопоставление морфем и не нужно. Но здесь-то совсем иной взгляд на фонему!»⁶

2. Боязнь морфемы коренится в еще более глубоком убеждении Ленинградской школы — в желании исходить из «голой материи», а не из материи, понятой семиотически в ее знаковой функциональности. Ведь объединение звуков речи в некие единства по схожести материальных свойств, т. е. построение «звуковых типов», абсолютно афункционально и асемиотично. Так мог рассуждать Д. Джонз, который считал, что «фонема — это семейство звуков», а не тождественный элемент морфем как значимых единиц языка.

С одной стороны, включая фонетику в грамматику (на чем очень настаивал Л. В. Щерба и что имеет под собой безусловные основания, хотя терминологически это и запутывает вопрос), а с другой стороны, настаивая на автономности фонетики и на непричастности фонемы к морфеме и не допуская никакого морфематического аспекта в фонологии, ленинградские фонологи впа-

⁴ См.: И. А. Бодуэн де Куртене. Указ. соч., т. II, стр. 256.

⁵ Там же, стр. 276.

⁶ См.: М. В. Панов. Русская фонетика. М., 1967, стр. 379.

дают в порочный круг противоречий, следствием которых является трактовка ими вопроса о чередованиях: и *беГу—беЖишь*, и [дуП]—[дуБа] квалифицируется как мена фонем. По воззрениям МФШ, в первом случае — традиционная альтернативная позиционно независимых разных фонем <Г> и <Ж>, а во втором случае — позиционно обусловленное варьирование одной и той же фонемы. Так думал и Бодуэн (см. его статью «Фонема»⁷, а также его «Опыт теории фонетических альтернатив»⁸). И это мнение не «молодого Бодуэна» 60—80-х годов, а работы 90-х годов, когда Бодуэну было за 50. . .

С этим связано еще одно терминологическое недоразумение, в появлении которого не только Бодуэн, но и Щерба неповинны: это пресловутая «звуковая оболочка», термин, пущенный А. И. Смирницким, широко введенный О. С. Ахмановой, а вслед за этим и Р. И. Аванесовым. . . (см. его статью 1955 г. «Звуки *I* и *Y*»). К сожалению, не избежал соблазна этого термина и М. В. Панов в своей книге «Русская фонетика». . . Вот что написано в книге М. В. Панова:

«Вот два основных назначения звуковых единиц: они в языке служат для разграничения и отождествления смысловых единиц, т. е. слов, морфем, предложений.

Иногда говорят, что это определение неточно: звуки разграничивают не слова, а звуковые оболочки слова. Основания для этой поправки вот какие: слова различаются не только звуками, но и смыслом. Слова *дом* и *дам* различаются тем, что одно — существительное, называет особое строение, другое — глагол, называет действие, а вовсе не только тем, что здесь [о], а там [а].

Эта поправка вряд ли обоснованна: в утверждении, что звуки различают слова, не содержится вывода, будто слова различаются только своими звуками.

Более того, несомненно, слова (именно как смысловые единицы) только потому могут различаться, что они имеют разное звуковое выражение; и в этом смысле, действительно, звуки различают слова (и морфемы).

Наконец, утверждение: звуковые единицы служат для различения звуковых оболочек слов — тавтологично (и тем самым бессодержательно). Звуки ведь и составляют звуковую оболочку слов, отдельный звук — часть этой оболочки, а в некоторых случаях — и вся эта оболочка полностью, например в междометиях *О! А!* и пр. Сказать, что у слова *О!* звуковая единица [о] служит для

⁷ И. А. Бодуэн де Куртене. Указ. соч., т. I, стр. 351—352.

⁸ Там же, стр. 265—347.

отличия звуковой оболочки этого слова (т. е. того же [ol]) от оболочек других слов, значит допустить тавтологию. По всем этим соображениям следует отказаться от поправки и вернуться к традиционному определению звуковых единиц в языке» (стр. 4—5).

Это все правильно, но здесь сказано не все, главного-то и нет! А в другом месте той же книги автор продолжает пользоваться отвергнутым понятием «звуковой оболочки»:

«Некоторые особенности знаковых систем. 30. Системностью обладает не только язык, но и все знаковые множества. Знак — это сочетание обозначаемого и обозначающего . . . Слово — знак, обозначаемое у него — понятие, обозначающее — звуковая оболочка (? А. Р.). . . Из определения знака следует, что звуки языка сами по себе не являются знаками, они образуют лишь означающее — оболочки слов, морфем, предложений. Но, будучи причастны к знакам, они и сами подчиняются законам, которые характерны для знаковых систем» (стр. 16).

Спрашивается, зачем же надо было отвергать, если потом возникает потребность пользоваться отвергнутым? Это у М. В. Панова неожиданно и нелогично (о знаковости или незнаковости этой якобы «оболочки» см. выше (стр. 42)).

В чем же, на наш взгляд, порочность этого термина? «Оболочкой» является любой футляр, например от скрипки, но футляр — не сама скрипка! Если скинуть футляр, то то, что будет вынуто — скрипка, будет единственным предметом, а футляр может и не существовать или же быть каким угодно. Литейная форма — тоже своего рода «футляр» или «оболочка», но то, что отлито, освобождаясь от этого футляра, только тогда и делается предметом и результатом литейного процесса. Разве таково качество фонетики в структуре языка? Можно ли «очистить» от нее язык? Отринуть эту «оболочку», не изменяя качества целого — языка? Могут ли морфемы и слова существовать в языке без этой якобы «оболочки»? Думаю, что сторонники термина «звуковая оболочка» втайне должны быть также и сторонниками «автономности фонетики», и врагами «морфематизма».

3. Здесь возможно возражение, исходящее из того, что язык может мыслиться не только в своей фонетической форме, но также и в графической. Эти две формы языка не конгруируют не только в случаях пиктографии и идеографии, но и в случаях фонографии, хотя в последнем случае ведущая роль фонологии по отношению к графике обычно не оспаривается. Отношения здесь, правда, более сложные, чем их изображал даже Ф. де Соссюр в своем «Курсе. . .» (см. главу «Изображение языка посредством письма») ⁹. Об этом

⁹ Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. М., 1933, стр. 45—51.

мною была опубликована статья, где специально рассмотрены указанные вопросы¹⁰. Но и в случае письменной формы доступные органам восприятия знаки-диакритики не составляют оболочки, а являются структурным элементом целого.

Для решения всех прочих вопросов исходить можно только из целого, и это целое — не линейная последовательность речи, а системная организация языка, которую в последнее время многие фонологи стараются представить в виде модели — куба, не довольствуясь двухмерностью таблиц и одномерностью списков. Такие кубические модели фонологической системы мы видим уже у Ж. Дени применительно к турецкому вокализму, далее у Г. П. Мельникова и М. А. Черкасского в их работах по тюркскому сингармопизму, у А. П. Евдошенко применительно к молдавскому и румынскому языку, у В. К. Журавлева применительно к славянским языкам. Конечно, сам по себе куб как форма модели еще ничего не говорит по существу, но факт обращения к кубу у разных исследователей применительно к разным языкам — факт примечательный. Ленинградские фонологи не пользуются этим приемом, и пусть это внешний факт, но он указывает на то, что ленинградским фонологам нужно не антилинейное целое, а реальная линейная цепь звучаний, где они и ищут противопоставления без различия уровней: коротко говоря, если звучит на конце [п], то это фонема <п>, если звучит [к], то это фонема <к> и т. д. (*дуб*, *друг* в виде: [дуп], [друк] и т. п.).

Здесь соблюдена автономность фонетики, элиминирована морфема, ленинградцы не вводят бодуэновский принцип «подвижного компонента морфемы», и в этом они последовательны. Но их фонема несоизмерима с «московской фонемой» и даже далека от «пражской». Несколько ближе это ко взглядам американских дистрибутивистов, но сейчас и многие американские ученые от этого отходят.

4. Надо ясно понять, что никакие компромиссы «московской» точки зрения и «ленинградской» невозможны, хотя попытки и делались неоднократно. Я имею в виду теорию С. К. Шаумяна, связанную с различием «смешанных фонем» и просто фонем (1952, 1953, см. выше). Иным путем шел Р. И. Аванесов, предложив в связи с различием единиц в составе морфемы и в составе слова два ряда фонем: сильных и слабых (1955, о чем см. подробнее ниже). У М. В. Панова в связи с законным различием синтагма-

¹⁰ А. А. Реформатский. О перекодировании и трансформации коммуникативных систем. «Исследования по структурной типологии». М., 1963.

тического (линейного) аспекта и аспекта парадигматического возникает тоже два набора фонем: синтагмо-фонемы и парадигмо-фонемы. Как бы ни были глубоки и интересны соображения указанных авторов, они приводят к тому, что я назвал бы «двойной бухгалтерией» (как, например, в XIX в. в России считали «па ассигнации» и «на серебро», и единицы этих двух принципов счета по ценности не совпадали). А фонем в языке (речь тут ни при чем!) может быть один ряд, а не два. В этом мнение «ортодоксов» МФШ — П. С. Кузнецова, В. Н. Сидорова и А. А. Реформатского совпало с высказанным еще в 20-х годах мнением Н. Ф. Яковлева (см. выше) о конечном количестве фонем в данном языке на данном этапе его существования, определяемом одним счетом. Иначе как же можно составить рациональный алфавит и решить все другие прикладные задачи, опирающиеся на теорию фонем? Тут даже возникает как будто бы общность МФШ и Ленинградской школы, также не признающей «двойной бухгалтерии», хотя «фонемы» у этих школ и разные.

5. Если признавать один ряд фонем как семиотические единицы языка, а не как результаты различных позиционных «накладок» и начинать с целого, то следующим вопросом будет вопрос об оппозициях (а тем самым и о дифференциальных и недифференциальных признаках фонем) и о нейтрализациях (что в свою очередь приводит к проблеме гиперфонемы — понятию, выдвинутому В. Н. Сидоровым, но им печатно не сформулированному). При решении этих вопросов сразу выявляются следствия указанных выше исходных пунктов, что еще более четко разделяет МФШ и Ленинградскую школу.

При описании фонологических оппозиций сразу встает вопрос: образуют ли оппозиции фонемы или более мелкие элементы, которые с 30-х годов стали называть дифференциальными признаками. В 20-е годы это различие еще не проводилось¹¹.

Понятие дифференциальных признаков в 30-е годы нашло себе место в книге Л. Блумфилда «Language» (N. Y., 1933), в «Фонетике французского языка» Л. В. Щербы (М., 1937), в статьях П. С. Кузнецова и др. Сейчас это понятие прочно вошло в лингвистический обиход. В 60-е годы Э. Бенвенист, вводя понятие уровня, писал: «... мы приходим к двум нижним уровням анализа — к уровню минимальных сегментирующихся единиц — фонем, то есть к уровню фонематическому, и к уровню различительных признаков, которые мы предлагаем назвать меризмами (греч. *merisma*—

¹¹ См. выше о Н. Ф. Яковлеве и его статье «Математическая формула построения алфавита» («Культура и письменность Востока», кн. I. М., 1928).

а los «отграничение»), т. е. к меризматическому уровню»¹². Анализ оппозиций по дифференциальным признакам, т. е. на «меризматическом» уровне, получил большое распространение уже в 50-х годах в связи с исследованиями Р. О. Якобсона, М. Халле, Г. Фанта и др. и «породил» большую полемическую литературу (см. ниже).

6. Вопрос о позициях, их определение и их классификация составляет важное звено в трудах МФШ. Эти вопросы широко освещены в работах Н. С. Трубецкого¹³. Ленинградская школа сравнительно мало уделяла внимания этой проблематике и не создала какой-нибудь цельной концепции по данному вопросу. Характерно, что в самом капитальном труде ленинградцев «Общая фонетика» Л. Р. Зиндера¹⁴ (заметим: не «фонология»!) в указателе нет рубрики «Позиция», а есть только «Позиционные оттенки», и то только потому, что Л. Р. Зиндер справедливо различает «позиционные оттенки» и «комбинаторные оттенки» (кстати, это различие было более остро показано в «Основах фонологии» Н. С. Трубецкого). «Новым в этой статье («Die Aufhebung der phonologischen Gegensätze») является раздел о классификации позиций, которые Трубецкой подразделяет на контекстные (Kontextbedingte), зависящие от соседних звеньев речевой цепи, и структурные (Strukturbedingte), зависящие от структуры слова или морфемы»¹⁵.

Отсутствие интереса к проблеме позиций у ленинградцев объясняется просто: ведь они считают, что такие случаи, как *дуба* (звучит [б]) и *дуб*, *дубки* (звучит [п]), — это мена фонем (простой вопрос: зачем? — убивает эту концепцию наповал!), а тогда причем же тут позиции, но ведь именно эти-то позиции — позиции нейтрализации оппозиций и корреляций и являются наиболее интересными! Это прекрасно понимали «пражцы» и прежде всего сам Н. С. Трубецкой, но это «не входит в профиль» ленинградцев.

И естественно, что эта проблема — проблема позиций во всем ее многообразии — занимала очень важное место в работах МФШ.

¹² Э. Бенвенист. Уровни лингвистического анализа. «Новое в лингвистике». М., 1965, вып. IV, стр. 436.

¹³ N. S. Trubetzkoy. Die Aufhebung der phonologischen Gegensätze. — TCLP, 1936, t. VI; N. S. Trubetzkoy. Essai d'une théorie des oppositions phonologiques. «J. of psychology normale et pathologique», 1936, t. XXII, № 1; N. S. Trubetzkoy. Grundzüge der Phonologie. — TCLP, 1939, t. 4 (пер. на русск. яз.: Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960).

¹⁴ Л. Р. Зиндер. Общая фонетика. Л., 1960.

¹⁵ А. А. Реформатский. Н. С. Трубецкой и его «Основы фонологии». — В кн.: Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960, стр. 339 [Послесловие].

В связи с теорией вариаций и вариантов возникает необходимость различать позиции, в которых возникают вариации, и позиции, в которых возникают варианты, т. е. позиции нейтрализации оппозиций фонем. В противовес этим последним следует выделять те позиции, в которых данная оппозиция не нарушается; это то, что Трубецкой называл *Relevantstellungen* (см. указанные выше его работы.)

Если различать у фонем две функции: 1) функцию доведения до восприятия, перцептивную, что служит для «словоузнавания» (по С. И. Бернштейну), и 2) функцию смысловозначения (по Л. В. Щербе) — функцию обозначения, сигнификативную, то и позиции можно классифицировать на 1) перцептивно слабые, приводящие к вариациям и 2) сигнификативно слабые, приводящие к вариантам, т. е. позиции нейтрализации (по Трубецкому: *Aufhebungsstellungen*).

Так, например, для русских гласных позиции, зависящие от твердости или мягкости окружающих согласных, будут перцептивно слабые, приводящие к возникновению в этих позициях вариаций, по Щербе, «оттенков» (под ударением: после твердых согласных — более задние гласные [ɛ], [ã], [ɔ], [ỹ], [й=ы]); особенно показательны вариации фонемы <и>, здесь смещение «назад» наиболее ощутимо (потому, что это гласные верхнего подъема, дающие при горизонтальной подвижке артикуляции наиболее контрастные акустически эффекты в отношении высоты тона); если после палатализованных мягких согласных <и> остается в своем основном виде (минуя всякие «микрооттенки», связанные с локализацией этих согласных) (ср. *ик* и *тик*), после непалатализованных мягких согласных (т. е. после непарных по данному признаку дорсально мягких <ч>, <щ>, <ж> и <й>) есть уже сдвиг «назад» (ср. *тик* и *чик*); после невеларизованных твердых <ш>, <ж>, <ц> — сдвиг «назад» еще ощутимее (ср. *тик*, *чик*, *шик*, *цик*), где налицо уже [ы], а после веларизованных твердых — еще более заднее [ы] (ср. *тик*, *чик*, *шик*, *цик*, *тык*, *лык*).

Максимальный сдвиг «назад» возникает после веларизованного <л>. После мягких согласных, наоборот, гласные сдвигаются «вперед»: [ɛ], [ã], [ɔ], [ỹ], [й] (ср. *ВТЭК* и *аптек*, *мал* и *мял*, *мол* и *мёл*, *тук* и *тюк*, *мыл* и *мил*). Однако различимость всех пяти русских гласных от этих позиций не страдает: это перцептивно слабые, но сигнификативно сильные позиции.

То же самое надо сказать в отношении гласных под ударением перед твердыми и перед мягкими согласными; в последнем случае возникают более напряженные и более закрытые вариации при сохранении индивидуальной различимости для отдельных фонем.

Совершенно иного качества сигнификативные позиции; сильные, где данная оппозиция фонем релевантно выявлена, и слабые,

где оппозиция нейтрализуется и возникает вариант, не различающий оппозиции. Вся эта проблематика для ленинградцев остается «за сценой», так как, по их мнению, это не случай варьирования, а смена фонем. Но если Л. В. Щерба говорил о смысловозначительной функции фонем (значит, замена одной фонемы другой — это различение смысла), то какой же «смысл» различают разные «квазифонемы» [б] и [п] в словоформах *дуба* и *дуб* [дуп]? Ведь если это та же морфема (единица, имеющая значение) и она в обоих примерах идентична, то признание «смены фонем» в составе той же морфемы только запутывает дело: если происходит смена фонем, то это сигнализирует и смену смысла, а если смены смысла нет и не должно быть, — зачем же нужна смена «фонем».

Итак, следует различать:

1. Фонетические чередования разных звуков в пределах одной фонемы, что обусловлено позициями как линейными, сегментными (по Н. С. Трубецкому, «контекстно обусловленными»), так и нелинейными, суперсегментными, выявляющимися в пределах более высоких единиц (морфема, слово, синтагма), что связано не только со структурой морфемы и слова (по Н. С. Трубецкому, «структурно обусловленными»), каковы факторы ударения, условия морфемных швов и т. п., но даже и с некоторыми общими тенденциями языка (тенденция фюзии или агглютинации, объединение слова ударением или сингармонизмом и т. д.).

2. Морфонологические альтернации, не объяснимые в синхронном плане, но связанные с построением тех или иных словоформ и различением грамматических категорий, когда морфонологическая альтернация становится грамматическим способом внутренней флексии; при морфонологических альтернациях возникает чередование разных фонем, но локализованных в тех же «местах» тех же морфем (по Н. С. Трубецкому: в пределах одной «морфонемы»), например: *беГу* — *беЖишь*, *избеГать* — *избеЖать*, *рваН* — *рваНЬ* (последний случай спорный, ср.: *диК* — *диЧЬ*, *суХ* — *суШЬ* и тому подобные аналогичные пары).

3. Смена фонем, когда разные фонемы различают разные морфемы и разные слова, например: *меЛ* — *меЛЬ*, *Там* — *Дам*, *Рук* — *Сук* (и поминатив единственного числа мужского рода, и генитив множественного числа от *сука*, где различие целиком семасиологизовано) или *рваН* — *рваНЬ* (если *-Н* и *-НЬ* разные морфемы), *стол-А* — *стол-У*, *морж-И* — *сторож-А*, *бег-У* — *да-М*, где различие морфологизовано (по Бодуэну). Очень сложно бывает иной раз различить границу альтернационной смены фонем и просто смены фонем без альтернации (ср. пример *рва-Н* — *рва-НЬ*), критерий в том, можно ли считать такое различие в разных морфемах или же это та же морфема с наличием альтернации? В примере *рва-Н* — *рва-НЬ* есть явная морфемная делимость,

которую можно и еще уточнить: (/рв/-а-)-Н—(/рв/-а-)-НЬ, так как есть не только *рва-ть*, но и *рв-у*, *рв-ёшь*, но в примере *диК—диЧЬ* этой морфологической членимости нет, а соотношение *диК—диЧЬ* такое же, как и *рва-Н—рва-НЬ*. Конечно, следует строго разграничивать случаи супплетивизма (*бр-ать—вз-ять*, *ид-у—шо-л*, *я—мен-я*, *ми-е*, *бы-ть—буд-у* и под.) и морфологических альтернатив (*ход-ить—хаж-ивал*, *жж-у—жж-ёшь* и т. д.). В случаях супплетивизма то же соотношение, что и в никак не связанных словоформах (*там—дам*, *мел—мель* и т. п.), равно как и в случаях «угасшего» или «потухшего» альтернативного отношения, что привело даже не к случаям общегенетического супплетивизма (*быть—буду*, *ходить—шёл* и т. п.), а просто к «разным словам» типа *там—дам*, *мел—мель*, таковы случаи: *дух*, *дыхание*, *душа*, *дым*, *хорь*, *надменный—подымать*, *гроб—грести* и под.

В отношении чего же проявляются сильные и слабые сигнификативные позиции? Вряд ли в отношении фонем «в целом»: ведь фонемы разлагаются (конечно, не линейно!) аналитически на признаки: дифференциальные и «наполняющие», или, как я предлагал еще в 1941 г., — интегральные (этот термин вспомнил на конференции по базисным вопросам фонологии 1964 г. В. К. Журавлев). Учет только дифференциальных признаков (таково было мнение С. К. Шаумяна в 1952—1953 гг.) недостаточен, так как фонемы в системе языка не только дифференцируются и дифференцируют, но и воздействуют друг на друга в линейной цепи, и эти «воздействия» могут зависеть как от дифференциальных признаков, так и от интегральных. Для русской фонемы <ц> признак глухости недифференциален: нет звонкого партнера, но для позиционного оглушения последующих звонких шумных согласных глухость <ц> действует так же, как и дифференциальная глухость <т>, <п>, <к>. Отсюда следует, что рассмотрение всех признаков фонемы, как дифференциальных, так и интегральных, входит в предмет фонологии, конечно, при точном размежевании дифференциальных и недифференциальных признаков.

Возникает вопрос: к чему относятся сигнификативно сильные и сигнификативно слабые позиции — к фонемам или к дифференциальным признакам? Первоначальное решение было: к фонемам. Но ведь одна и та же позиция для одних дифференциальных признаков может быть сильной, а для других — одновременно слабой; так, в русском языке конец слова для признаков звонкости—глухости шумных согласных — слабая позиция, в которой звонкие, оглушаясь, совпадают в одном варианте с глухими, а для признаков твердости—мягкости та же позиция будет сильная, где твердые и мягкие различаются. Поэтому точный ответ на поставленный вопрос будет сигнификативно таков: сильная и слабая позиция существует для группы фонем, имеющих тот или иной общий

дифференциальный признак (для всех парных глухих и звонких шумных согласных, для всех парных твердых и мягких согласных и т. п.). Тем самым никаких «абсолютно сильных или слабых» позиций нет и быть не может. Что касается получающихся в тех или иных сигнификативно слабых позициях вариантов, то здесь возможно встретить несколько случаев: Н. С. Трубецкой предусматривал три возможности — 1) $a : b > a$; 2) $a : b > b$; $a : b >$ «нечто среднее» между a и b (в подлиннике: *Mittelding*). На самом деле здесь возможностей больше: может быть «осложненное a », «осложненное b » и «нечто среднее между ними», и, наконец, $a : b > c$, т. е. ни a , ни b , ни «среднее», а нечто совсем иное¹⁶.

Для ленинградских фонологов вся приведенная выше проблематика чужда: если вообще отрицается нейтрализация фонем в сигнификативно слабых позициях, то и таких позиций быть не может. Гораздо проще все случаи нейтрализаций (ассимилятивные озвончения и оглушения, смягчения и т. п.) квалифицировать как смену фонем (см. выше). Но ведь тогда придется, например, для русского языка признать наличие особых фонем <*дз>, <*дж>, <*ц'> (в примерах: *отец бы*, *Конецборская*, *меч бы*, *алча*, *следствие* [с'л'эц'т'в'идл] и т. д. В случаях же с редуцированными гласными на месте ударных <a>, <o> большое затруднение вызывает это [ъ]: либо по общему ходу операций его надо признать особой фонемой, либо его надо «подтянуть» под какую-нибудь «законную» фонему [a] или [ы], что и делают представители Ленинградской школы¹⁷, где [ъ] «подтянут» под фонему <a>, но у последователя взглядов Л. В. Щербы — В. И. Лыткина с меньшим успехом [ъ] «подтянут» к «фонеме» [ы]!¹⁸

Спорить здесь бесполезно: если отрицать «морфематизм» как запрещенный прием, то единственно, что остается, — это гадание на кофейной гуще об артикуляционно-акустическом «сходстве» звучаний. Но фонология в этом не обнаруживается: это какая-то испорченная добрая старая фонетика¹⁹.

¹⁶ Подробнее см.: А. А. Реформатский. Согласные, противопоставленные по способу и месту образования, и их варьирование в современном русском литературном языке. «Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР». М., 1955, т. VIII; то же — наст. изд., стр. 374—397.

¹⁷ См.: Л. В. Щерба. Русские гласные в качественном и количественном отношении. «Записки историко-филол. ф-та. С.-Петерб. ун-та», 1912, ч. CVII, стр. 97.

¹⁸ В. И. Лыткин. Фонетика и научная транскрипция звуков. — РЯШ, 1946, № 3—4.

¹⁹ По данному вопросу о «подтягивании» редуцированных гласных см.: М. В. Паянов. Указ. соч., стр. 72—78 (хотя, на мой взгляд, автор в этом случае немного грешит пальбой из пушки по воробьям. . .).

Но если же признавать правильным тезис Бодуэна о том, что «фонемы — это подвижные элементы морфем» и его § 119 из «Введения. . .» (см. выше), то придется еще раз поговорить о тех «условиях» проявления фонем, которые никак не связаны с линейно-фонетическими причинами. Речь идет о морфологических позициях, о чем я писал в своей публикации «Фонологические заметки», где разбирается пример: почему в *купаться* от соседства в линейной цепи возникает аффриката [ц:], а в *пяться* — не возникает? В указанной публикации я писал:

«Что в примерах *купаться* [купѧц: ѧ] и *пяться* [п'ѧт'с'ѧ] (где различие [ц:] и [т'с'] очевидно): 1) разный состав фонем в тех же «условиях» или же 2) тот же состав фонем в разных «условиях»? Мы вотируем за второе. . . акцентные «условия» те же, соседство — то же, а результат разный. Можно ли сказать, что здесь та же позиция и, значит, разный состав фонем? Нет. Здесь разная позиция, т. е. не «те же условия». Дело в том, что вопреки мнению многих сторонников «автономии» фонетики, она — член общей структуры языка и через морфонологию теснейшим образом связана с морфологией. Бодуэн де Куртенэ всегда подчеркивал теснейшую связь фонем и морфем. Фонемы существуют не «где-то», а только в морфемах, и сами морфемы (их тип: корень, суффикс, префикс, флексия), и характер соединения в слове — необходимые «условия» для существования фонем.

В данном случае . . . секрет в том, что в *купаться* налицо стык инфинитивного аффикса [т'] с начальным [с'] возвратного аффикса и это стык фузионный, а в *пяться* — стык конечной согласной корня [т'] с таким же аффиксом, но это стык агглютинирующей тенденции». Здесь «. . . одинаковые фонемы, находясь в разных морфонологических позициях, дают различный результат при той же линейной расположенности». «В заключение еще раз хотелось бы сказать, что фонологи, боящиеся «морфематизма», морфонологического аспекта, сугубо неправы. . . И кроме того, следует еще и еще раз подчеркнуть, что без учения о позициях (в том числе и морфонологических) построить фонологию нельзя»²⁰.

Ответ А. Н. Гвоздева на эту заметку ничего, кроме подбора интересных примеров, на которые был мастер покойный Александр Николаевич, не прибавил, да и ничего не убавил²¹. Однако поднятый мною вопрос нуждается в расширении и в обобщении, чего никто пока что не сделал. Одно лишь ясно: спор с ленинград-

²⁰ А. А. Реформатский. Фонологические заметки. — ВЯ, 1957, № 2, стр. 102.

²¹ А. Н. Гвоздев. Обладают ли позиции различительной функцией. — ВЯ, 1957, № 6.

цами о подобных сюжетах беспредметен, так как они отрицают и «морфематизм», и нейтрализацию, и вытекающую из этого теорию вариантов в московском смысле, а тем самым и классификация сигнификативно сильных и слабых позиций делается ненужной. . .

Любопытно, что два последователя фонологических теорий Л. В. Щербы — Я. В. Лоя и В. И. Лыткин сделали взаимообратные выводы. Я. В. Лоя в статье «О фонеме *ы* в русском языке»²², отстаивая самостоятельность *ы* как фонемы (без тех оговорок, которые в свое время делал Л. В. Щерба²³), не признает теории вариантов и вариаций, а В. И. Лыткин, исходя из тех же предпосылок, приветствует теорию вариаций и вариантов. . . Воистину: «своя своих не познаше»! Но это все частности и мелочи. Для выяснения расхождений МФШ и Ленинградской школы гораздо важнее прислушаться к ее ведущим деятелям, а не к периферийным ее последователям. А таковыми мы считаем в первую голову Л. Р. Зиндера и М. И. Магусевич (при всем заметном различии этих фонетистов: Магусевич каноничнее и аподиктичнее, а Зиндер гибче и эволютивнее) и их учеников, которые готовы уже занять командные позиции своих учителей, для чего вполне созрели.

7. С аспектом структурного объединения всех ярусов языка в одно целое связан и «обратный» аспект: установление иерархии разных ярусов и в их пределах уровней. Идея иерархии есть в зародыше уже в статье П. С. Кузнецова «К вопросу о фонематической системе современного французского языка»²⁴, где говорится: «Результатом такого подхода к звуковой стороне языка и является теория фонем как звуков — дифференциаторов смысла. Эта теория утверждает иерархию звуковых качеств, их принципиальную неравноправность, показывая необходимость выделения из звукового многообразия отдельных языков, кажущегося безграничным с чисто фонетической точки зрения (без ориентировки на смысл), ограниченного для каждого языка строго определенного количества основных звуков, на которых основано различение смысла» (стр. 150). Правда, здесь понятие иерархии фигурирует как условие для отделения фонем от «нефонем» и, в частности, для того, чтобы возразить пражским фонологам, считавшим, что ударные и безударные гласные в таком языке, как русский, — это разные фонемы. П. С. Кузнецов возражает: «. . . при решении. . . взаимоотношений фонем необходимо исходить именно из функциональной

²² Я. В. Л о я. О гласной фонеме *ы* в русском языке. — РЯШ, 1940, № 6.

²³ См.: Л. В. Щ е р б а. Указ. соч.

²⁴ П. С. К у з н е ц о в. К вопросу о фонематической системе современного французского языка. «Уч. зап. МГПИ. Кафедра русского языка», 1941, т. V, вып. 1; то же — наст. изд., стр. 163—205.

значимости звуковых смыслоразличительных средств, например, рассматривая различие ударяемых и соответствующих неударяемых гласных в русском языке как различие того же порядка, что и различие, например, глухих и звонких согласных, тогда как это явления явно различного порядка: в то время как глухие и звонкие согласные отчетливо противостоят друг другу по своей смыслоразличительной роли, ударяемые и соответствующие безударные гласные в функциональном отношении тождественны и должны быть отнесены к одной фонеме» (стр. 151). Это все правильно, но это — не все. В дальнейшем изложении Кузнецов вплотную приходит к тому, что имеется в виду в связи с иерархией, хотя и не применяет этого понятия. Я имею в виду рассуждения автора об ударении и интонации, которые автор считает тоже фонематическими средствами языка (во избежание терминологических затруднений мы предпочли бы называть их не «фонематическими», а «фонологическими» средствами), но соотносенными: ударение «... в отношении к целому слову», а интонация «... на протяжении целого высказывания» (стр. 153). Эти соображения П. С. Кузнецов в дальнейшем развил в статье «О фонологической системе сербохорватского языка»²⁵, а одновременно Ю. Р. Курилович изложил аналогичные взгляды в статье «Система русского ударения», а еще раньше в статье «Структура морфемы»²⁶. Эта проблематика оказалась очень «плодородной» и дала пищу для различных решений. Так, Р. И. Аванесов в статье «О кратчайшей единице в составе слова и морфемы», не пользуясь понятием уровня, выводит два ряда фонем: «в отношении к морфеме» («сильные фонемы») и «в отношении к слову» («слабые фонемы»), оговариваясь, что «... нельзя к этим ... сильным фонемам прибавлять в том же ряду слабые фонемы»²⁷. Иной путь — введение понятия «уровень», когда различные фонологические средства фонетического яруса можно распределить иерархически по уровням, что мною намечено в статье «О соотношении фонетики и грамматики...»²⁸

²⁵ П. С. Кузнецов. О фонологической системе сербохорватского языка. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1948, т. VII, вып. 2; то же — наст. изд., стр. 336—355.

²⁶ Ю. Р. Курилович. Система русского ударения. Наукові записки Львів. Держ. ун-ту, 1946, т. III, вып. 2; то же см. в кн.: Ю. Р. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962; J. Kurylowicz. Struktura morfemu. — ВРГЛ, 1938, т. 7, стр. 10—28.

²⁷ Р. И. Аванесов. О кратчайшей единице в составе слова и морфемы. «Вопросы грамматического строя». М., 1955, стр. 31; то же см. в кн.: Р. И. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956; то же — наст. изд., стр. 422—450.

²⁸ А. А. Реформатский. О соотношении фонетики и грамматики (морфологии). «Вопросы грамматического строя».

и более четко выражено в статье «Иерархия фонологических единиц и проблема сингармонизма»²⁹. Здесь главное внимание обращено на то, чтобы выделить основной сегментный уровень (что соответствует ряду фонем) и отделить его как от «субсегментного» уровня вариативов, так и от «суперсегментного» уровня «накладок» на целое слово или даже на целую фразу. Именно проблема сингармонизма и дает нужный материал для решения этих теоретических вопросов. Не обращаясь к сингармонизму, общую теорию уровней (как элементов «анализа») излагает Э. Бенвенист в статье «Уровни лингвистического анализа». Следует указать, что «смутное предчувствие» идеи уровней, что называется, «висело в воздухе» среди москвичей. Кроме указанных выше статей П. С. Кузнецова, надо еще отметить очень интересную работу С. С. Высотского «Работы Е. Ф. Будде о рязанских говорах в свете новых данных»³⁰, где автор в главе «О так называемых дифтонгах» прекрасно показывает, что есть свойство гласных и что есть «накладка» на слово или фразу «сверху». Будде описывал дифтонгические «растяжения» гласных в конце фразы как свойства самих гласных, на что С. С. Высотский возражает: «Это растяжение независимо от морфологических или фонетических свойств слова, что доказывается его универсальной возможностью проявляться во всех гласных, находящихся в определенной фразовой позиции» (стр. 85). Смысл этого высказывания С. С. Высотского коренится именно в том, что есть собственно фонетические явления и есть фонетические явления, зависящие от «накладок», а не от свойств самих гласных, а это и есть «уровневый анализ», к чему пришли многие гораздо позднее, чем эта статья была написана (1949).

8. Вопрос о признании или непризнании проблемы нейтрализации фонологических оппозиций в том или другом общем варианте проводит резкую грань между воззрениями Ленинградской фонологической школы, не признающей нейтрализации, и не только МФШ, но и Трубецким, пражцами, Мартине, Якобсоном (за вычетом трактовки безударных гласных в таких языках, как русский) и многими другими, признающими нейтрализацию. Споры о характеристике самой нейтрализации и об архифонеме и других понятиях, связанных с нейтрализацией, — это уже особый вопрос среди сторонников нейтрализации, к чему ленинградцы отношения не имеют. Наиболее последовательно проведена идея нейтрализа-

²⁹ А. А. Реформатский. Иерархия фонологических единиц и явления сингармонизма. «Исследования по фонологии». М., 1966.

³⁰ С. С. Высотский. Работы Е. Ф. Будде о рязанских говорах в свете новых данных. «Бюлл. диалектол. сектора Ин-та русск. яз. АН СССР» М., 1949, вып. 6.

ции у сторонников МФШ, что связано с идеей гиперфонемы, отнюдь не совпадающей с архифонемой пражцев или даже Мартине (между которыми тоже не все в согласии).

Идею гиперфонемы еще в начале 30-х годов выдвинул В. Н. Сидоров, но, к сожалению, нигде печатно эту идею не изложил. В упоминавшейся уже статье 30-х годов «К вопросу о фонематической системе современного французского языка» (вышла в 1941 г.) П. С. Кузнецов писал: «... в определенных положениях не различаются друг по отношению к другу некоторые фонемы, которые в то же время в этих же положениях отличаются от всех остальных фонем...» (стр. 159). Такие фонемы «... принято объединять в совокупности, которые разными лингвистами называются различно. Представители Пражской школы называют эти совокупности архифонемами» (стр. 159); «... в кругах московских лингвистов уже около 10 лет в этом значении употребляется термин гиперфонема, введенный впервые, если не ошибаюсь, В. Н. Сидоровым, но не получивший до сих пор отражения в печати, и я не вижу оснований в данной статье отказываться от этого термина. Впрочем, понятие архифонемы приближается к нашему понятию гиперфонемы только в работах Мартине, который дает этому понятию новое содержание...» (стр. 159).

«Принадлежность каждого конкретного звука в речевом потоке определенной гиперфонеме очевидна» (стр. 159). И далее: «Проще исходить не из фонем как элементарных звуков-дифференциаторов, а из совокупности фонем, в известных случаях противостоящих друг другу, в других случаях не отличающихся друг от друга, но всегда противостоящих другим совокупностям, иными словами, проще начинать с установления того, какие звуковые качества всегда играют смыслозначительную роль, т. е. прежде всего установить, какие в языке имеются гиперфонемы» (стр. 163). Это первая, но не последняя, печатная фиксация вопроса о гиперфонеме; позднее эта тема встречается в работах П. С. Кузнецова, А. А. Реформатского, Г. А. Климова.

У А. А. Реформатского с проблемой гиперфонемы была связана попытка наметить новые пути для решения вопроса о сингармонизме еще в 1955 г.³¹; подробнее в связи с теорией уровней эти же проблемы развиты в статье «Иерархия фонологических единиц и явления сингармонизма». Еще одно высказывание на тему о гиперфонеме имеется в работе А. А. Реформатского «О нейтрализации

³¹ А. А. Реформатский. О соотношении фонетики и грамматики, стр. 102—106.

опозиций»³², где говорится (в переводе на русский язык): «Что касается единицы, находящейся сверху фонемы в структуре ярусов, мнения не представляют единства, и я думаю, что мнение Мартине об архифонеме не совпадает с терминологией Пражской школы (см. TCLP, 4, 1931; TCLP, 6, 1936); Московская фонологическая школа предложила понятие „гиперфонемы“, которое не совпадает с понятием архифонемы, поскольку гиперфонема не предполагает обязательно совокушность фонем, но может ограничиться и одной фонемой. Например, в русском языке различается на уровне ударных гласных пять единиц: *и, э, а, о, у*, — но на другом уровне (безударные гласные) после твердых согласных пары гласных *и/э* и *а/о* являются неразличимыми, и остается различие трех гиперфонем: *и/э, а/о* и *у*; гиперфонемы охватывают нейтрализацию *и* и *э, а* и *о*, но *у* остается таким же, но на этом уровне — это не фонема, а гиперфонема *у*» (стр. 105—106).

В книге «Фонема и морфема» Г. А. Климов³³ пишет: «Определенное место в разработке теории лингвистических единиц объективно принадлежит представителям ленинградской (Л. В. Щерба, Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич) и московской (Р. И. Аванесов, П. С. Кузнецов, А. А. Реформатский, В. Н. Сидоров) фонологических школ, параллельно разрабатывавших по крайней мере две различные модели понятия фонемы, в разной степени абстрагированные от фонетической субстанции языка (и при следующих основных терминологических соответствиях: вариант фонемы — вариация фонемы; фонема — вариант фонемы; фонемное чередование — фонема, гиперфонема» (стр. 19). В таблице на стр. 90 Г. А. Климов точнее «приводит к соответствию» терминологию разных школ, а здесь все изложено слишком общо: не указано главное, что ленинградская школа не признает нейтрализации фонем, а тем самым в трудах этой школы не стоит и не может стоять «проблема гиперфонемы». Кроме того, термины фонемный ряд, фонемное чередование — всегда были в обиходе членов МФШ, только их «валютная стоимость» была иной, чем у ленинградцев.

В другом месте своей книги в связи с критикой понятия морфемы Н. С. Трубецкого и в связи с вопросом о соотношении фонемы и морфемы Г. А. Климов пишет: «. . . морфофонема Н. С. Трубецкого в принципе оказывается ненужной для описания структуры языка единицей, которая не находит соответствия в объективной действительности языка (к аналогичному выводу, однако, исходя

³² А. А. Реформатский. De la notion des oppositions. «Travaux de l'institut de linguistique», v. II. Paris, 1958.

³³ Г. А. Климов. Фонема и морфема. М., 1967.

уже из производного отсюда обстоятельства — отсутствия у говорящего подобного „сложного образа“, приходят, как известно, В. Дорошевский и А. А. Реформатский» (стр. 61).

И далее: «Идентификация каждого сегмента в качестве репрезентанта той или иной фонемы и морфемы достигается последовательной субституцией каждого сегмента членами уже установленных различных дистрибутивных моделей. Сегменты квалифицируются как соотносимые с разными фонемами и морфемами, если различны дистрибутивные модели их альтернации. . . (принципиально отличный подход характеризует в этом отношении московскую фонологическую школу, вводящую в свою фонологическую концепцию понятие гиперфонемы)» (стр. 99).

Г. А. Климов правильно отметил ненужность для фонологии понятия морфонемы, которая фигурирует у многих исследователей, особенно американских, на месте «московской фонемы» (но это не в смысле Трубецкого, а в смысле Улашина и Трегера³⁴); верно угадал важное звено московской концепции — гиперфонему, которая является тем «гвоздем», который держит всю теорию нейтрализаций. Жаль, что убедительно подвергнув критике физическую и психологическую точку зрения на теорию фонем, положительное решение проблемы Г. А. Климов связал с термином «реляционно-физическая» концепция лингвистических единиц. Он пишет: «На смену физической и психологической интерпретациям лингвистических единиц плана выражения пришла реляционно-физическая концепция. Во избежание недоразумения здесь же необходимо оговориться, что сам термин „реляционно-физическая концепция“ используется в работе в совершенно отличном смысле, чем это имеет место в исследованиях предложившего его С. К. Шаумяна. . .» (стр. 45—47). Не лучше ли было сказать «собственно лингвистическая концепция»? А то термин Шаумяна, да еще взятый «в совершенно ином смысле», только способен затемнить по существу правильные и ясные соображения Г. А. Климова. Охарактеризовав очень сочувственно и с пониманием сути дела Московскую фонологическую школу, Г. А. Климов мало подчеркнул ее принципиальный «морфематизм», восходящий не только к «раннему Бодуэну», как утверждают ленинградцы, но и к позднему³⁵, а этот пункт очень важен, и он-то прежде всего

³⁴ См.: А. А. Реформатский. Проблема фонемы в американской лингвистике. «Уч. зап. Московского гор. пед. ин-та. Кафедра русского языка», 1941, т. V, вып. 1; то же — наст. изд., стр. 204—248; см. также — А. А. Реформатский. О соотношении фонетики и грамматики.

³⁵ См.: И. А. Бодуэн де Куртене. Указ. соч., т. II, стр. 276, § 119.

создает невозможность идентификации «московских» и «ленинградских» фонем и закрывает половину московской проблематики для ленинградцев. Что же касается высказывания Г. А. Климова на стр. 35, то, несмотря на очевидную возможность возражений ленинградцев, я считаю, что автор прав: «Объективно служила физической интерпретации фонемы и морфемы методическая сторона работ Л. В. Щербы. Ему не удалось выйти за рамки физического истолкования фонемы, несмотря на настойчивые поиски собственно лингвистического подхода к языковой реальности (в частности, несмотря на стремление разграничить понятие собственно „фонетической единицы“, с одной стороны, и акустической, или физиологической, единицы, с другой). Хорошо известно, что методика фонологического анализа, предложенная Л. В. Щербой, не дает возможности выявить фонемный инвентарь исследуемого языка». Как ни грустно, но с точки зрения лингвистического реализма — это верно, и возможный «гнев» ленинградцев можно понять только как «воплъ о чести мундира», что мешает четкому взаимопониманию и должному научному размежеванию.

Вопросам этого необходимого «размежевания» уделил много внимания Р. И. Аванесов. Я имею в виду прежде всего его книгу «Фонетика современного русского литературного языка», где Р. И. Аванесов выдвинул некоторую «особую точку зрения», которую не разделяли В. Н. Сидоров и П. С. Кузнецов, да и я. Но об этих внутренних разногласиях членов МФШ я буду говорить ниже. Сейчас меня интересует оценка Р. И. Аванесовым разногласий Ленинградской фонологической школы и МФШ. Вот что пишет Р. И. Аванесов: «Сложность понятия фонемы, его отношения к значимым элементам языка и определяемого им понимания фонетической системы и структуры фонологии как науки обусловила многообразие и противоречивость точек зрения у разных авторов. Эмпиризм, невыясненность теоретических предпосылок исследования — едва ли не основная причина многообразия и противоречивости мнений в этом вопросе. Именно в виду неразработанности проблемы в теоретическом отношении, определяя понятие фонемы, одни ученые „стихийно“ исходили из слова или даже словоформы, другие — из морфемы. На этом были основаны длительные споры между акад. Л. В. Щербой и его учениками (Л. Р. Зиндером, М. И. Матусевич), с одной стороны, и московскими фонологами (Н. Ф. Яковлевым, П. С. Кузнецовым, А. А. Реформатским, В. Н. Сидоровым, автором этой книги) — с другой. Между тем от того или иного подхода зависит трактовка понятия фонемы, отношения фонемы к слову, его формам и морфеме, самое понимание фонетической системы и ее места в структуре языка. Особую своеобразную позицию занимает С. И. Бернштейн» (стр. 38).

Конкретизируя расхождения Московской и Ленинградской школ, Р. И. Аванесов пишет: «Исходным моментом во взглядах акад. Л. В. Щербы на фонему является словоформа, в составе звуковой оболочки которой и изучается кратчайшая звуковая единица. Именно поэтому акад. Л. В. Щерба и его ученики считают фонемой кратчайшие звуковые единицы, различаемые не только в сильной позиции (например, каждый звук в слове [дом], но и в слабых позициях (например, [т] в слове [склат], [л] в слове [вада]). Последние на основе близости по физиолого-акустическому признаку отождествляются с соответствующими звуковыми единицами, различающимися в сильной позиции. Так, представители этой точки зрения считают, что в слове [вада] имеются две фонемы [а], что в начале слова [тот] и на конце его имеется одна и та же согласная фонема [т], т. е. что на конце слова [сат] представлена та же фонема, что в начале слова [так]. При этой точке зрения не принимается во внимание принципиальное различие в функционировании звуковых единиц, выступающих в сильной позиции, с одной стороны, и в слабых — с другой. Между тем их различительная роль в этих положениях неодинакова: она ослаблена у звуковых единиц, различающихся в слабых позициях, так как каждая из таких единиц эквивалентна двум или нескольким звуковым единицам, различающимся в сильной позиции. Поэтому отождествление сходных в физиолого-акустическом отношении звуковых единиц, различающихся в сильных и слабых позициях, нельзя считать целесообразным. Оно представляет крупный недостаток данной концепции, ибо именно последовательное изучение функционирования кратчайших звуковых единиц языка как различителей звуковой оболочки слов и морфем поднимает фонологию на высшую ступень по сравнению с традиционной фонетикой.

Другой существенный недостаток этой концепции, органически связанный с первым, заключается в следующем. Отождествление на основе близости по физиолого-акустическому признаку звуковых единиц, различающихся в сильной и слабой позиции, ведет к отрыву звуковой единицы, различающейся в слабой позиции, от того ряда позиционных, лишенных различительной способности, несемасиологизированных чередований, которому она принадлежит. Особо следует отметить, что благодаря этому отождествлению звуковая единица, различающаяся в слабой позиции и чередующаяся с соответствующей звуковой единицей, различающейся в сильной позиции, отрывается от этой последней. Это значит, что [л] в слове [вада] полностью приравнивается к гласной [а] в словах [дам], [так], [сат] и т. д. и отрывается от гласного [о], с которым [л] чередуется (ср. [вада] — [вады]). Это ведет к отрыву фонетической системы от грамматического строя и словар-

ного состава, к тому, что звуковая сторона языка, его «природная материя» — оказывается изолированной от значимых элементов языка» (стр. 38).

Р. И. Аванесов этим рассуждением приводит основной тезис ленинградцев об автономии фонетики в языке к его логическому следствию — к отрыву фонетики от общей структуры языка и к обесмысливанию ее единиц. Все дело здесь в антиморфематизме ленинградцев, в том, что межъязычный шов фонологии и морфологии превращается в глубокий непроходимый ров, а сам язык в целом теряет присущую ему ступенчатую, ярусную структуру и начинает делиться «пополам» на фонетику и «прочее», но так как «прочее» более существенно, чем фонетика, то фонетика, хотя и этого или не хотя ленинградцы, уходит из языка, как это и было в эпоху младограмматиков (ср. теорию Г. Пауля о языке как конгломерате, чему сопутствовало отрицание единства и целостности языка как структуры). Таким образом, антиморфематизм — это не частный вопрос, а принципиальный ход против понимания языка как структуры.

При сжатом изложении основных положений МФШ Р. И. Аванесов именно эти черты и акцентирует:

«Исходным моментом во взглядах московских фонологов на фонему была морфема. В их построениях тождество морфемы определяет собой границы и объем понятия фонемы. Именно поэтому эти ученые считают одной фонемой весь ряд позиционных чередований (пересекающихся, не параллельных по отношению к другим аналогичным рядам) во главе со звуковой единицей, различающейся в сильной позиции. Таким образом, звуковые единицы, выступающие в слабых позициях и чередующиеся с той или иной звуковой единицей, различающейся в сильной позиции и являющейся фонемой, объединяются с этой последней в одну единицу (фонему) на положении ее вариантов. Например, в случаях типа [вдá], [вóды], [нá-вьду] гласные [ʌ] и [ъ] квалифицируются как варианты фонемы [o], весь ряд чередований [o]/[ʌ]/[ъ] также признается одной фонемой. . . При этой точке зрения последовательно учитывается функциональная сторона, достигается органическая связь между фонемой и морфемой и тем самым между фонетической системой, с одной стороны, и грамматическим строем и словарным составом, с другой. Фонетическая система органически включается в структуру языка в целом» (стр. 39)³⁶.

³⁶ На книгу Р. И. Аванесова «Фонетика современного русского литературного языка» были опубликованы рецензии Л. Р. Зиндера (ВЯ, 1957, № 5, стр. 137—141) и Р. О. Якобсона («International Journal of Slavic Linguistics», s-Gravenhage, 1959, № 1—2, стр. 286—289) и М. Халле («Words»,

9. Мне кажется, что приведенные выше соображения, показывающие основные положения Ленинградской фонологической школы и МФШ, достаточны для понимания расхождений этих двух

1960, т. 16, № 1, стр. 140—152). Л. Р. Зиндер, справедливо считая, что все изложение книги Р. И. Аванесова исходит из вводной главы «Кратчайшая звуковая единица в составе слова и морфемы», сосредоточил свое внимание именно на этой главе; он цитирует Р. И. Аванесова: «Исходным моментом во взглядах акад. Л. В. Щербы на фонему является словоформа», а «исходным моментом во взглядах московских фонологов на фонему была морфема», и далее подтверждает мысль Р. И. Аванесова, что «обе точки зрения правильны и совместимы, так как отражают различные языковые факты». Сделав ответственное заявление: «Фонема выявляется в результате непосредственного анализа речевого потока, в результате его членения» (что мне кажется совершенно неверным. — А. Р.), Л. Р. Зиндер критически оценивает теорию «сильных» и «слабых» фонем Р. И. Аванесова: «Неудачным кажется мне введение понятием сильной и слабой фонемы в дополнение к понятиям сильной и слабой позиции» (что мне кажется правильным в высказываниях Л. Р. Зиндера. — А. Р.). Интересны также, но не вполне убедительны, рассуждения Л. Р. Зиндера о звуковом типе и фонеме и о предлагаемых Р. И. Аванесовым трех типах транскрипции, а также о проблеме слогораздела. Рецензия Р. О. Якобсона написана, как всегда, с подъемом и с остроумными формулировками. Проблему фонемного или морфемного начала лингвистического анализа Р. О. Якобсон интерпретирует с точки зрения говорящего (вход сообщения, морфемный аспект) и — слушающего (выход сообщения, фонемный аспект). Оба аспекта Р. О. Якобсон считает «одинаково реалистичными», различные типы транскрипции Р. И. Аванесова Р. О. Якобсон интерпретирует с точки зрения анализа по уровням; далее Р. О. Якобсон предлагает «кратчайшей единицей» считать не фонему, а «дифференциальные элементы», причем, по его мнению, «исчезают все трудности, связанные с так называемой нейтрализацией». Очень интересно замечание Р. О. Якобсона о позиции для звонкости/глухости согласных перед «в»: *к врагу* [kvragú] и *к вдове* [gvdav'é] (это замечание послужило отправной точкой для более подробного анализа факта, отмеченного Якобсоном в кандидатской диссертации С. А. Барановской, 1967). Заключает свою рецензию Р. О. Якобсон так: «... труд Аванесова должен быть рекомендован в качестве превосходного введения в изучение звуков русского языка». Рецензия М. Халле, главным образом, посвящена вопросам о трех типах транскрипции, предлагаемых Р. И. Аванесовым: фонетической, фонематической и морфофонематической. М. Халле отмечает, что он «загравивает некоторые спорные вопросы лингвистической теории, поднятые в этой книге». Именно с точки зрения регламентации процедур описания, фиксированного в том или ином типе транскрипции, М. Халле и рассматривает все остальные проблемы (сильные и слабые фонемы, параллельные и пересекающиеся чередования и т. п.). Попутно М. Халле ставит вопрос о разграничении в транскрипции звеньев речевой цепи и о пограничных сигналах, подвергая сомнению некоторые примеры Р. И. Аванесова; в частности, М. Халле утверждает, что «невозможно постулировать границу слова после безударной позиции», хотя фонетически ударные гласные открытого слога, примыкающие «влево», и предударные гласные неприкрытого слога, примыкающие «вправо», четко различаются и маркируют границу, например: «Квартира казалась. . .» [кварт'иръ казалъс'] и «Квартир оказалось. . .» [кварт'ир аказалъс']. В целом рецензия М. Халле суживает проблематику книги Р. И. Аванесова, хотя многие его замечания и следует принять во внимание.

взаимоисключающих концепций фонем и фонологии и частных случаев можно уже не касаться. Упомяну лишь суммарно, в виде сводки те, по которым было больше полемики и расхождений.

К таким случаям относится, например, вопрос о том, представляют ли звуки [и] и [ы] в русском языке две гласные фонемы или же вариации одной фонемы?

Аргументация в пользу первой точки зрения имеется в следующих работах: Л. В. Щерба «Русские гласные . . .»³⁷; Я. В. Лоя «О гласной фонеме ы»³⁸; Л. Р. Зиндер «Общая фонетика»³⁹; М. И. Матусевич «Введение в общую фонетику»⁴⁰; В. И. Лыткин «Фонема и научная транскрипция звуков»⁴¹; А. Н. Гвоздев «О фонологических средствах русского языка»⁴²; А. Н. Гвоздев «О фонологии „смешанных“ фонем»⁴³; А. Н. Гвоздев «Обладают ли позиции смыслоразличительной способностью?»⁴⁴.

Аргументация в пользу второй точки зрения изложена прежде всего у Бодуэна де Куртене во многих работах⁴⁵ («учение об *i* мутабиле»), например «Лекции по введению в языковедение» (любое издание, литографированное; по изданию 1914 г., стр. 78, 107, 111), а также в книге «Об отношении русского письма к русскому языку» (1912, § 44) и в других статьях; Н. Ф. Яковлев «Математическая формула построения алфавита»⁴⁶; Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров «Реформа орфографии в связи с проблемой письменного языка»⁴⁷; А. А. Реформатский «Проблема фонемы в американской лингвистике»⁴⁸; Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров «Очерк

³⁷ Л. В. Щерба. Указ. соч., стр. 50 (правда, с некоторыми оговорками).

³⁸ Я. В. Лоя. О гласной фонеме ы, стр. 22—23.

Л. Р. Зиндер. Общая фонетика, Л., 1960, стр. 64—65.

⁴⁰ М. И. Матусевич. Указ. соч., стр. 15.

В. И. Лыткин. Указ. соч., стр. 9.

⁴² А. Н. Гвоздев. О фонологических средствах русского языка. М., 1949, стр. 23—24.

⁴³ А. Н. Гвоздев. О фонологии «смешанных» фонем. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1953, т. XII, вып. 1, стр. 51—52.

⁴⁴ А. Н. Гвоздев. Обладают ли позиции смыслоразличительной способностью?, стр. 59 и сл.

⁴⁵ И. А. Бодуэн де Куртене. Указ. соч., т. II, стр. 246—293, 209—235.

⁴⁶ Н. Ф. Яковлев. Указ. соч., стр. 50. — См. также доклад Н. Ф. Яковлева на I Туркологическом съезде в Баку, 1926 (имеется стенографический отчет).

⁴⁷ Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров. Реформа орфографии в связи с проблемой письменного языка. — РЯШ, 1930, № 4, стр. 116.

⁴⁸ А. А. Реформатский. Проблема фонемы в американской лингвистике, стр. 138—139.

грамматики русского литературного языка»⁴⁹, А. И. Зарецкий «Строение русской орфографии»⁵⁰, Р. И. Аванесов «Из истории русского вокализма. Звуки *i* и *y*»⁵¹ (капитальная статья, исчерпывающая данную проблематику как в синхроническом, так и в диахроническом плане), А. А. Реформатский «Введение в языковедение»⁵²; А. А. Реформатский «Фонологические заметки»⁵³; М. В. Панов «Русская фонетика»⁵⁴. Пока что мы приводили работы прямых сторонников МФШ, но есть мнения на этот предмет и у ученых, не связанных непосредственно с МФШ. Так, например, ленинградец Н. В. Юшманов в одной работе 30-х годов оказался тоже «москвичом»! Он писал: «В русском пять гласных фонем (*a, e, i, o, u*), но много комбинаторных вариантов, зависящих от ударенности или неударенности, с одной стороны, и от мягкости (палатализации) или твердости (веляризации) соседних согласных, с другой стороны»⁵⁵. Впрочем, удивительного тут ничего нет: по своим фонологическим взглядам Н. В. Юшманов был гораздо ближе к МФШ, чем к Ленинградской фонологической школе. Таким «москвичом» среди ленинградцев был и Б. В. Томашевский⁵⁶.

Подводя итоги спорам об [ы] и [и], М. В. Панов пишет: «См. . . . верное освещение вопроса о фонематических отношениях между русскими [ы — и] в работах Р. И. Аванесова, И. А. Батманова, Н. И. Жинкина, А. А. Реформатского, В. Н. Сидорова, Н. С. Трубецкого, В. Штейница, Р. О. Якобсона и других»⁵⁷.

К этому можно еще прибавить мнение ученика де Соссюра С. О. Карцевского в «Заметках о русской фонологии», где автор высказывает целый ряд тонких и верных замечаний (об отсутствии

⁴⁹ Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945, стр. 40.

⁵⁰ А. И. Зарецкий. Строение русской орфографии. — РЯШ, 1946, № 5—6, стр. 33.

⁵¹ Р. И. Аванесов. Из истории русского вокализма. Звуки *i* и *y*. «Вестник МГУ», 1947; № 1; то же — наст. изд., стр. 278—299.

⁵² А. А. Реформатский. Введение в языковедение. Изд. 1. М., 1947, стр. 79—80; Изд. 2. М., 1955, стр. 178—180; Изд. 3. М., 1960, стр. 179—180; Изд. 4. М., 1967, стр. 214—216.

⁵³ А. А. Реформатский. Фонологические заметки, стр. 101.

⁵⁴ М. В. Панов. Указ. соч., стр. 59, 61, сноски; стр. 210—213 (подробный подбор мнений и определенные выводы автора).

⁵⁵ Н. В. Юшманов. Европейские элементы тюркских языков СССР. «Культура и письменность Востока», кн. 7—8. М., 1931, стр. 116.

⁵⁶ См. по данному вопросу: «Русское стихосложение». Пг., 1923, стр. 157 (Б. В. Томашевский разделял также «московскую», а не «ленинградскую» точку зрения на понятие синтагмы, см. его статью «Ритм прозы» в сборнике его статей «О стихе», М., 1929).

⁵⁷ М. В. Панов. Указ. соч., стр. 61.

отвердения согласных в современном русском языке, о йоте и его фонологическом месте в системе, о том, что свистящая перед <щ> поглощается шипящей, не оставляя следа и др.), а также указывает: «Русский вокализм содержит пять фонем . . .»⁵⁸. «Если верхние фонемы находятся в позиции после твердой, их артикуляция отодвигается назад»⁵⁹.

Кстати, еще в 20-х годах С. О. Карцевский писал о необходимости морфематизма в фонологии: «Фонемы постигаются только на фоне сложнейшей игры морфологических элементов: они глубоко запрятаны от сознания, подойти к ним можно только через морфологию, путь к которой лежит через область синтагматики»⁶⁰. Да, фонемы «не лежат на поверхности», а являются в обманчивых травести — реализациях вариаций и вариантов, распутать которые можно, только исходя из морфемы, что и заповедал фонологии Бодуэн . . .

Аргументация не только членов МФШ в пользу второй точки зрения на отношения [ы] и [и], но и таких авторитетных ученых, как Н. С. Трубецкой (Вена), С. О. Карцевский (Женева), Р. О. Якобсон (Кембридж, США), В. Штейниц (Берлин), Н. В. Юшманов, Б. В. Томашевский (Ленинград) позволяет согласиться с М. В. Пановым: «Спор о фонемной природе [ы] надо считать законченным, продолжение его научными целями не оправдывается»⁶¹.

Трактовка мягких [к', г', х'] также расходится у ленинградцев и москвичей. Первые считают их в современном русском языке особыми фонемами, наряду с другими парными согласными по признаку твердости/мягкости (<т и т', л и л'> и т. д.), москвичи же квалифицируют отношения <к/к', г/г', х/х'> как вариации в составе одной фонемы каждый раз. Ленинградская точка зрения изложена в «Грамматике русского языка»⁶², «Общей фонетике» Л. Р. Зиндера⁶³, а также в ряде других «ленинградских» работ. «Московская» точка зрения изложена в статье Н. Ф. Яковлева «Математическая формула построения алфавита», в «Очерке грамматики русского литературного языка» Р. И. Аванесова и

⁵⁸ S. K a r c e v s k i. Remarques sur la phonologie du russe. «Cahiers Ferdinand de Saussure», 2—3. Geneva, 1943, стр. 11.

⁵⁹ Там же, стр. 12.

⁶⁰ С. О. К а р ц е в с к и й. Еще к вопросу об учебниках А. М. Пешковского. «Родной язык и литература в трудовой школе», 1928, № 1, стр. 31.

⁶¹ М. В. П а н о в. Указ. соч., стр. 213.

⁶² «Грамматика русского языка». Изд. АН СССР. М., 1952, стр. 53 (раздел написан Л. В. Щербой).

⁶³ Л. Р. З и н д е р. Общая фонетика. Л., 1960, стр. 65—66.

В. Н. Сидорова, в статьях А. А. Реформатского «Что такое структурализм?»⁶⁴ и его же: «Обучение произношению и фонология»⁶⁵ — и в других «московских» работах.

Упомянуть можно еще один фонологический вопрос — это мнение о различении монофонемных и бифонемных явлений, где опять (как и следовало ожидать) ленинградская и московская точки зрения расходятся. На эту тему Р. И. Аванесовым была написана статья «О долгих шипящих в русском языке»⁶⁶, а Л. Р. Зиндер позднее опубликовал статью «Фонематическая сущность долгого палатализованного [ʃ' :] в русском языке»⁶⁷. Мнения авторов не совпадают. Ответ на статью Л. Р. Зиндера имеется в статье А. А. Реформатского «<ж>»⁶⁸. Суть спора заключалась в монофонемной или же бифонемной трактовке «произношений» интервокальных согласных в таких словах, как *тёщи*, *вожжи*, где по Зиндеру есть бифонемное сочетание, а по Аванесову и Реформатскому — не всегда, а именно при московском (и общесценическом) произношении этих согласных как «долгих дорсально мягких фрикативных» налицо монофонемность, тогда как при других «произношениях» (*щ* как [шч] или же [ш:] твердое!) следует признать бифонемность.

Все эти частные расхождения между решениями Ленинградской фонологической школы и МФШ давно уже выявлены, и останавливаться на них больше нет смысла: дело не в них, а в общих основаниях.

10. Остается лишь подвести итоги параграфу, посвященному разногласиям Ленинградской школы и МФШ, где после всего сказанного и процитированного оказывается, что взгляды Ленинградской школы живы и популярны среди самих членов этой школы в трех поколениях (будь они в самом Ленинграде, в Киеве, в Тбилиси или же даже в . . . Москве!); по отношению же к мнениям мировой фонологии — ленинградцы остаются в изоляции . . .

Объясняется это положение тем, что: 1) ленинградцы вслед за Л. В. Щербой «изменили» Бодуэну и его морфематическому

⁶⁴ А. А. Реформатский. Что такое структурализм? — ВЯ, 1957, № 2.

⁶⁵ А. А. Реформатский. Обучение произношению и фонология. «НДВШ. Филол. науки». М., 1959, № 2.

⁶⁶ Р. И. Аванесов. О долгих шипящих в русском языке. «Докл. и сообщ. филол. ф-та МГУ», М., 1948, № 6; то же — наст. изд., стр. 326—335.

⁶⁷ Л. Р. Зиндер. Фонематическая сущность долгого палатализованного [ʃ' :] в русском языке. «НДВШ. Филол. науки». М., 1963, № 2, стр. 137 и сл.

⁶⁸ А. А. Реформатский. <ж>. «To honor Roman Jakobson», v. 2. The Hague—Paris, 1967.

пониманию фонологии, из-за чего у них «за бортом» оказались такие вопросы, как различие варьирования и альтернатив, проблема нейтрализаций, учение о разном качестве позиций, идея гиперфонемы и ложная концепция «автономности» фонетики, что ведет к отрицанию единства языка как целостной структуры (см. выше мнения Р. И. Аванесова и С. О. Карцевского); 2) искусственно согретый «культ Щербы» и вера в его непогрешимость, хотя сам Лев Владимирович всю жизнь сомневался и перерешал свои «тезы», приговаривая: «А, может быть, наоборот!» и искал, а не «канонизировался», и 3) остатками и пережитками «старой доброй фонетики», не доросшей до фонологии и не принявшей истинные идеи этой новой ступени науки о «звуковом строе языков».

V. ПОПЫТКИ СИНТЕЗА КОНЦЕПЦИЙ ЛЕНИНГРАДСКОЙ И МОСКОВСКОЙ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ ШКОЛ И ФОНОЛОГИЧЕСКИЙ ПЛЮРАЛИЗМ

До определенного времени никому из «ортодоксов» этих двух направлений не приходило желание искать синтеза в том, что неспособно синтезироваться. Не было такого желания ни у самого основателя Ленинградской школы Л. В. Щербы, хотя он внимательно читал имевшиеся в то время в небольшом количестве «московские работы»¹, но он не дожид до того времени, когда появилась в печати развернутая интерпретация московских фонологических концепций в «Очерке грамматики русского литературного языка» Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова и отклики на эту публикацию в виде работ Л. Р. Зиндера².

О непримиримости Л. В. Щербы к теориям МФШ красочно писал позднее С. И. Бернштейн³. В личном общении с Л. В. этой непримиримости не чувствовалось. В статьях же москвичей бывали полемические абзацы⁴. Равновесие было, пожалуй, нарушено

¹ В 1943 г., когда Л. В. Щерба прочитал мою статью «Проблема фонемы в американской лингвистике», мы опять заспорили об отношениях [ы] и [и] в русском языке, и Льва Владимировича очень заинтересовали мои наблюдения над тем, как Онегин в 3-й картине оперы делает фермату на верхнем фа в слове «... мечты!», «съезжая» с [ы] постепенно на [и]. Но, увы, это было связано только с теорией Л. В. о «протягивании» ударных гласных, данных в виде вариаций, типа [m³—æ—æ^a—a[∞]—a—a—л]. . . Так из этого разговора ничего собственно фонологического и не вышло.

² Л. Р. Зиндер. Вопросы фонетики. Л., 1946, Л. Р. Зиндер. Существуют ли звуки речи? «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1948, т. VIII, вып. 4.

³ С. И. Бернштейн. Основные понятия фонологии. — ВЯ, 1962, № 5.

⁴ См.: Н. Ф. Яковлев. Математическая формула построения алфавита. «Культура и письменность Востока», кн. I. М., 1928, стр. 46; П. С. Кузнецов. К вопросу о фонематической системе современного французского

в полемической статье Л. Р. Зиндера, и затем дело обострилось статьей С. К. Шаумяна «Проблема фонемы»⁵, когда москвичам пришлось защищать имя Л. В. Щербы (см. выше о дискуссии 1952—1953 гг.). Но тогда-то и возникла идея «синтеза» двух фонологических направлений, к чему мы и переходим.

И тем интереснее оказалась позиция С. И. Бернштейна, который до середины 30-х годов был ленинградцем территориально, и как ученик Л. В. Щербы — «щербянцем», как он сам писал в статье «Основные понятия фонологии», а в 30-х годах стал территориально москвичом, но не перешел на «московские фонологические рельсы», хотя и отошел от ортодоксального «щербяинства». Вот, что писал в этой статье С. И. Бернштейн:

«В середине 30-х годов, переехав из Ленинграда в Москву, я встретился с представителями „новомосковской школы“ и познакомился с их теорией в устном изложении авторов (в то время она еще не была опубликована) — и в жарких спорах, потому что мои взгляды на фонему носили еще в значительной мере щербянский характер. Я усматривал в построении моих московских коллег разрыв между звуковой материей и ее функцией; меня не удовлетворяло в их системе фонем отсутствие прямого отражения звукового состава слов . . . Кроме того, я считал, что представители „новомосковской школы“ напрасно затушевывают понятие позиционного чередования и не указывают с достаточной определенностью, что фонема представляет собой альтернативный ряд. Они в свою очередь упрекали меня в непоследовательном проведении функциональной точки зрения и в смешении фонемы со звуком.

Эти споры побудили меня вновь задуматься над вопросом о фонеме. И вот, опираясь на . . . труды Бодуэна де Куртене, я пришел к заключению, что теории Щербы и „новомосковской школы“ по сути дела не исключают, а дополняют друг друга; что „новомосковская фонема представляет собой обобщение фонемы Щербы; что обе эти фонемы (к которым я присоединил еще и третью, опирающуюся на исторические чередования) являются последовательными ступенями системы фонологических единиц, восходящих по степени абстракции от звуковой материи и по объему, так

языка. «Уч. зап. МГПИ. Кафедра русского языка», 1941, т. V, вып. 1, стр. 162—168; то же — наст. изд., стр. 163—203; А. А. Реформатский. Проблема фонемы в американской лингвистике. — Там же, стр. 114, 117, 138; то же — наст. изд., стр. 204—248; А. А. Реформатский. Введение в языковедение. М., 1947, стр. 73, 79.

⁵ С. К. Шаумян. Проблема фонемы. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1952, т. XI, вып. 4.

что членами фонемы 2-й степени служат фонемы 1-й степени, а членами фонемы 3-й степени — фонемы 2-й степени“ (стр. 63).

Хотя статья С. И. Бернштейна и появилась лишь в 1962 г., но ее идея была продумана автором еще в 30-х годах, а потому может считаться первым опытом «двойного (или даже тройного?) счета».

О неудаче своего опыта С. И. Бернштейн пишет удивительно просто и откровенно: «Моя попытка синтеза [sic! — А. Р.] двух фонологических концепций создателями обеих синтезируемых теорий была принята в штыки. Ни ту, ни другую сторону не удовлетворял плюрализм в определении фонемы — замена единой «фонемы» системой фонологических единиц. Л. В. Щерба, приняв участие в обсуждении моего доклада, резко критиковал и меня, и „новомосковскую школу“. Что же касается моих московских оппонентов, то, возможно, что сейчас некоторые из них отнеслись бы к изложенной мною концепции более терпимо. В недавних фонологических работах Р. И. Аванесова я нахожу моменты, сближающие наши точки зрения . . .» (стр. 63).

И дальше следуют грустные строки: «Осенью 1936 года я по предложению Р. И. Аванесова принялся составлять тезисы доклада . . . для . . . республиканской конференции по языкознанию . . . Но конференция не состоялась, и мои „Тезисы“, размноженные в трех экземплярах, превратились в архивную „единицу хранения“» (стр. 63).

«В содержании их отмечу . . . еще два существенных момента: во-первых, понятие „фонемондов“ как дополнение главным образом к понятию фонемы 2-й степени; в совокупности то и другое представляет собой попытку истолкования в плане построенной системы разных случаев совпадения двух фонем в одном звуке; во-вторых, анализ отношения фонологических единиц трех степеней к знаменательным единицам языка и в связи с этим установление трех параллельных систем: 1) фонетических чередований, 2) фонем и 3) знаменательных единиц (морфем, слов, лексических гнезд)» (стр. 63).

Интересна мотивировка Сергея Игнатьевича по поводу употребляемой им терминологии: «Теперь, подготавливая «Тезисы» к печати, я, не прибавляя никаких новых положений и воздерживаясь от модернизации, хотя бы и терминологической, уточнил формулировки. . .» (стр. 64).

К чему есть очень интересная сноска: «Я мог бы, например, с пользой употребить новый термин „словоформа“, а три ступени градации мог бы рассматривать как три „уровня“» (стр. 64).

А ведь как жаль, что С. И. Бернштейн в действительности не принял термин «уровни»! Тогда все бы стало на место. А то получилась громоздкая лестница с повторением термина «фонема» даже в трех, а не в двух «этажах». . .

Очень интересны в статье С. И. Бернштейна еще некоторые определения: «Фонологическими единицами языка — фонемами в широком смысле — являются такие свойственные данному языку . . . на данном этапе его исторического развития комплексы произносительно-акустико-слуховых признаков, которые, воплощаясь в различных позиционных или фонетико-морфологических условиях в нетождественные между собой звуковые образования, при последовательном расчленении основных знаменательных единиц языка — слов и морфем — на рядоположенные звуковые элементы, узнаются в качестве элементов, тождественных с точки зрения смысловой функции, т. е. роли в выражении значений, независимо от их альтернативных модификаций» (стр. 65).

Если преодолеть этот вавилонский синтаксис, то по существу сказанное верно. Особенно приятно, что упоминаются «фонетико-морфологические» условия: этого Бернштейн-щербянец не смог бы сказать! И к этому есть очень интересное примечание в сноске: «Комбинаторные, или позиционные, условия иначе называют фонетическими положениями, или позициями. В сущности фонетико-морфологические условия являются тоже своего рода позициями» (стр. 65, сн. 3).

Развивая свои соображения о многостепенности «фонем» и не прибегая к понятию «уровни» (см. выше), С. И. Бернштейн приводит еще такие определения: «Элементарными фонологическими единицами — фонемами 1-й степени — должны быть признаны такие простейшие, т. е. не разложимые на элементы того же порядка (той же степени обобщенности), соотносительные и взаимно противопоставленные комплексы произносительно-акустико-слуховых свойств, которые, допуская изолированное произнесение, способны служить в данном языке . . . единственным или основным (т. е. не зависящим от позиционных условий) признаком для различения каких-либо пар основных знаменательных языковых единиц — морфем и слов (точнее: морфем и лексем 1-й степени . . . — при последовательном расчленении их на кратчайшие рядоположенные звуковые элементы. . .)» (стр. 66). Продираясь сквозь Вавилон синтаксиса Сергея Игнатьевича и вспоминая о лаконичной и изящной манере изложения С. О. Карцевского, мы должны все же признать, что в этих рассуждениях С. И. Бернштейн стоял на верном пути, все дальше уводившем его от «щербяинства». Далее: «Позиционные модификации одной и той же фонемы 1-й степени определяются как варианты фонемы» (стр. 66). «Элементарными антропофоническими единицами языка (? речи ? — А. Р.) служат звуки языка (опять! — А. Р.). Звуком языка является произносительно-акустико-слуховое образование, применяемое в данном языке в качестве варианта той или иной фонемы 1-й степени. . .» (стр. 66).

На этой же странице С. И. Бернштейн дает одну очень важную сноску, которая должна была парализовать постоянные заверения «щербанцев» о том, что смыслоразличительную функцию фонем выдвинул Л. В. Щерба: «Выделение в понятии фонемы признака способности к различению знаменательных единиц языка восходит к И. А. Бодуэну де Куртене, который еще в 1868 г. сформулировал его применительно к фонетическим чередованиям, а впоследствии развил учение о „коррелятивах“ — членах семасиологизуемых альтернатив. Первая отчетливая формулировка этого признака в самом определении фонемы принадлежит Л. В. Щербе (1911 г.)», (стр. 66, сн. 7).

Далее С. И. Бернштейн подробно рассматривает фонетические чередования, которые он в целом определяет так: «**Фонетическое чередование** (иначе **фонетическая альтернатива**) есть отношение полной или относительной функциональной (семантической или морфологической) эквивалентности . . . между двумя или несколькими звуками или более общими антропофоническими категориями данного языка . . . отношение, обнаруживающееся в том, что в зависимости от определенных позиционных или фонетико-морфологических условий, возникающих в словоизменении и словообразовании (а также и при тесном смыкании слов во фразе), члены этого отношения (альтернанты) в любых или только в некоторых морфемах взаимно исключают друг друга и в связи с этим подлежат взаимной мене» (стр. 68). «Различаются два основных вида фонетических чередований: 1) **дивергенции**, чередования, зависящие от создающих соответствующие позиционные условия . . . общих произносительных (антропофонических) тенденций . . . 2) **трансформации** — чередования, не зависящие от позиционных условий, лишенные связи с общими произносительными тенденциями . . .» (стр. 68). К этому есть два примечания: «Трактовка фонетического чередования как отношения восходит к И. А. Бодуэну де Куртене» (сн. 11) и «. . . Термин „трансформация“ здесь, конечно, лишен всякой связи с тем же термином в современной структуральной лингвистике» (сн. 13). Пока что новым является лишь старый бодуэновский термин «антропофоническое» и необычное употребление термина «трансформации», что мало улучшает обычную и для Бодуэна, и для МФШ классификацию явлений, но в дальнейшем С. И. Бернштейн связывает эти явления с указанной выше ступенчатой классификацией фонем, причем и чередования получают «степени»: «Различаются два вида дивергенций: 1. **Дивергенции 1-й степени** (или **альтернативы 1-й степени**, иначе — **вариации**) — дивергенции, члены которых (**дивергенты 1-й степени**, или **альтернанты 1-й степени**,

иначе — в а р и а н т ы) встречаются только во взаимно исключающих позиционных условиях, вследствие чего различие между ними не несет функции непосредственного различения значений основных знаменательных единиц языка (не семасиологизуется) ни в одной паре слов или морфем, так как это различие всегда является производным (позиционно обусловленным, сопутствующим другому, основному, не обусловленному позицией фонетическому различию) (например, разные оттенки одного и того же гласного в русском языке). 2. Дивергенции 2-й степени (иначе с у б с т и т у ц и и) — дивергенции, члены которых (дивергенты 2-й степени, или альтернанты 2-й степени, иначе — с у б с т и т у т ы) чередуются, т. е. взаимно исключают друг друга и заменяют в одних позиционных условиях и не чередуются, т. е. равно допустимы, в других, вследствие чего различие между ними не несет функции непосредственного различения (не семасиологизуется) в отношении одних пар слов или морфем, но способно служить единственным и основным признаком различения (т. е. способностью семасиологизоваться) в отношении других пар (например, чередование глухих и звонких согласных. . . ср., с одной стороны, *rod* и *rom*, с другой — *dom* и *tom*) (стр. 73). «Дивергенциям как альтернациям 1-й и 2-й степени противопоставляются трансформации как альтернации 3-й степени» (стр. 73).

«Совокупность вариантов (дивергентов, или альтернантов в 1-й степени) образует фонему 1-й степени (Φ^1) (частично соответствующую „фонеме“ в теориях Л. В. Щербы и Пражского лингвистического кружка). Совокупность субституттов (дивергентов, или альтернантов 2-й степени) образует фонему 2-й степени (Φ^2) (соответствующую „фонеме“ в понимании И. А. Бодуэна де Куртенэ и „архифонеме“ Пражского лингвистического кружка в первоначальном понимании). Совокупность трансформантов, иначе альтернантов 3-й степени . . . образует фонему 3-й степени (Φ^3), иначе морф фонему („морф фонему“ в концепции Пражского лингвистического кружка)» (стр. 73).

Наконец Вавилонская башня плюрализма вся достроена: и фонемы, и чередования, и члены чередований получили свой порядковый номер и соотношение друг с другом, но какую цену! Это все очень напоминает те случаи микропонимки, когда ряд улиц называется одним именем, а различается этот ряд порядковыми номерами (1-я Парковая, 2-я Парковая. . . N-я Парковая), что, как известно, очень неудобно! По существу же все приведенные рассуждения С. И. Бернштейна — следование Бодуэну, а не Щербе, и все это очень близко смыкается с концепцией МФШ, где те же мысли были выражены компактнее и проще. Тем самым

Сергей Игнатьевич стал «москвичом» не только территориально, но и концептуально.

Хотя статья С. И. Бернштейна и напечатана в 1962 г., но изложенные в ней идеи «фонем разных степеней» и соображения плюрализма зрели у автора еще в 30-е годы, когда происходили описанные им споры в Московском городском пединституте и когда он начал отходить от «щербяниства». Поэтому, а также ввиду сугубой теоретичности написанного С. И. Бернштейном, надо с него начинать серию плюралистских концепций. Следующим на этом поприще выступил абсолютно неприемлемый для Бернштейна С. К. Шаумян (см. в дискуссии 1952—1953 гг. упомянутую выше статью С. И. Бернштейна) и выступил тоже на пути плюрализма и «двойного счета». Это вызвало резкий отпор со стороны «щербянцеv» (см. выше о статьях А. Н. Гвоздева и В. И. Лыткина), а москвичи этого вопроса в своих статьях вообще не касались (я имею в виду Р. И. Аванесова, М. В. Панова и А. А. Реформатского).

II. В статье С. К. Шаумяна «Проблема фонемы» автор, совершенно справедливо отрицая синонимия терминов «фонема» и «звуковой тиш» и выдвигая вместо акустической общности функциональную общность (см. стр. 331, 334, 337, 340), странным образом обрушивается на теорию различения вариаций и вариантов, выдвинутую МФШ: «... мы считаем нужным остановиться на одной ошибочной теории, которую отстаивают некоторые московские лингвисты. Мы имеем в виду теорию о двух разновидностях фонемы — вариациях и вариантах. Приверженцы этой теории не видят, что проблема нейтрализации подчинена общей проблеме функционального тождества» (стр. 339). Здесь много странного и неверного: МФШ не считала вариации и варианты «разновидностями фонем», а считала, что это две разные возможности реализации фонем в связи с позициями, очень различные в функциональном отношении (при вариациях не возникает пересечения фонемных рядов и не возникает нейтрализации, а при вариантах или вернее в вариантах ряды пересекаются и фонемы нейтрализуются), а саму проблему нейтрализации МФШ всегда мыслила как функциональную проблему.

Взамен отвергнутой «московской теории» различения вариации и вариантов С. К. Шаумян выдвинул теорию «смешанных фонем». Разобрав различные примеры нейтрализаций гласных и согласных в русском языке (*маховик* и *моховик*, *луг* и *луж*, *ногой* и *нагой*, *пруд* и *прут*), С. К. Шаумян так характеризует эти нейтрализации: «С точки зрения различительной функции звук [k], стоящий в конце слова, следует признать смешанной фонемой [k/g], потому что он объединяет в себе две фонемы [k] и [g]. Точно также и звук [ə] должен считаться смешанной фонемой [o/a], причем налицо не

только функциональное, но уже и физическое смешение. Под физическим смешением мы имеем в виду то обстоятельство, что [ə] по своему звучанию не совпадает ни с [o], ни с [a] и не может быть соотнесено ни с одним из этих звуков» (стр. 338). Не стоит продолжать цитаты; наблюдения С. К. Шаумяна совершенно правильны, но почему две фонемы (<o> и <a>, <k> и <g>) могут называться опять фонемой, да к тому же «смешанной», а не вариантом двух фонем, в нем «смешанных», что и естественнее, и реалистичнее, да и терминологически рациональнее? Ведь дальше при определении фонематической модели того или иного языка неизбежно возникает вопрос, какие же фонемы считать: только «просто фонемы» или же и «смешанные фонемы» (ведь они по Шаумяну «тоже фонемы»! Особенно при «физическом смешении»). Получается типичный «двойной счет» и плюрализм, к которому С. К. Шаумян пришел отнюдь не в поисках примирения московской и ленинградской точек зрения (как С. И. Бернштейн), потому что сам Шаумян в других случаях был близок МФШ и исходил из ее концепций (например, в вопросе об [ы] и <i>, см. стр. 340).

III. Следующим этапом развития идеи плюрализма и «двойного счета» была теория Р. И. Аванесова, одного из столпов МФШ, впервые выдвинутая им в Ленинграде в 1954 г. в присутствии Л. Р. Зиндера и А. А. Реформатского. Эта идея у Р. И. Аванесова определенно была вызвана желанием синтеза противоположных концепций Москвы и Ленинграда и, естественно, вызвала сочувственное и положительное отношение Л. Р. Зиндера, а со стороны А. А. Реформатского — более осторожное и даже скептическое отношение. Впервые в печати обоснование теории Р. И. Аванесова было опубликовано в статье «Кратчайшая звуковая единица в составе слова и морфемы», а потом перепечатана в книге Р. И. Аванесова «Фонетика современного русского литературного языка», в виде главы, включающей §§ 7—16. Здесь вместо «фонем разной степени» С. И. Бернштейна или «простых фонем» и «смешанных фонем» С. К. Шаумяна выступает теория «сильных» и «слабых» фонем, образующих тоже две серии, приводящие к плюрализму и к «двойному счету» и стремящаяся сочетать несочетаемое: московскую и ленинградскую концепции. Однако аргументация Р. И. Аванесова гораздо глубже и разностороннее, чем у С. К. Шаумяна; кроме того, она связана с другими существенными темами (вопрос о фонемных рядах, непересекающихся и пересекающихся). А существеннее всего, что эта теория исходит от одного из основателей МФШ, пусть и «впавшего в ересь», как говорилось в апостольские времена. Итак, разберемся по порядку в теории Р. И. Аванесова.

В предисловии к «Фонетике современного русского литературного языка» Р. И. Аванесов предупреждает, что . . . в этой книге,

« . . . существенно отличающейся от ранее изложенной в работах автора концепции . . . », будет изложен «результат дальнейшей его работы и наблюдений» (стр. 3). И далее: «Автор продолжает свою работу и надеется в скором времени дать более полное и основательное изложение предмета» (стр. 3). Увы, прошло более 12 лет, а этого «продолжения» так и нет! Повлияло ли здесь отрицательное отношение к «новым идеям» автора со стороны не только его всегдашних союзников (П. С. Кузнецов, А. А. Реформатский и др.), но и противников (Л. Р. Зиндер, см. выше) или же просто помешали дела, — не берусь судить. Но «воз и ныне там» . . .⁶.

Я не буду сейчас задерживаться на применении неудачного, с моей точки зрения, выражения «звуковая оболочка слов», об этом уже было сказано выше, и сосредоточу свое внимание на том, что я называю «плюрализм» или в просторечии — «теория двойного счета».

Итак, §§ 4—16 «Фонетики . . .» Р. И. Аванесова. В § 4-м автор пишет: « . . . изучение роли звуков речи как особого рода знаков . . . уже само по себе предполагает изучение способов образования звуков речи (физиологии звуков речи) и самих качеств (т. е. акустических свойств) звуков речи» (стр. 9). Отсюда следует вывод: «Таким образом, перед фонетикой ставятся двоякого рода задачи. . . Обе эти задачи, будучи задачами принципиально различными, в то же время тесно связаны . . . и представляют собой различные аспекты фонетики как науки» (стр. 10). Это все — и так, и не так. Задача у науки о звуковом строе языка (у фонологии) — одна: установление единиц этого строя, их системы и их функционирования или эволюции, а какими данными эта наука пользуется, это не ее равноправная задача, а «подсобный аппарат», где наряду с «физиологией звуков речи» используются и данные общей анатомии и физиологии, и наряду с «акустикой звуков речи» используются и данные общей акустики как раздела физики.

Рассматривая в § 7 вопрос о соотношении фонетики и грамматики, Р. И. Аванесов пишет: « . . . одно из принципиальных раз-

⁶ Характерна дарственная надпись мне на титульном листе этой книги: «Дорогому . . . старому другу, единомышленнику в фонологии, а теперь, может быть, кое в чем и «врагу». . .». Я не стал «врагом», но, как и покойный П. С. Кузнецов, не считаю «новый взгляд» Р. И. плодотворным в фонологии, тем более, что это ведь не ново, а лишь с большей глубиной и с большим изяществом изложения проделанная попытка. Хорошо, что такой факт послужил поводом для ряда интересных высказываний, но, к сожалению, породил и недоразумения под пером сочувствующих МФШ лингвистов Европы и Америки (я имею в виду обзоры М. Петера (1957) и М. Халле (1962), о чем уже упоминаю в предисловии к данной работе и будет сказано ниже).

личий между грамматикой и фонетикой заключается в том, что объекты первой всегда представляют собой значимые единицы языка, а объекты последней, в том числе фонемы, — это единицы, не обладающие значением и даже не связанные непосредственно со значением, а лишь различающие звуковую оболочку значимых единиц языка — слов и морфем. Это является достаточным основанием считать грамматику и фонетику разными научными дисциплинами, каждая из которых имеет свой объект изучения (грамматический строй и фонетическую систему), обладающий своей спецификой и своими закономерностями» (стр. 15).

Это рассуждение направлено против мало мотивированного Ленинградской школой постулата Л. В. Щербы о том, что фонетика — часть грамматики, что мало вяжется с тезисом об «автономии фонетики», а с другой стороны, и против обычной школьной традиции⁷. По существу рассуждение Р. И. Аванесова о соотношении фонетики и грамматики правильно, но прямолинейно. Ничего не сказано о морфологии, представляющей собой «мостик» между фонетикой и морфологией, где имеется немало «подводных камней», порождающих разные мнения и оценки, не сказано ничего о сегментных и суперсегментных явлениях, о том, что «одно и то же» может быть как предметом фонетики, так и предметом морфологии (например, ударение, интонация). Важно одно: и фонетика (фонологически понимаемая), и грамматика — ярусы одной структуры — языка в целом, и объединяет их прежде всего семиотическая предметность объектов, а тогда и фонетические явления — тоже знаки, но особого качества; иначе фонетика уходит из структуры языка, и лингвистике тут нечего делать, так как лингвистика в разделе фонологии изучает не «природную материю» как таковую, а ее семиотическое использование. Эти соображения указывают на неполноту освещения рассматриваемого вопроса у Р. И. Аванесова.

В § 8, посвященном вопросу о соотношении фонетики и фонологии, Р. И. Аванесов высказывает правильные мысли, однако к сказанному в фонологической дискуссии 1952—1953 гг. ничего не прибавляет.

Наконец, приходит очередь выяснить понятие «кратчайшей звуковой единицы» (§ 9). Определение этого понятия сформулировано так: «Под кратчайшими звуковыми единицами мы имеем в виду такие произносительно-слуховые элементы, которые выделяются в слове при его последовательном, так сказать (? — А. Р.),

⁷ См.: Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров. Очерк грамматики современного русского литературного языка. М., 1945 (где половина книги посвящена фонетике).

линейном, членении как единицы простейшие, минимальные, далее нечленимые, занимающие минимальный отрезок времени (т. е. далее не делимый по отношению к звуковым элементам данного языка)» (стр. 18). И далее: «Таким образом, под кратчайшими звуковыми единицами языка имеется в виду то, что нерасчлененно по отношению к принципу выделения (фонологическому или собственно фонетическому) обычно называется звуком речи» (стр. 19).

В этом определении много неясного: 1) почему «так сказать»: Ведь если это линейный аспект и уровень сегментных явлений, то это нечто линейное без всяких «так сказать» (в противоположность явлениям нелинейным, суперсегментным); 2) нет оговорки о сукцессивных явлениях в отличие от симультанных, которые могут быть более «краткими», чем фонемы, — я имею в виду то, что назвал позднее Бенвенист меризмами и меризматическим уровнем, т. е. уровень признаков, о чем было написано мною в связи со статьей Н. Ф. Яковлева еще в 1941 г. Понятие «кратчайшей единицы» нуждается в уточнении по уровням; 3) неясно, если это «обычно называется звуком речи», то как же быть с такими явлениями, как «кнаклаут» в немецком, что есть «звук речи», но не фонема, как быть с дифтонгами (например, в английском языке и в русской речи)? Получается слишком много неясного, чтобы считать приведенное определение удовлетворительным.

Дальнейшие рассуждения на примерах русских гласных и согласных содержат много правильных соображений, как, например, то, что для русских <о> и <у> нерелевантен признак ряда как таковой, этот ряд по аккомодациям предшествующим согласным может смещаться, но различимость этих фонем от данных факторов не страдает, однако для очевидности данного тезиса надо было объяснить, на чем основаны оппозиции русских гласных, чего автор не приводит, а тогда все это рассуждение «повисает» в воздухе. И далее: «... если в слове [шут] в качестве кратчайшей звуковой единицы под ударением выделяется гласный [у], у которого независимы, не обусловлены позицией степень подъема и наличие лабиализации (ср. [пот], [пат]), то в слове [вышутъл] одной из кратчайших звуковых единиц заударного слога является гласный [у], у которого независимо, не обусловлено позицией по существу только наличие лабиализации (ср. [вѣпътъл]): ряд, т. е. более заднее или переднее образование этого гласного определяется качеством предшествующего и последующего согласных (прежде всего их твердостью или мягкостью), а разные ступени подъема в заударном неконечном слоге практически отсутствуют» (стр. 19).

Все это правильно, но формой какого слова служит здесь [вѣпътъл]? Это: 1) не *выптал* по только что сказанному, но и 2) не *выпытал*, а тогда, значит, или это 3) *вѣпотал* (?), или же 4) *выпатал*? («Он *выпатал* у него ничью», т. е. «добился патом ни-

чьей», что вряд ли имел в виду Р. И. Аванесов), ведь <и> после твердых (-[ы]) и <у> в заударных слогах в русском литературном языке не нейтрализуются, ср. *мордами* [мóрдьми] и *гордыми* [гóрдьми] и другие аналогичные примеры. Лучше взять примеры: *выкупал* и *выкопал*.

Оценивая некоторые пункты разногласий МФШ и Ленинградской фонологической школы и характеризуя позицию Аванесова как попытку синтеза мнений двух школ, В. К. Журавлев писал: «... основное различие между московской и ленинградской школами и заключается в отношении к морфонологии. Ленинградцы морфонологию оставили в морфологии, москвичи же многое из компетенции морфонологии включают непосредственно в фонологию. Аванесовская теория, в общем примиряющая обе школы (своего рода Бологое [sic! — А. Р.]), по этому кардинальному вопросу остается московской, где без данных морфологии нельзя определить и фонемные ряды, сильные и слабые фонемы, т. е. фонологическую систему»⁸.

Итак, у Р. И. Аванесова 50—60-х годов основными мотивами были: 1) желание синтезировать концепции МФШ и Ленинградской фонологической школы (хотя сам Рубен Иванович и отрицает это «желание») и 2) модернизация теории вариаций и вариантов путем признания двух рядов фонем — сильных и слабых (бывшие варианты по МФШ) на базе перекрещивающихся и неперекрещивающихся фонемных рядов, т. е. позиция плюрализма.

IV. Иным путем к идее плюрализма пришел М. В. Панов, отнюдь не имея в виду пытаться синтезировать положения МФШ и Ленинградской фонологической школы, подвергая положения ленинградцев хотя и справедливой, но порой слишком резкой критике.

По обилию интереснейшего материала, оригинальности многих формулировок и по стилистической афористичности изложения книга М. В. Панова⁹ может быть названа блестящей, и в основном написанной с ортодоксальных московских позиций. Однако последовательность изложения предмета и новое обоснование плюрализма (у М. В. Панова фигурируют два ряда: синтагмофонемы и парадигмофонемы, обоснование чего и занимает большую часть страниц этой книги) ставит М. В. Панова в отдельную позицию, в основном «сильную», но не всегда: нет-нет, да и можно увидеть и «слабую» позицию.

⁸ В. К. Журавлев. Ответ на вопрос № 2 «Каков статус морфонологии, где граница между фонологией и морфологией» — В кн.: «Базисные проблемы фонологии». Донецк, 1968, стр. 23—24.

⁹ М. В. Панов. Русская фонетика. М., 1967.

Начинается книга М. В. Панова несколько неожиданно: «Фонетические законы. 1. Фонетика изучает законы, которые управляют сочетанием и чередованием звуковых единиц языка.

2. Сочетаются звуки в каждом языке по-своему, по своим особым законам. . .» (стр. 3). Вряд ли такой прием соответствует большой научной монографии, когда в начале говорится о сочетаемости звуковых единиц, а потом, значительно позднее, разъясняется, что же собой представляют эти единицы. И почему первое суждение о фонетике выражено в такой односторонней формулировке, как будто бы фонетика изучает только «сочетаемость», а не интересуется функционированием единиц и их «природой», их модельной группировкой? Как будто бы фонетика не изучает звуковой строй языка в целом? Все это интригует, производит впечатление «художественного приема детективного уклона», но научно не убеждает. А в книге есть параграфы, которыми бы и следовало начать увертюру, сиречь «Введение»: это «Некоторые особенности знаковых систем. 30». И дальнейшие §§ 31—35, а также и «Системность языковых единиц. 25». А все это помещено на стр. 14 и 16—19! Но ведь эти-то рассуждения и являются тем необходимым семиотическим обоснованием и онтологии предмета, и дискретности его единиц. Но, судя по многим дальнейшим страницам, вопрос о сочетаемости, разъясненный в дальнейшем как проблема синтагма-фонем, для автора один из самых центральных, и так автор поступил не по невниманию или по небрежности, а принципиально. Разберемся в аргументации «двойного счета» М. В. Панова по пунктам.

М. В. Панов устанавливает два понятия применительно к звуковым единицам языка: парадигма и синтагма. Вот эти определения: «Чередованием звуков мы будем называть их мену в зависимости от разных позиций. Звуки [a—á—ä] невозможны в одной и той же позиции; мена указанных позиций всегда в современном русском литературном языке связана с меной этих звуков. Такой ряд позиционно чередующихся звуков составляет парадигму. Парадигма, следовательно, — это ряд языковых единиц, различие между которыми определяется позицией. Ударный [b́] и безударный [a] тоже составляют парадигму, потому что чередование [b́ — a] обусловлено позицией. . .» (стр. 5).

«12. Звуки, закономерно сочетающиеся в пределах морфемы, слова или словосочетания, составляют синтагмы разного типа. Например, [a] не сочетается в пределах слова с мягким согласным. Однако эта последовательность возможна в пределах словосочетаний; речевой отрезок: *не б́ыль, а нѣбыль* (произносимый без пауз) включает сочетание [. . .л'ан'. . .] с [a] между мягкими согласными. Внутри слова было бы сочетание [. . .л'ан'. . .], ср. *гулянье* =

[гул'ән'јъ]. Законы звуковых контактов в пределах словосочетания не те, что внутри морфемы» (стр. 5).

К этой характеристике парадигмы и синтагмы есть примечание:

«13. Иногда термин *п а р а д и г м а* употребляют в ином значении: парадигмой называют языковые единицы, встречающиеся в одной позиции (т. е. употребляют в значении противоположном тому, какое указано выше). Например, сравнивая слова *дам — дом — дум — дым*, находят парадигму [а — о — у — ы]. Но эта парадигма демонстрирует не законы чередования, а законы сочетания. Безразлично, как выразить эти законы: можно сказать, что [д] сочетается с последующим [о], с последующим [а], с последующим [у] и [ы], эти гласные сочетаются с последующим [м]. Можно сказать то же по-другому: между [д] и [м] могут быть [а — о — у — ы]. Оба выражения тождественны, оба описывают синтагматические, сочетательные отношения. Термин *п а р а д и г м а* при этом используется нерационально, „бесхозяйственно“; он служит для демонстрации законов сочетаемости, которые уже обслуживаются термином *с и н т а г м а*. При этом подлинные законы чередования (мена звуков в разных позициях) остаются без термина и оказываются вообще вне поля зрения исследователя» (стр. 6). К этому имеется у М. В. Панова сноска о Л. Ельмслеве, где в конце сказано: «. . . такое единство, как ряд единиц, не встречающихся в одной позиции, остается без определения и в сущности вне теории Л. Ельмслева. Следует признать, что его „Прологомены“ — блестящая попытка дать теорию именно (и только) синтагматики языка» (стр. 6).

Целенаправленность парадигматики и синтагматики звуковых единиц, по мнению М. В. Панова, различна. Опираясь на одно высказывание Н. И. Жинкина, данное в пересказе и частично в цитации, М. В. Панов пишет: «. . . слово при слушании различается (в своих элементах) и у з н а е т с я (как целое). Различение — это „составление целого из элементов. . . Это противопоставленная [судя по дальнейшему, «противопоставительная». — А. Р.] операция». Узнавание — это «восстановительная операция»¹⁰. М. В. Панов заключает это такой формулировкой: «Очевидно, различение слов основано на учете. . . их синтагматических связей, узнавание же слова покоится на учете его парадигматических связей» (стр. 11).

Пытаясь отвести возможные возражения против своей концепции, М. В. Панов ставит вопрос: «Может быть, можно все фонетические закономерности описать только в терминах фонетики

¹⁰ Н. И. Ж и н к и н. Механизмы речи. М., 1958, стр. 97, 111.

чередований (фонетической парадигматики) или только в терминах фонетики сочетаний (фонетической синтагматики)? Отдельные фонетические школы пытались это сделать. Опыт этих школ заставляет думать, что парадигматическая и синтагматическая фонетика описывают разные стороны языка. «Поэтому при синтагматическом анализе языковых единиц важно установить их разграниченность, их несходство: каждая единица характеризуется тем, что она не похожа на все остальные. Следовательно, процедура синтагматического анализа. . . неизбежно должна ввести „презумпцию нетождественности“: процедура устанавливает, что такие-то единицы (части синтагм) тождественны; две единицы, к которым эта доказательная операция неприменима, считаются различными» (стр. 12).

«20. Невозможны и языки, в которых все речевые цепи состоят из единиц, неотжествимых с ранее слышанными единицами. Поэтому при парадигматическом анализе звуковых единиц важно установить их тождественность, их „повторность“ в разных сообщениях» (стр. 12).

И еще раз: «. . . в фонетике синтагматический анализ исходит из „презумпции нетождественности“, парадигматический — из „презумпции тождественности“; поэтому они строят разные ряды фонетических единиц, устанавливают разные закономерности, обосновывают разные выводы» (стр. 13).

Нисколько не сомневаюсь, что проблема выделения единиц и их отождествления и проблема сочетания единиц — это разные задачи исследования и различные аспекты тех же единиц, т. е. что могут быть два аспекта исследования: синтагматический и парадигматический, но онтологически не может быть «разных рядов» тех же единиц. Могут быть разные «модификации», «вариативы» при наличии одних инвариантов, одного ряда единиц данного ранга. Однако подождем с выводами и послушаем, что еще на эту тему скажет сторонник плюрализма М. В. Панов. Он продолжает:

«27. Синтагматические отношения между двумя звуковыми единицами могут быть двух родов: „входить в одну синтагму“, т. е. сочетаться друг с другом, или „не входить в одну синтагму“, т. е. не сочетаться.

28. Парадигматические отношения между двумя звуковыми единицами могут быть двух родов: „входить в одну парадигму“ или „не входить в одну парадигму“. Или по-другому: чередоваться параллельно чередованию позиций или не чередоваться параллельно чередованию позиций. . . » (стр. 16).

Исходя из вышеприведенных теоретических рассуждений, М. В. Панов в дальнейшем прилагает их к конкретному материалу русского языка: «194. В русском литературном языке 73 согласные

синтагмо-фонемы. . .» (стр. 103), но уже вскоре автор дает отбой: «Отношения между фонемами и субфонемами русского языка. 202. До сих пор единицами, вступающими в синтагматические отношения, мы считали отдельные звуки. Эта точка зрения привела нас к перечню русских синтагмо-фонем. Перечень оказался уродливо-громоздким — из 73 единиц. С этим пришлось бы мириться, если бы эта классификация была внутренне безупречной. . . Гораздо важнее, что синтагмо-фонетика ведет к неразрешимым противоречиям» (стр. 112). Появляется новое понятие, которое должно спасти положение с синтагмо-фонемами, упростить «уродливо-громоздкий перечень». Это понятие субфонемы. Что же такое за новое „инкогнито“? Ответ автора таков:

«204. Итак, если звук считать конечной единицей в синтагматической фонологии, то неизбежны серьезные затруднения и прямые противоречия в трактовке языковых фактов. Эти противоречия снимаются, если считать единицей синтагматической фонологии не звук, а различительный признак звука. Такую единицу будем называть синтагмо-субфонемой или просто субфонемой (так как парадигмо-субфонем не существует)» (стр. 113). И далее: «Раэу-меется, синтагмо-фонема как единица языка вовсе не «отменяется» последним утверждением, остаются в силе и законы сочетаемости звуков. Звуки действительно сочетаются по определенным законам, и это оправдывает выделение синтагмо-фонем как особых единиц сочетательной, синтагматической фонологии. Неверно лишь считать, что фонема — основная и конечная единица в этой фонологии. На самом деле эта единица производная, основной же единицей следует считать субфонему, т. е. различительный признак сегмента (или сегментов)» (стр. 114).

Все это рассуждение напоминает мне детскую песенку: «Жил-был чижичек, и он был „тово“, не то, чтобы „тово“, но всеж-таки „тово“». Никто не спорит, что существуют закономерности сочетания фонем (конечно, парадигмо-фонем, настоящих, всамделишных фонем, как бы их ни понимать и ни определять), но это не значит, что есть какие-то «другие фонемы» (ведь версия о «другом „Юрий Милославском“» — плод вранья Хлестакова!), но эти «другие фонемы» под пером М. В. Панова получают «законную прописку в языке» под титулом «синтагмо-фонемы», подсчитываются для того, чтобы их сейчас же переписать на субфонемы, которые их (синтагмо-фонемы) не отменяют, хотя сами представляют собой не единицы, а признаки единиц, но все же являются единицами. Разобраться в этой паутине плюрализма очень трудно. Сам М. В. Панов, справедливо укоряет Н. С. Трубецкого, что тот ставит в один ряд фонемы и архифонемы: «Например. слово [тот] — это ряд, где [т] и [о] — фонемы, а конечный [т] — архифонема. Слово со-

стоит из единиц видовых и родовых, поставленных в один ряд» (стр. 13).

У самого же М. В. Панова попадают в один «ранг» единицы и их элементы и даже индексы копуляции единиц, а в результате громоздкая башня из разнородных слагаемых, образующих не просто «двойной счет», а «неодинарный счет с дробными», причем считаются явления разного качества. Терминология смещается при этом по разным координатам и предстает в травестированном и непривычном виде. Если б М. В. Панов ввел в свои интереснейшие наблюдения и рассуждения понятие уровня, то все бы могло упроститься, и построение стало бы удовлетворять мудрому афоризму математика А. А. Маркова, который говорил: «Модель должна удовлетворять двум требованиям: быть похожей на свой объект и быть проще своего объекта».

Под каким бы флагом ни выступал тезис плюрализма и «двойного счета» — под флагом синтеза несинтезируемых фонологических школ (С. И. Бернштейн, может быть и Р. И. Аванесов) или же без этого намерения (С. К. Шаумян, М. В. Панов), он (этот тезис) может только запутать дело и породить и терминологические, и фактические трудности и противоречия (в таком суждении, наверное, сойдутся и ленинградцы, и оставшиеся в живых и нетронутые «ересью» москвичи). То это — травестирование старых и более простых понятий (вместо московских вариантов — «смешанные фонемы» Шаумяна, «слабые фонемы» Аванесова), то — многоступенность «Вавилонской башни» без привлечения понятия уровень (Φ^1 , Φ^2 , Φ^3 у С. И. Бернштейна, парадигмо-фонемы, синтагмо-фонемы и субфонемы у М. В. Панова), что нарушает логичную стратификацию фонологических объектов, препятствует правильному онтологическому пониманию иерархии фонологических единиц, запутывает стройную терминологию. Гораздо важнее уточнить понятия уровней, разрешить в полном виде предложенное Э. Бенвенистом понятие «меризматического уровня» в связи с исключительным вниманием к нему у «неоамериканцев» — Р. Якобсона, М. Халле, решить, какие же оппозиции важнее и реалистичнее — оппозиции фонем или оппозиции дифференциальных признаков, как онтологически адекватно описывать нейтрализации, признавать ли корреляциями только нейтрализуемые оппозиции (П. С. Кузнецов) или же можно обосновать и иной взгляд на эту проблему, и, наконец, обосновать, какая же теория наиболее плодотворна для решения задач практики (построения алфавитов, выработка алгоритмов транскрипций, методики обучения произношению и т. д.).

VI. ЗАРУБЕЖНЫЕ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЛИНГВИСТЫ О МФШ

Кроме высказываний Л. Р. Зиндера, С. И. Бернштейна, С. К. Шаумяна, А. Н. Гвоздева и некоторых других отечественных лингвистов, касавшихся отдельных вопросов из положений МФШ, что было отмечено и прокомментировано выше, существует несколько работ, в которых авторы пытаются охарактеризовать МФШ и ее взгляды в целом. Авторы этих работ писали как за рубежом, так и в советской печати. Эти авторы не задавались целью полемики, а наоборот — старались, каждый по-своему, разобраться в основных положениях МФШ и сопоставить эти положения с мнениями других направлений. Изложение этих авторов вполне объективно и отнюдь не предвзято, а скорей вполне благожелательно. Однако многое в их интерпретации объективно не совсем совпадает с истинным положением вещей не по вине данных авторов. Я имею в виду статью М. Петера «К теории «московской» фонологической школы»¹; статью М. Халле «Фонемика» (или «Фонология») ²; статью Л. Р. Зиндера «Основные фонологические школы»³; книгу Г. А. Климова «Фонема и морфема»⁴, книгу М. В. Панова «Русская фонетика»⁵; неопубликованную работу С. В. Протогенова «Московская фонологическая школа» (рукопись, стр. 1—18); некоторые другие статьи, например, Л. В. Бондарко «О реальности системы фонем» (рукопись, стр. 1—24). Работы здесь перечислены в хронологическом порядке, что мы и сохраним при изложении.

¹ М. П е т е р. К теории «московской» фонологической школы. — «Studia slavica», 1957, t. III, fasc. 1—4.

² М. H a l l e. Phonemics. «Current trends in linguistics», v. I. Soviet and East European linguistics. The Hague, 1963.

³ Л. Р. З и н д е р. Основные фонологические школы. «Уч. зап. ЛГПИ», 1967, т. 354. Вопросы общего языкознания, стр. 80—86.

⁴ Г. А. К л и м о в. Фонема и морфема. М., 1967.

⁵ М. В. П а н о в. Русская фонетика. М., 1967, стр. 396—397, 402—411.

Из работ сторонников МФШ М. Петер рассматривает следующие: 1) Р. И. Аванесов «Кратчайшая единица в составе слова и морфемы» (1955); 2) А. А. Реформатский «О соотношении фонетики и грамматики (морфологии)» (1955); 3) А. А. Реформатский «Согласные, противопоставленные по способу и месту образования и их варьирование в современном русском литературном языке» (1955); 4) А. А. Реформатский «Введение в языковедение» (изд. 2, 1965); 5) Р. И. Аванесов «Фонетика современного русского литературного языка» (1956); 6) Г. Г. Алекберли «Проблема фонемы в свете марксистско-ленинской теории познания» (1953); из представителей иных фонологических взглядов М. Петер ссылается на следующие работы: 1) Л. Р. Зиндер «Л. В. Щерба и фонология»⁶; 2) Л. Р. Зиндер и М. И. Матусевич «К истории учения о фонеме»⁷; 3) А. Н. Гвоздев «О фонологических средствах русского языка»⁸; 4) В. И. Лыткин «В какой языковой единице нуждается фонетика»⁹; 5) С. И. Бернштейн «Против идеализма в фонетике»¹⁰; 6) Л. Р. Зиндер «Существуют ли звуки речи?»¹¹; 7) О. С. Ахманова «Фонология»¹².

Приведенные списки показывают хорошую осведомленность автора в данных вопросах. Конечно, стоит пожалеть, что не упоминается очень показательная для МФШ статья Р. И. Аванесова «Из истории русского вокализма. Звуки *i* и *y*» (1947), а также лишь вскользь упомянут «Очерк грамматики русского литературного языка» Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова (1945). . .

Свою статью М. Петер начинает с указания роли русских ученых в развитии фонологии: «1. В истории формирования и развития фонологии русским ученым принадлежит почетное место. С именами И. А. Бодуэна де Куртене, Л. В. Щербы, Н. С. Трубецкого связаны не только важнейшие направления, но и целые эпохи в истории фонологии» (стр. 327). Затем автор переходит к непосред-

⁶ Л. Р. Зиндер. Л. В. Щерба и фонология. «Памяти акад. Л. В. Щербы». Л., 1951.

⁷ Л. Р. Зиндер и М. И. Матусевич. К истории учения о фонеме. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1953, т. XII, вып. 1.

⁸ А. Н. Гвоздев. О фонологических средствах русского языка. М.—Л., 1949.

⁹ В. И. Лыткин. В какой языковой единице нуждается фонетика. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1953, т. XII, вып. 1.

¹⁰ С. И. Бернштейн. Против идеализма в фонетике. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1952, т. XI, вып. 6.

¹¹ Л. Р. Зиндер. Существуют ли звуки речи. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1948, т. VII, вып. 4.

¹² О. С. Ахманова. Фонология. Материалы к курсам языковедения. М., 1954.

ственной теме своей работы: «Настоящая работа посвящена фонологической теории группы видных советских лингвистов, называемой „Московской фонологической школой“ (Р. И. Аванесов, А. А. Реформатский, П. С. Кузнецов и др.)» (стр. 327). «В 1955 г. появился новый, наиболее разработанный вариант этой теории, изложенной в работах Р. И. Аванесова и А. А. Реформатского, опубликованный в сборнике „Вопросы грамматического строя“ (Москва, 1955) и в Докладах и сообщениях Института языкознания (т. VIII, Москва, 1955)» (стр. 327). Высказав далее правильную мысль о том, что все фонологические направления восходят так или иначе к Бодуэну, М. Петер вслед за Л. Р. Зиндером и М. И. Матусевич утверждает, что «. . . для Бодуэна и Крушевского в этот (казанский. — А. Р.) период их деятельности „фонема была по существу не фонетической, а этимолого-морфологической единицей“» (стр. 329) и что «этимолого-морфологический подход к фонеме Бодуэна и Крушевского возрождается в России почти полвека спустя, в „Грамматике адыгейского языка“ Н. Ф. Яковлева и Д. Ашхамафа. . .», одновременно «. . . появилась статья П. С. Кузнецова «К вопросу о фонематической системе современного французского языка». . . в которой вопрос о фонеме трактуется также на морфологических основах. Завершением и как бы итогом всего этого этапа развития концепции Московской фонологической школы явился „Очерк грамматики русского литературного языка“ Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова (часть I, 1945)» (стр. 330).

Правильно отмечена здесь непосредственная связь идей МФШ и Бодуэна, но взгляд на фонему и у Бодуэна, и у сторонников МФШ не «этимолого-морфологический», а именно фонологический на основе морфематизма (см. выше), а потому, конечно, не фонетический! Если считать по периодам развитие Московской фонологической школы, то не надо пропускать работ Н. Ф. Яковлева 20-х годов и статьи Аванесова и Сидорова 1930 г., а 40-е годы следует считать уже вторым периодом. Переходя к середине 50-х годов, М. Петер констатирует, что «в настоящее время в советской фонологии различаются в основном три направления: 1) ученики и последователи Л. В. Щербы (А. Н. Гвоздев, Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич и др.); 2) „Московская школа“ (Р. И. Аванесов, П. С. Кузнецов, А. А. Реформатский и др.); 3) структуралистское направление, одиночным, но преданным представителем которого является С. К. Шаумян. Некоторых лингвистов, занимающихся вопросами фонологии (С. И. Бернштейн, О. С. Ахманова и др.) нельзя прямо причислить к этим направлениям, хотя их взгляды в конечном счете часто сопрягаются с одной из упомянутых концепций. В дискуссии по вопросам фонологии. . . в 1952—1953 гг. московские фонологи и

сторонники учения о фонеме Л. В. Щербы выступали одинаково с критикой структуралистских взглядов С. К. Шаумяна. Это, однако, вовсе не уменьшает разногласия, существующего между ними. . .» (стр. 330).

В этих рассуждениях М. Петера правильно противопоставление Ленинградской школы и МФШ (включая и Н. Ф. Яковлева и, добавим, А. М. Сухотина, Г. О. Винокура и нек. др.), но вряд ли на основании дискуссии 1952—1953 гг. можно назвать «направлением» работы С. К. Шаумяна. Тем более, что С. И. Бернштейн не обозначен как «направление», на что он имел гораздо большие права, а называя О. С. Ахманову, нельзя пропускать А. И. Смирницкого, «эхом» которого в фонологии была О. С. Ахманова. Что касается С. К. Шаумяна эпохи 50-х годов, то он в основном был «антищерббианцем», что его объединяло с МФШ, а разъединяло — «теория смешанных фонем» и нежелание Шаумяна признавать теорию вариаций и вариантов; полемика же с С. К. Шаумяном в дискуссии 1952—1953 гг. шла со стороны москвичей по вопросу о соотношении фонетики и фонологии, где позиция С. К. Шаумяна совпадала со взглядами К. Бюлера и Н. С. Трубецкого, а не со взглядами сторонников МФШ. Об особом «направлении» С. К. Шаумяна можно говорить лишь с момента опубликования им книги «Проблемы теоретической фонологии»¹³ где он выдвинул «двухступенчатую теорию фонемы».

В дальнейшем изложении М. Петер рассматривает положения, изложенные в работе Р. И. Аванесова «Кратчайшая звуковая единица в составе слова и морфемы», и положения, изложенные в двух статьях А. А. Реформатского: «О соотношении фонетики и грамматики (морфологии)» и «Согласные, противопоставленные. . .». Статьям А. А. Реформатского отведено меньше места (стр. 342—347), а статьям Р. И. Аванесова — больше (стр. 331—342); очевидно, потому, что М. Петеру больше причин полемизировать с Р. И. Аванесовым, чем с А. А. Реформатским.

Полемика с Р. И. Аванесовым идет по следующим линиям: «Вот где нам кажется источник противоречий: 1) в неоправданном с точки зрения фонологии различении морфемы и словоформы; 2) в трактовке фонемы как морфологической единицы, т. е. в отрыве фонемы от ее объективной физической основы» (339). Попутно в примечании 24 на стр. 339 М. Петер пипет: «Подобная — на наш взгляд неудачная — попытка примирения „морфематического подхода“ к фонеме и понимания ее как звукового типа была

¹³ С. К. Шаумян. Проблемы теоретической фонологии. М., 1962.

предпринята С. И. Бернштейном в фонологической дискуссии 1952—1953 гг. . . .»¹⁴

Несмотря на «крикливость» заголовка статьи С. И. Бернштейна: «Против идеализма в фонетике», что не подтверждается разумными, но не всегда верными аргументами автора, статья С. И. Бернштейна интересная, вдумчивая, спорная, но разумная. Правда, статья того же автора, опубликованная лишь в 1962 г., гораздо интереснее, искреннее и глубже. С нашей точки зрения, всякая попытка примирить взгляды на фонему как на «морфематический элемент» и как на «звуковой тип» — взгляды абсолютно непримиримые, и все попытки «этого примирения», предпринятые С. И. Бернштейном, — невозможны. Лучше принципиально спорить с лучшими друзьями, чем соглашаться на всякие «компромиссы».

Но кому же здесь сочувствует М. Петер? «Звукотипцам» или же «морфематикам»? Это остается неясным. Автор пишет: «Нельзя забывать также о том, что тождество звуковых оболочек не есть единственный критерий тождества двух словоформ или морфем (ср. омонимы)» (стр. 340). А далее М. Петер выдает свою «щербанскую» точку зрения: «Конечно, не любые фонемы чередуются друг с другом, а только близкие друг к другу по своей физической природе. Не случайно, что в формах *rod* — *roda* чередуются фонемы [t] и [d], а в формах *rog* — *roga* — фонемы [k] и [g]» (стр. 340). И тут же М. Петер ссылается на Л. Р. Зиндера: «. . . это не значит еще, что позиционно чередующиеся фонемы образуют какое-то единство, некую единицу высшего порядка» (стр. 340, ссылка на статью Л. Р. Зиндера «Существуют ли звуки речи?»).

Так ведь в этом-то и весь спор: что чередуется? Фонемы (ленинградская точка зрения) или вариативы? (московская точка зрения). Решив этот вопрос, можно прийти к заключению: «. . . образуют ли они какое-то единство, некую фонетическую единицу высшего порядка». Да, по-московски — образуют: единство вариативов, позиционно зависимых, в единице высшего порядка — в фонеме, которая может мыслиться только как независимая от позиций единица и как «высшая» ступень в отношении «вариативов» ее же.

В этом пункте М. Петер не понял «московской точки зрения» и критикует Р. И. Аванесова со «щербанских позиций». Он пишет:

«Если бы Р. И. Аванесов признал „фонемные ряды“ тем, чем они действительно есть, т. е. позиционными чередованиями фонем, то тем самым отпала бы причина для различения „сильных“ и

¹⁴ См.: С. И. Бернштейн. Основные понятия фонологии. — ВЯ, 1962, № 5.

„слабых“ фонем, отпала бы необходимость рассматривать фонему в двух планах. Однако Р. И. Аванесов считает исходным моментом своей концепции фонологическое различие словоформы и морфемы. Причину длительных споров между московскими фонологами, с одной стороны, Л. В. Щербой и его последователями, с другой, Р. И. Аванесов усматривает в том, что сторонники учения о фонеме Л. В. Щербы в своих фонологических взглядах исходят лишь из словоформы и не принимают во внимание «принципиальное различие в функционировании звуковых единиц, выступающих в сильной позиции, с одной стороны, и в слабых, с другой» (стр. 340 со ссылкой на статью Р. И. Аванесова, стр. 136). Хотя я и не могу присоединиться к мнению Р. И. Аванесова о необходимости двух рядов фонем — «сильных» и «слабых» и не собираюсь единицы с редуцированной релевантностью именовать «фонемами», хотя бы и «слабыми», но я готов защищать Аванесова от возражений М. Петера, в которых он смешивает два совершенно разнородных явления: варьирования одной фонемы и чередование или даже мену фонем, тем более что «позиционного чередования фонем» не может быть; позиционным может быть только варьирование. Фонемы же могут меняться путем чередования в тех же морфемах, и тогда это будет морфонология, или же заменяться (а не чередоваться!) для различения разных морфем.

На следующей странице М. Петер правильно акцентирует, что: «Исходным моментом в фонологической концепции московской школы является морфема. Границы и объем понятия фонемы определяются в этой концепции критерием тождества морфемы» (стр. 342), и далее с цитатой из Аванесова: «Московские фонологи считают одной фонемой „весь ряд позиционных чередований (пересекающихся, не параллельных по отношению к другим аналогичным рядам) во главе со звуковой единицей, различающейся в сильной позиции“» (Там же, у Аванесова — стр. 137). Да, именно так «по-московски» . . .

Следующей «мишенью» М. Петера являются две вышеуказанные статьи А. А. Реформатского. М. Петер пишет: «Расхождения между фонологическими взглядами Р. И. Аванесова и концепцией А. А. Реформатского, изложенной в его упомянутых работах, имеют скорей терминологический, нежели принципиальный характер. А. А. Реформатский также рассматривает фонему в двух планах, однако эта двойственность у него обоснована не различением словоформы и морфемы, а различением двух функций фонемы: перцептивной (т. е. словореализующей, словознавательной) и сигнифкативной (т. е. дифференцирующей, словоразличительной). Позиции, указывает А. А. Реформатский, являются условиями реализации фонем в речи. Он (как и Р. И. Аванесов) различает сильные и слабые позиции,

но рассматривает их в двух планах соответственно двум функциям фонемы. С точки зрения перцептивной функции сильна та позиция, в которой данные фонемы произносятся и слышатся отчетливо, т. е. где фонетическое окружение лишь минимально влияет на реализацию фонем, слабой же считается та позиция, где фонемы произносятся и слышатся не в своем основном виде, т. е. где фонетическое окружение сильно влияет на их реализацию. С точки зрения сигнификативной функции сильной позицией будет та, „в которой входящие в оппозицию противопоставленные фонемы различаются и различают; слабой же позицией — та, в которой данная оппозиция нейтрализуется, в которой фонемы, входящие в данную оппозицию, перестают различаться и различать и совпадают в одном звучании. . .“. Звучание фонемы в сильной позиции по перцептивной функции А. А. Реформатский называет основным видом; звучания в перцептивно слабых позициях — вариациями, а в сигнификативно „слабых“ позициях — вариантами. Итак, вариации — это фонетические разновидности, оттенки фонем, варианты же представляют собой «результаты различных нейтрализаций, что принципиально отлично от „оттенков“» (стр. 343 со ссылками на упомянутые выше статьи).

Все это правильно освещает концепцию МФШ, остается лишь добавить, что различие вариаций и вариантов было выдвинуто не мной, а Р. И. Аванесовым и В. Н. Сидоровым, а я лишь подвел под это различие некоторую теоретическую базу, чтобы показать их качественное различие и отметить, что Ленинградская фонологическая школа, не признающая нейтрализаций фонематических оппозиций, именует вариантами то явление, которое в МФШ носит именование вариаций.

Возражения М. Петера А. А. Реформатскому касаются отдельных вопросов и изложены в пяти пунктах:

1. Этот пункт касается моих возражений по поводу пущенного Г. Улашиным и поддержанного Г. Трегером термина «морфонема» в связи с тем, что, по Улашину, нижней ступенью в «звуковой иерархии» обозначен «природный звук», которому в языке человека места нет, а поэтому смещается вся «лестница», и «морфонема» Улашина оказывается уже ненужной. Что же касается «морфонемы» у Трубецкого, то это совсем иное понятие, которое он определяет как «комплексный образ» (*idée complexe*) чередующихся в одной морфеме разных фонем (типа <к/ч> в *рука/ручка* и т. п.). Я назвал это «мифическим объектом», сославшись в том числе и на случаи чередования гласных с нулем типа: *сон / сна, день / дня*. М. Петер, комментируя эту точку зрения и критикуя ее, пишет: «Если . . . исходить вслед за Аванесовым и Реформатским из критерия тождества морфемы, то получится следующее:

звук, отсутствующей в словоформе *сна* должен признаваться „нулевым вариантом“ фонемы [o] или, по Аванесову, „нулевой слабой фонемой“, являющейся „эквивалентом“ сильной фонемы [o]. Кажется, подобные „объекты“ нисколько не уступают в мифичности пресловутой „*idée complexe*“ Трубецкого» (стр. 344). Да, по Реформатскому, этот нуль — «нулевой вариант» фонемы <o>, а по Аванесову, — это «нулевая слабая фонема», но тут нет ничего общего с идеей Трубецкого об «*idée complexe*», ведь у любой положительной величины ничего «общего» с нулем нет и не может быть. Однако нуль как элемент системы необходим. Недаром на одной конференции 50-х годов В. Н. Топоров привел высказывание индийского мудреца, сказавшего: «Системе нужен был нуль, чтобы она стала еще прекраснее». Первая оппозиция, возникающая в любой семиотической системе — это оппозиция «чего-то с нулем», без этого нет системы, и в семиотике нуль — это единица. И ничего мифического в чередовании [o] или [e] с нулем нет, наряду с чередованиями <к/ч, к/ц> и т. п., но это никак не образует «*idée complexe*» по Трубецкому. А чередование другого уровня типа [o] или [a] — [ʌ] — [ə] образует не только «*idée complexe*» (это дело психологии), но и определенную единицу системы — фонему <a> или <o>.

2. Возражение М. Петера по поводу того, что, отрицая «морфофонеми» как либо „мифическую“, либо „травестированную“ единицу», я признаю морфофонологию как необходимый уровень и как особый раздел в науке о языке, пожалуй, сейчас уже не нуждается в контрвозражениях. А слово «мостик», конечно, не термин, а приведенная для наглядности метафора.

3. Здесь М. Петер начинает с похвалы: «Весьма интересна и поучительна та часть работы А. А. Реформатского „О соотношении фонетики и грамматики“, которая посвящена проблеме тождества и нетождества морфем. . . Но и тут возникают осложнения в связи с толкованием нетождественных морфем *рок, роз* и тождественных морфем *рог, рог(а)*. В первом случае фонемный состав морфем, по Реформатскому, различный, хотя они произносятся совершенно одинаково; морфемы же *рог* и *рог(а)* обладают одинаковым составом фонем, хотя и произносятся неодинаково. Тут концепция А. А. Реформатского соприкасается с основным тезисом структуралистов в фонологии, настаивающем на строгом различении физического и функционального тождества звуков речи» (стр. 345). Здесь я не вижу никаких осложнений, как не видят их и «структуралисты в фонологии»: просто, если принять основные исходные положения МФШ, удачно сформулированные М. Петером выше, то иначе и быть не может. Хочет ли здесь М. Петер отмежеваться от «структуралистов в фонологии» по неизвестным мне причинам или же имеет в виду какие-то иные «сомне-

ния», — не знаю, но отмежевываться от «структуралистов» я, лично, в таком вопросе не намерен.

4. Этот пункт касается некоторых вопросов моей полемики с американскими дистрибутивистами, которые к собственно фонологии не имеют отношения. Поэтому мы их опустим.

5. В этом пункте М. Петер касается вопросов языковой структуры и ее иерархического расчленения по «ярусам» и «уровням» и о соотношении единиц разных ярусов. Обсуждение данных вопросов завело бы нас слишком далеко, а поэтому я ограничусь лишь одним местом данного пункта. М. Петер пишет: «Для определения сущности языковых единиц вряд ли имеет значение то обстоятельство, что одна фонема может образовать морфему, одна морфема — слово и т. д. . . . Двойной же подход к фонеме А. А. Реформатского должен вызывать решительные возражения. Позиция для морфологии не существует, утверждает А. А. Реформатский. Для фонологии же не существует фонема без позиции, возражаем мы, ибо — как правильно установил сам А. А. Реформатский, „позиции — это условия реализации фонем в речи“. Без понятия позиции нет необходимости и в понятии фонемы. Вот почему, между прочим, фонема не может быть рассмотрена как единица морфологического „яруса“ языка» (стр. 347).

В заключительных страницах своей статьи М. Петер окончательно выявляет свое «щербанское» лицо: он пишет о Московской фонологической школе: «Характерной особенностью этой теории является проявление в ней функционализма в виде „морфематического подхода“ к фонеме». «Вместо того, чтобы исходить из связи функционирующего звука и его функции, Р. И. Аванесов и А. А. Реформатский вносят функцию в фонему как бы извне, со стороны морфологии». И ссылается при этих вердиктах на статью Л. Р. Зиндера «Существуют ли звуки речи?».

Проявив хорошее знание МФШ и ее работ, М. Петер, однако, не пересилил в себе, очевидно, привычное «щербанское» воззрение на фонологические проблемы и потому, «узнав» и «познав» МФШ, не понял ее логики. . .

Следующий подробный обзор советской фонологии был предпринят Моррисом Халле в 1963 г.¹⁵ На этот опус есть отклик в советской печати — коллективная рецензия на статьи о советской и восточноевропейской лингвистике, где раздел фонологии рецензировала Т. В. Булыгина¹⁶. Прежде всего предоставим ей слово, а потом уже разберемся сами в статье М. Халле.

Татьяна Вячеславна пишет в этой рецензии: «Раздел „Фоне-

¹⁵ М. Н а П е. Указ. соч.

¹⁶ Рец. на кн.: «Current trends in linguistics», v. 1. Soviet and East European linguistics». The Hague, 1963. — ВЯ, 1965, № 3 [под ред. Э. А. Макаева].

мика“ посвящен трем господствующим в советской фонологии течениям: Ленинградской школе, или школе Л. В. Щербы. . ., Московской фонологической школе (в версии А. А. Реформатского). . ., и направлению, представленному рядом новейших работ Р. И. Аванесова. . .» Другие фонологические концепции в статье не анализируются, что автор объясняет сознательным исключением из рассмотрения „фонологических доктрин. . ., не имеющих научной ценности, либо не получивших достаточного развития, необходимого для того, чтобы судить об их научных достоинствах. . .“ (стр. 147). «Габарит» очерка М. Халле точно очерчен Т. В. Булыгиной. Она продолжает: «Список работ, представляющих каждое из трех направлений, далек от того, чтобы быть исчерпывающим.

Так, в главе о ленинградской школе подробно излагаются лишь некоторые работы А. Н. Гвоздева, а концепция московских фонологов представлена только одной статьей А. А. Реформатского, рассматривающей специальные „морфонологические“ проблемы. Характер изложения взглядов советских фонологов свидетельствует, впрочем, о глубоком проникновении в соответствующие теории и о стремлении к возможно большей объективности их представления. . .» (стр. 147).

Далее Т. В. Булыгина, констатируя, что «внимательное чтение, несомненно, даст возможность составить представление о сущности различий теоретических позиций московских и ленинградских фонологов. . .», сетует: «. . . однако кажется, что было бы вполне уместно сказать о некоторых конкретных разногласиях соответствующих течений советской фонологии *verbis expressis*, что способствовало бы лучшему пониманию „дифференциальных признаков“ каждого из направлений для неподготовленного читателя. Композиция раздела затрудняет это понимание. После изложения взглядов ленинградских фонологов дается (очень сочувственно) изложение концепции Р. И. Аванесова, представляющей собой, по словам автора, „попытку перекинуть мостик над пропастью, которая разделяет Московскую и Ленинградскую школы“. . . однако остается не вполне ясным, чем эта „пропасть“ создается. Как кажется, и изложение основных положений статьи А. А. Реформатского, посвященной в общем весьма специальному вопросу, не является достаточным для уяснения всей системы взглядов московских фонологов в их „классическом варианте“» (стр. 148). Посетовав на то, что М. Халле не уделил должного внимания проблеме чередований, где ленинградцы и москвичи видят разное: ленинградцы рассматривают это явление «как чередование разных фонем», а москвичи — «чередование вариаций и вариантов фонемы с ее основным видом», — Т. В. Булыгина протестует против трактовки М. Халле «расхождений» Р. И. Ава-

несова с концепцией МФШ в ее «классической» форме: «Сопоставление названных концепций показывает, что впечатление . . . о том, что новая теория Р. И. Аванесова находится теперь как бы на одинаковом расстоянии от взглядов „ленинградцев“ и „москвичей“, едва ли верно. Несколько отдалившись от первоначальной московской концепции, Р. И. Аванесов в своей „словофонематической“ транскрипции приблизился в отношении к рассматриваемой проблеме отнюдь не к ленинградцам, а к пражцам, а в своей „морфонематической“ транскрипции по существу остался весьма близок ортодоксальной московской теории» (стр. 148).

Я сделал так много выписок из рецензии Т. В. Булыгиной потому, что все ею сказанное — совершенно верно, и избавляет меня от повторения сформулированного ею. Да и чужой глаз вернее своего, когда написано про тебя и про твоих друзей. . .

От себя лишь добавлю, что М. Халле не коснулся главных принципов МФШ: теории позиций (сильных и слабых, откуда следует важное различие вариаций и вариантов), отличия «московской гиперфонемы» от «пражской архифонемы», трактовки безударного вокализма в языках с наличием качественной редукции гласных (что не сходится в трактовке пражцев и самого М. Халле со взглядами МФШ). Причина здесь в неудачной «синекдохе» — в выборе «части вместо целого» — статьи А. А. Реформатского, где эти вопросы не затронуты (впрочем, об этом писала уже Т. В. Булыгина).

В статье Л. Р. Зиндера «Основные фонологические школы»¹⁷ есть много разумных и верных мыслей. Так, в самом начале Л. Р. Зиндер пишет: «До возникновения теории фонемы существовало наивное представление о том, что каждый звук в его физической реальности и есть языковая единица. Фонология начинает с того, что разрушает эту иллюзию. . . Поэтому, когда говорят о физической теории фонемы (например, С. К. Шаумян), то это нонсенс, абсурд, потому что физическая теория фонемы существовать не может. Теория фонемы начинается с борьбы против физического представления о звуковых единицах языка» (стр. 80).

Справедливо и следующее не общепризнанное мнение Л. Р. Зиндера: «. . . западную фонологию нужно начинать с Пражской школы, потому что именно в Праге силами прежде всего Трубецкого и Якобсона, которые экспортировали теорию фонемы из России, из Советского Союза, стала разрабатываться на Западе теория фонемы, фонология, которая и была колыбелью структурализма в целом» (стр. 81). Пожалуй, здесь только несколько

¹⁷ Л. Р. З и н д е р. Основные фонологические школы. «Вопросы общего языкознания». Л., 1967.

умалчивается вклад в фонологию чехов, и в первую очередь патриарха Пражского лингвистического кружка — Матезиуса.

Справедливо Л. Р. Зиндер возражает американским дескриптивистам, которые любые фонологические средства готовы называть «фонемами» (стр. 82—83). Говоря о фонологии в Советском Союзе, Л. Р. Зиндер пишет: «У нас, в Советском Союзе, имеются, можно считать, две школы . . . школа Щербы и Московская фонологическая школа. . . . Необходимо . . . сказать о самом основном, о различии этих двух школ» (стр. 83). В чем же Л. Р. Зиндер видит это различие?

Выписываю определение Зиндера целиком, поскольку это издание редкое и малодоступное: «Щербовское представление о фонеме исходит из того, что в языке звуковая его сторона обладает известной автономностью . . . существует в известном смысле (? — *А. Р.*) отдельно от прочих явлений языка, от другой стороны языка, являющейся его содержанием. . . Фонема, следовательно, целиком относится к звуковой стороне, и эта сторона обладает известной автономностью (? — *А. Р.*)» (стр. 83).

Цитирую дальше: «Напротив, Московская фонологическая школа исходит из того представления, что звуковая сторона не существует отдельно от морфологической, что фонема поэтому существует не как отдельная единица, независимо, автономно, а как некий элемент морфем. Вне морфемы рассматривать фонему нельзя» (стр. 83).

И дальше: «Вот это те принципиальные основы, из которых вытекает все последующее» (стр. 83). Все это правильно, и в этом-то и состоит разногласие ленинградской и московской точек зрения в фонологии. А дальше идет у Л. Р. Зиндера очень интересный «пассаж»: «Московские фонологи первоначально связывали свою теорию с идеями пражских фонологов и особенно А. Мартине, которого тоже можно считать представителем Пражской школы. Однако их теория фонемы продолжает старую теорию Бодуэна, которой он в общем придерживался до конца жизни, хотя в конце жизни он стал признавать и возможность щербовской точки зрения. . .» (стр. 83). Это высказывание очень ценно, так как обычно ленинградцы считали, что Бодуэн менял свой взгляд на фонему и не «придерживался его до конца жизни». — Я считаю, что это неверно, и в данном случае представитель Ленинградской школы, Л. Р. Зиндер, наконец сказал «правду о Бодуэне».

Что касается ориентировки на пражцев и на Мартине, то надо сказать иначе: да, ближе всего взглядам московских фонологов были мнения пражцев и Мартине, но это не означает, что московские фонологи «связывали свою теорию с идеями пражских фонологов и особенно А. Мартине. . .» — московские фонологи строили

свою теорию сами, а то, что многое совпадало с идеями Н. Трубецкого, Р. Якобсона и А. Мартине, их только радовало. «Две точки дают линию». И тут для пражцев, Мартине и нас был общий противник — фонологическая школа Щербы. Поэтому мы ссылались на указанных авторов как на наших союзников, отнюдь не подписываясь под теми мнениями, которые нам были «не по пути», например тезис Пражской школы (и Якобсона и Халле позднее) о том, что есть корреляция «ударных» и «безударных» гласных в языках с редукцией. Для нас — это «нонсенс», так как факты берутся не в одинаковых условиях: под ударением — во внеударном слоге. . . Так что полного альянса с пражцами у нас не получилось, но близость во многом помогла нам отмежеваться от «школы Щербы». И это факт.

И еще два важных пункта для концепции москвичей отмечает Л. Р. Зиндер — это проблема позиций и понятия гиперфонемы. Он пишет: «А. А. Реформатский любит говорить: „Суть московской фонологической школы в теории позиций“. Действительно, он прав. Суть заключается в том, что ими различаются сильная и слабая позиции в морфеме. Сильная позиция — это позиция максимального различения фонем. Для русских согласных это будет позиция перед гласными и между гласными, для гласных — под ударением. Слабой позицией для гласных будет безударное положение. . .» (стр. 84). В целом сказанное правильно, но все-таки здесь имеется некоторое упрощение, так как по теории Московской школы существуют разные слабые позиции: одни приводят к вариациям фонем (например, положение гласных между мягкими согласными или же положение фонемы <и> после твердых согласных), а другие слабые позиции приводят к вариантам фонем, т. е. это позиции нейтрализации фонем (например, безударные слоги для фонем <a> и <o>, конец слова для звонких и глухих согласных); в связи с этим хочется отметить и еще одну неточность в изложении Л. Р. Зиндера: москвичи различают сильные и слабые позиции не в морфеме, а в речевой цепи и поэтому проверяют, например, последнюю гласную в слове [злмóрска́й] через [млрско́й], а корневую гласную обоих этих слов через [мóр'а]. Если же требуется исключить влияние позиций и дать словоформу по составу фонем каждой морфемы, то фонемы каждой морфемы даются по сигнификативно сильным позициям (например, для подачи словоформ в морфологии).

Разбирая примеры с определением фонемного состава слов *ход* и *вот*, Л. Р. Зиндер пишет: «Если морфема может что-нибудь сказать о данной фонеме — мы узнаем ее, в противном случае мы ничего знать не можем. Эта, казалось бы, последовательная точка зрения опровергается практикой самих московских фонологов, которые признают, что в конце слова *ход* (так же как

и *вот*) мы имеем согласный *т*. Можно спросить московских фонологов: если в конце слова *ход* мы имеем фонему *д*, то откуда вы знаете, что там *т*? Только признание того, что звуковая сторона автономна, может объяснить, откуда известно, что в конце слова *ход* стоит согласный *т*, а не *д*. Если бы не было этой автономии, мы не могли бы сказать, что это *т* выступает в функции *д*, а сказали бы, что тут есть нечто, выступающее в функции *д*, или (что было бы последовательнее) здесь нечто, выступающее в функции гиперфонемы *т—д*» (стр. 85).

Здесь что-то запутано: 1) конечная согласная в слове *ход* определяется через свою сильную позицию в словоформе *хбда*, 2) для слова же *вот* такой сильной позиции нет, мы знаем, что это не *к*, не *с*, не *ш* и даже знаем, что это «из группы *т/д*», но которая из двух — не можем определить, как у сосны-двойняшки нельзя определить, «чего пень: правого или левого ствола?», — он общий для обоих стволов, и тут никакого «агностицизма» нет (как пытался истолковывать гиперфонему Л. И. Жирков). Следует добавить, что гиперфонемы относятся ко всем нейтрализуемым парам и множествам фонем, но в одних случаях, говоря по-трубецки, можно определить благодаря наличию сильной позиции в какой-либо словоформе, какой же в данном случае «заместитель гиперфонемы» налицо, в других случаях, когда нет словоформы с сильной позицией, этот «заместитель» не может быть обнаружен, гиперфонема остается «не расколдованной», но в ней при отсутствии индивидуальной различимости (<т> или <д>?) сохраняется групповая различимость (это <т/д>, а не <п/б>, не <к/г>, не <с/з> и т. д.). Что же касается примера с *ход* и *вот*, то это то же самое, что *медь* и *ведь* в работе А. И. Смирницкого «Фонетическая транскрипция и звуковые типы»¹⁸ и никто из ортодоксов МФШ не скажет, что на конце слова *вот* фонема <т>, а на конце слова *ведь* фонема <д>, а скажет, что и в том, и в другом случае на конце гиперфонемы — в первом <т/д>, а во втором <т'/д'>. Таким образом, Л. Р. Зиндер в этом отрывке своей работы приписал москвичам несвойственные им суждения. И, наконец, еще одно недоумение. Л. Р. Зиндер, говоря об «автономности фонем» по Щербе, так формулирует «расхождение» с МФШ: «Чем же является фонема по Щербе, если это не элемент морфемы?» (стр. 85). Если «звук речи», действительно, не «элемент морфемы», то фонема-то не может не быть «элементом морфемы», это была самая важная и существенная идея Бодуэна, с наибольшей убедительностью высказанная им во «Введении в языковедение», § 119: «. . . фонемы . . . не имеют сами по себе никакого значения.

¹⁸ А. И. Смирницкий. Фонетическая транскрипция и звуковые типы. «Вестник МГУ», 1948, № 7.

Они становятся языковыми ценностями и могут быть рассматриваемы лингвистически только тогда, когда входят в состав всесторонние живых языковых элементов, каковыми являются морфемы. . .» (1914, стр. 160). Вот это и есть главное, что разделяет Ленинградскую школу Щербы и Московскую во главе с Бодуэном! Об измене Щербы Бодуэну ленинградцы почему-то предпочитают таинственно умалчивать, а ведь в этом и заключается весь корень зла!

В 1967 г. вышла, как уже было сказано выше, книга Г. А. Климова «Фонема и морфема». Хотя Г. А. Климов и не являлся членом МФШ и не учился даже ни у кого из ее реальных представителей, но он сумел многое понять и описать «по-московски», а главное, «со стороны» сопоставить и провести нужные параллели между разными отечественными и зарубежными направлениями. Г. А. Климов подробно рассматривает взгляды Ленинградской школы, МФШ, американских дистрибутивистов и других направлений и хорошо отмечает, «что чему соответствует». В этом отношении очень интересна его таблица (стр. 90), которую хочется воспроизвести полностью:

Примерные соответствия в терминологии фонологических единиц

Московск. фонол. школа	Ленингр. фонол. школа	Система С. И. Бернштейна	Пражская школа
Вариация фонемы	Вариант фонемы	Альтернант фонемы 1-й степени	Вариант фонемы
Вариант фонемы*	Фонема	Фонема 1-й степени	Архифонема
Фонема	Фонема	Фонема 1-й степени	Фонема
Фонема**	Фонемное чередование	Фонема 2-й степени	Морфофонема
Гиперфонема***	—	—	Архифонема (?)
Фонемное чередование	Фонемное чередование	Фонема 3-й степени	Фонемное чередование
—	—	Фонемное чередование	—

* По Р. И. Аванесову — «слабая фонема».

** По Р. И. Аванесову — «фонемный ряд».

*** По Р. И. Аванесову — «группа фонем».

«За исходную систему отсчета в предлагаемой таблице принята номенклатура Московской фонологической школы, проводящей весьма детальное терминологическое размежевание своего поня-

тийного аппарата. Необходимость большего размежевания возникает главным образом в отношении „собственно“ фонемы, обычно находящей специальное разграничение: так, например, фонемам *у* и *о* (с альтернантами *o//a//ʊ*) московских фонологов отвечают в концепции ленинградской фонологической школы фонема *у* и фонемное чередование *o//a*. Понятие гиперфонемы, если оставить в стороне использовавшееся одно время С. К. Шаумяном понятие „смешанной фонемы“, по-видимому, нигде не встречается сколько-нибудь прямого соответствия: лишь в некоторой степени приближающимся к нему можно считать понятие архифонемы у ранних пражцев, сужением которого оно и представляется Л. Р. Зиндеру. Впрочем, с другой стороны, пражская архифонема находит как будто некоторые точки соприкосновения с вариантом фонемы в его трактовке у московских фонологов (ср. определение архифонемы как совокупности различительных признаков, являющихся общими для двух фонем, с одной стороны, и характеристику «слабой фонемы» как эквивалента двух или нескольких «сильных фонем», даваемую Р. И. Аванесовым, с другой).

Такова же в концепции С. И. Бернштейна градация в правилах морфемизации материала: каждая из морфем трех степеней „складывается“ из фонем соответствующей обобщенности» (стр. 90—91).

Далее идут некоторые сопоставления с классификацией фонологических понятий и явлений у американских дескриптивистов и у А. И. Смирницкого, что менее очевидно, чем то, что изложено в таблице. К таблице же хотелось сделать такое примечание: дело не только в терминах и стоящих за ними понятиях, а и в иерархии объектов и их стратификации в разных аспектах. Коротко говоря, МФШ никогда, например, не отрицала понятие «фонемного ряда», но ведь за этим словосочетанием скрывается два ряда разнородных явлений: 1) ряд чередующихся фонем, что МФШ относит к морфонологии, и 2) ряд звуковых явлений, которые чередуются в пределах и внутри одной морфемы. Иными словами, одно дело чередование в русском <к>, <ч> в *рука, ручка, ручной*, или <г>, <з>, <ж> в *друг, друзья, дружеский*, или же чередование [г]—[к] в [друк]—[друкa]. Это явления разных уровней, и в этом состоит их различие. Поэтому для МФШ термин «фонемное чередование» содержит эквивокацию, раз, и не входит в названия единиц, два, а обозначает нечто, сопряженное с единицами разного ранга явлений. В целом же я считаю анализ Г. А. Климова очень полезным и продуктивным для выяснения сложных схождения и расхождения между фонологическими школами. Следует еще отметить, что Г. А. Климов удачно продолжил сказанное когда-то С. И. Бернштейном слово «плюрализм» в отношении

фонологических концепций, что, как видно из предшествующего изложения, позволило и мне построить на этом термине целый параграф своего изложения (см. выше).

Последней «ласточкой» в этой серии появилась статья Л. В. Бондарко «О реальности системы фонем» (рукопись). В самом начале рукописи Л. В. Бондарко пишет: «Существование в Советском Союзе двух фонологических направлений — „московского“ и „ленинградского“ не требует специальных доказательств. См. об этом: А. А. Реформатский. Введение в языковедение. М., 1967; Л. Р. Зиндер. Общая фонетика. Л., 1960; Ю. С. Степанов. Основы языкознания. М., 1966; Г. А. Климов. Фонема и морфема. М., 1967; М. В. Панов. Русская фонетика. М., 1967; А. И. Моисеев. О фонеме. Л., 1965; С. К. Шаумян. О некоторых вопросах фонологии. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1953, т. XII, стр. 6».

Жаль, что в этом списке Л. В. Бондарко ограничилась только популярными опусами и не упомянула более серьезных, как, например, статьи С. И. Бернштейна «Основные понятия фонологии» или статьи П. С. Кузнецова «Об основных положениях фонологии» и нек. др.

«Существо расхождений между «ленинградским» и «московским» пониманием фонемы. . .» Л. В. Бондарко формулирует цитатой из вышеразобранной статьи Л. Р. Зиндера. Далее следует обычная «ленинградская» версия, что: «. . . Л. В. Щерба впервые сформулировал идею о том, что фонема выполняет в языке смыслообразительную функцию, различает по звучанию слова и формы слов». Однако Л. В. Бондарко, наверное, знает, что об этом писал не сторонник «московской школы», а имеющий свое лицо в фонологии С. И. Бернштейн: «Выделение в понятии фонемы признака способности к различению значений знаменательных единиц языка восходит к И. А. Бодуэну де Куртене, который еще в 1868 г. [это значит 100 лет тому назад! — А. Р.] сформулировал его применительно к фонетическим чередованиям. . .»¹⁹; и еще: «Понятия семасиологизации и морфологизации сформулированы И. А. Бодуэном де Куртене»²⁰. Так зачем же повторять в сотый раз неверную «версию»? Совершенно правильно пишет Л. В. Бондарко о том, что в определении фонемы у А. А. Реформатского «. . . нет того существенного замечания, которое и позволяет говорить об автономности фонемы, а именно, замечания о том, что каждая фонема данного языка является потенциально носи-

¹⁹ С. И. Бернштейн. Основные понятия фонологии, стр. 66, сн. 7.

²⁰ Там же, сн. 8.

телем значения». Совершенно ясно, что ни я, ни кто-либо другой из сторонников МФШ никогда бы не стал говорить об «автономности» фонемы без ее связи с морфемой, а что касается «потенциального носителя значения», то ведь именно весь «пафос фонемы» Бодуэна — МФШ на этом и построен! Я минуя спор ленинградцев с Якобсоном и Халле по поводу «ассоциативного анализа», это увело бы меня в сторону от избранного сюжета, а остановлюсь на том месте статьи Л. В. Бондарко, где она пишет «о соотношении лингвистических построений и языковой практики».

Этот вопрос был всегда самым актуальным и «подстрекающим» для членов МФШ. Недаром начало фонологических изысканий москвичей коренилось в вопросах орфографии, алфавита, транскрипции (см. выше). Именно эти практические приложения и проверяют правильность теории. И здесь блестящий пример — это статья Н. Ф. Яковлева «Математическая формула построения алфавита» (1928), где на основе «московской концепции» фонемы Николай Феофанович показал практическую целесообразность этой «московской» точки зрения, тогда как доклад Л. В. Щербы на I Всесоюзном тюркологическом съезде в Баку (1926) не был принят на вооружение²¹, а восторжествовала точка зрения Н. Ф. Яковлева, по программе которого ВЦК НА действовал в подготовке письменности для некоторых народов СССР.

Утверждение Л. В. Бондарко о том, что «. . . для Л. В. Щербы постоянство фонемного состава морфемы не является объективным фактом языка. . .», меня очень огорчило: вряд ли так думал Лев Владимирович, а если он действительно так думал, то это еще более огорчительно. Об остальном вряд ли стоит говорить. Надо поблагодарить автора за добрые слова в адрес «москвичей» о том, что «. . . Московская фонологическая школа внесла большой и ценный вклад в исследование морфологического уровня языка [? — А. Р.] и что в этом отношении данное направление является очень перспективным. . .». Однако смысл написания данной статьи Л. В. Бондарко остается неясным. Зачем же писать опять о том же и теми же словами? Вряд ли это содействует прогрессу науки. Что же касается Г. А. Климова и М. В. Панова, то они при всей их резкости были принципиальны в своих суждениях. Кстати, М. В. Панов очень изящно показал, как ошибки

²¹ Л. В. Щерба предлагал: «Я полагаю, что для турецких народов, хотя, конечно, я говорю со всей осторожностью и со всей скромностью, самое правильное было бы — комбинация фонетического и этимологического принципов» («I Всесоюзный тюркологический съезд». Баку, 1926, стр. 161, стенограф. отчет).

Л. В. Щербы служили на пользу фонологической теории, например, повторяя разбор вопроса о фонемах *œ* и *ø* во французском языке (в «Фонетике французского языка»), что критиковал в 1941 г. П. С. Кузнецов, Панов заключает: «Но этот ошибочный анализ изумителен: он показывает, насколько раскован был в своих фонологических исканиях Щерба»²².

Что касается книги М. В. Панова «Русская фонетика», то я здесь воздержусь от ее анализа, во-первых, потому, что об этой книге уже достаточно говорилось выше, во-вторых, потому, что М. В. Панов — воспитанник МФШ и один из самых активных ее пропагандистов в лекциях, беседах и в печати, а в-третьих, потому, что это настолько богатая материалом и фактами книга, что ее анализ потребовал бы слишком много места, а к стати и потому, что в ней изложена концепция «плюрализма», о чем шла речь выше, и что несколько противоречит «ортодоксальным взглядам МФШ», хотя в какой-то мере и развивает их, а не только из них исходит.

Концепция МФШ дошла и до Средней Азии, чему свидетельством неопубликованная еще рукопись С. В. Протогенова²³, посвященная рассмотрению основных положений МФШ. Называется эта работа «Московская фонологическая школа» и содержит 18 стр. машинописи. С. В. Протогенов, справедливо считая, что начало фонологии надо искать у Бодуэна де Куртене как для отечественной фонологии, так и для зарубежной, переходит к заслугам Л. В. Щербы в области фонологии, правда кратко, а затем к изложению концепций МФШ. С. В. Протогенов отмечает две работы Н. Ф. Яковлева: «Математическая формула построения алфавита» (1928) и «Грамматика литературного кабардино-черкесского языка» (1948), указывая на основополагающую роль этих работ для взглядов МФШ. Относительно первой статьи Н. Ф. Яковлева автор, безусловно, прав (см. выше); что же касается до второй указанной работы Н. Ф. Яковлева, то к 1948 г. основные члены МФШ уже столько написали и даже напечатали, что едва ли эта работа может считаться «этапной»²⁴. Разбирая далее работы П. С. Кузнецова (1941), А. А. Реформатского (1941) и упомянутый «Очерк. . .» Аванесова и Сидорова (1945), С. В. Протогенов отмечает в своем изложении ряд правильных положений, соответствующих концепции МФШ, и правильно их комментирует. Так, по поводу статьи П. С. Кузнецова (1941) он пишет:

²² М. В. Панов. Указ. соч., стр. 379.

²³ Когда данная книга уже была набрана и сверстана, вышла книга С. В. Протогенова «История учения о фонеме» (Ташкент, 1970).

²⁴ См. статьи П. С. Кузнецова 1941—1948 гг., книгу Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова. «Очерк грамматики современного русского литературного языка» (М., 1945) и другие работы членов МФШ.

«. . . П. С. Кузнецов излагает свои взгляды на фонему. Автор отмечает, что звуки речи могут находиться в двух позициях: в позиции максимум и позиции минимум. Соответственно этому фонемы определяются как: „. . . звуки, могущие служить единственным средством различения морфем в позиции дифференциаций максимум звуков данного класса“. В позиции минимум выступают варианты и вариации фонем. Варианты фонем также „обладают известной различительной силой“ в том смысле, что они противопоставляются другим фонемам языка».

В дальнейшем С. В. Протогенов правильно отмечает один из основных тезисов МФШ у П. С. Кузнецова: «П. С. Кузнецов позиции гласных под ударением и без ударения определяет как разные позиционные условия и указывает на необходимость для определения фонем постановки звуков в „позиционно тождественные условия“. Он возражает против точки зрения представителей Пражской школы, выделяющих корреляции ударная — безударная гласная и считающих ударную гласную и соответствующую безударную разными фонемами». Аналогичной интерпретации подвергает С. В. Протогенов и статью А. А. Реформатского (1941) и, в частности, отмечает то место, где сказано, что позиция «. . . существует не в отношении фонем, а в отношении дифференциалов фонем» и что «позиции в отношении одних дифференциалов могут быть сильными, а в отношении других — слабыми, а так как фонема имеет в своем составе несколько дифференциалов, то фонема может как бы находиться одновременно и в сильной позиции, и в слабой».

Отметив заключительные тезисы статьи А. А. Реформатского, С. В. Протогенов по поводу одного из них пишет: «. . . А. А. Реформатский говорит о ряде, состоящем из основного вида и всех вариантов, т. е. возможно о том, что Р. И. Аванесов в дальнейшем назовет фонемным рядом».

В заключение этого раздела своей статьи С. В. Протогенов пишет: «Как видно из анализа первых работ Н. Ф. Яковлева, П. С. Кузнецова, А. А. Реформатского, Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова, у нас в 30-е и начале 40-х годов создается новое направление в области фонологических исследований», к чему дается сноска об А. М. Сухотине и указываются его примечания к переводу книги Э. Сепира «Язык» и совместная с К. К. Юдахиным статья в сборнике «Письменность и революция» (1933, № 1, стр. 10). Только после всего приведенного С. В. Протогенов переходит к анализу новых взглядов Р. И. Аванесова 50-х годов. Такой порядок изложения гораздо убедительнее и реальнее, чем избранный М. Халле в его указанной выше статье. Четко и по существенным пунктам проанализировав теоретическую главу «Фонетики современного русского литературного языка» (1956)

и несколько статей П. С. Кузнецова и А. А. Реформатского (50-е—60-е годы), С. В. Протогенов приходит к выводу: «Как видно из этого краткого изложения взглядов на фонему основателей московской школы, фонологические концепции А. А. Реформатского, Р. И. Аванесова и П. С. Кузнецова переросли в самостоятельные учения. Однако, несмотря на серьезные расхождения как в фактическом плане, так и в терминологическом, фонологические исследования указанных авторов . . . имеют целый ряд общих моментов, что и создает возможность рассматривать последние работы А. А. Реформатского, Р. И. Аванесова и П. С. Кузнецова как работы представителей одной фонологической школы. Объединяющим фактором в этом смысле выступает прежде всего отношение указанных авторов к морфеме и признание ее значимости в фонологическом членении языка» (стр. 18).

Весь ход изложения статьи С. В. Протогенова и его заключение представляются мне вполне убедительными и гораздо более отвечающими действительному положению вещей, чем в указанных выше статьях М. Петера и М. Халле, где концепция Р. И. Аванесова выделяется в особую «школу». Подобно Протогенову и Г. А. Климов не выделяет взгляды Аванесова таким образом (см. выше его таблицу на стр. 90 книги «Фонема и морфема»). Так, конечно, правильнее, с чем, наверное, согласится и сам Р. И. Аванесов.

Я постарался дать сведения о всех, доступных и известных мне работах, которые изложил ввиду их малодоступности большинству интересующихся данным вопросом. Мне было важно показать, что исследователи разных направлений заинтересованы в концепции МФШ и каждый по-своему ее интерпретирует, так или иначе группируя материал. Наиболее объективную и правдоподобную интерпретацию работ участников МФШ я вижу у С. В. Протогенова, хотя у него все изложено очень кратко и, возможно, без должной критики, зато вполне адекватно тому, о чем автор пишет.

Мне остается немного: дать в сжатом виде основные положения МФШ в виде догматических тезисов, но учитывая «варианты и вариации» взглядов самих участников МФШ. Конечно, это не так просто, но не мне судить, удался ли этот «катехизис» . . .

ADDENDA

Giulio C. Lepschy. *La linguistica strutturale*. Torino, 1966

Di notevole rilievo sono anche le scuole fonologiche russe, risalenti oltre che a Fortunatov, alla feconda influenza di Baudouin de Courtenay: quella di Leningrado, fondata da L. V. Šcerba, che insiste sulla nozione di fonema come classe di suoni, e quella di Mosca, con Jakovlev, Reformatskij ed altri, che insiste sulle alternanze morfofonemiche (le due tendenze sono dunque paragonabili rispettivamente a quella di Bloomfield e a quella di Sapir negli Stati Uniti); la teoria elaborata da Avanesov mira a una sintesi delle due tendenze (ср. 135).

VII. ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ МФШ

1. Язык представляет собой сложную семиотическую структуру, иерархически стратифицированную на ярусы.

2. Каждый ярус языковой структуры образует систему взаимосвязанных и взаимообусловленных единиц.

3. В любом ярусе языковой структуры могут быть выделены свои уровни.

4. Для каждого яруса может быть выделена его основная единица.

5. Для морфологического яруса основной единицей является м о р ф е м а.

6. Для фонологического (или: фонетического) яруса основной единицей является ф о н е м а.

7. Между фонологическим и морфологическим ярусами есть зона морфонологии, не образующая особого яруса, а входящая как особая сфера и в фонологию, и в морфологию. От нормальных явлений фонологии объекты морфонологии отличаются тем, что для них не существует фонетических позиций, а существуют морфологические условия, а от нормальных явлений морфонологии объекты морфонологии отличаются тем, что они не обладают собственной значимостью, как морфемы. Никаких морфо(фо)нем как особых единиц не существует.

8. В структуре языка каждая высшая единица низшего яруса может быть низшей единицей более высшего яруса, — так, одна фонема может быть морфемой, одна морфема может быть словом, одно слово может быть синтагмой и одна синтагма может быть предложением.

9. Таким образом, репрезентированный речью язык сегментируется и расчленяется по-разному: 1) линейно поток речи сегментируется на фразы, такты, слоги и звуки, а 2) структурно вычлняются предложения, синтагмы, лексемы, морфемы и фонемы. Все указанные единицы так или иначе сопряжены по рангам друг с другом. Фонема, как и звук, находится в конце цепи сег-

ментации и членения, но в отличие от звука фонема — сложное семиотическое явление. Линейно фонема не может сегментироваться, это точка, но семиотически фонема — не простое явление, а некоторая совокупность не сукцессивных, а симультанных признаков, среди которых следует различать дифференциальные признаки (различительные, дифференциалы) и недифференциальные (неразличительные, интегралы), которые наличны в составе комплекса признаков в фонеме, но не существуют сами по себе, а сосуществуют в этом комплексе — дифференциалы как «образующие», а интегралы как «наполняющие».

10. Фонология не может ограничиваться анализом только дифференциалов, во-первых, потому, что интегралы могут играть активную роль для позиционного варьирования в данной синхронной системе языка (ср. интегралы глухости и мягкости для русской фонемы <ч>), а во-вторых, то, что сегодня является интегралом, завтра может стать дифференциалом, без чего нельзя себе мыслить диахроническую или лучше — историческую фонологию.

11. Звуки-различители, т. е. фонемы, и признаки-различители не следует отождествлять, так как это два разных уровня фонологического яруса структуры языка; для последнего Э. Бенвенист придумал даже название: «мерисматический уровень».

12. Для определения того, какие же комплексы признаков, объединенные в тех или иных звуках, являются фонемами, а какие (хотя бы и содержащие в себе некоторые из релевантных признаков в других фонемах данной системы) не являются фонемами, — явления следует сравнивать в равных (одинаковых) условиях, т. е. в той же позиции (потому, например, ударные и безударные гласные в языках, где есть вариативы по редукции безударных гласных, например в русском, несопоставимы в одной плоскости, а являются фактами разных уровней).

13. П о з и ц и я — это одно из основных понятий фонологии, без которого нельзя определить фонему и фонемы данной системы. В самом общем смысле позиции — это условия употребления и реализации фонем в речи. Но эти «условия» бывают очень разного ранга и качества.

14. Прежде всего следует отметить условия фонетические, которые вслед за Н. Трубецким можно подразделить на линейные, комбинаторные, контекстные (по Трубецкому) и на структурные, позиционные (вынужденные структурой, по Трубецкому); так, например, оглушение или озвончение соседних согласных — факт первого рода, а оглушение звонких в конце слова или редукционное варьирование гласных в безударных слогах — факт второго рода.

15. Но могут быть и позиции иного рода, зависящие не от

линейной последовательности и не от общих фонологических факторов, а от морфологических условий, например от агглютинативной или же фузионной тенденции тех или иных «стыков» и сочетаний, например, те же фонемы, в той же последовательности расположенные, могут давать разные результаты (в русском: <тс>, <дс> → [ц:] или [ц], или же без образования аффрикаты — [тс], в примерах: *штатский*, *шведский*, где аффриката образуется, и *отсадить*, *подсадить*, где аффриката не образуется; ср. также *купаться* и *пяться*, где еще большее различие в реализации фонем <т> и <с>).

16. В ином аспекте следует различать сильные и слабые позиции.

По смыслу употребленных терминов ясно, что **сильная** позиция — это позиция благоприятная для выявления функции фонем, а **слабая** — неблагоприятная, ущербная. Но так как у фонем есть две функции: узнавания (перцептивная) и различения (сигнификативная), то эти два понятия сильной и слабой позиции претерпевают бифуркацию: в отношении перцептивной функции та позиция будет сильной, в которой фонема более всего «похожа на себя» и ее легче узнать, где она выступает в своем основном виде, а слабая позиция по этой же функции будет та, в которой фонема звучит в виде своего оттенка, вариации (таковы позиции для русских гласных после и перед мягкими согласными и после и перед твердыми согласными, для разных гласных — по-разному). Иное дело с функцией различения: есть позиции, в которых фонемы различаются друг от друга и различают морфемы и слова, и есть позиции, в которых фонемы звучат одинаково и перестают различаться, тогда возникает общий для них звуковой вариант. Первые будут сигнификативно сильными, вторые — сигнификативно слабыми.

17. Результаты одних и других слабых позиций будут совершенно различны: это в а р и а ц и и как результат перцептивно слабых позиций и в а р и а н т ы как результат сигнификативно слабых позиций. Первые остроумно названы в «Очерке...» Аванесова и Сидорова — звуковыми синонимами, а вторые — звуковыми омонимами. Примером первых могут быть разные «оттенки» <а> в словах: *мат*, *мать*, *мят*, *мять* и т. п., примером вторых — конечные согласные в словах: *пруд* и *прут*, *луг* и *лук*, *роз* и *рос*, или же гласные первого слога в словах: *сома* и *сама*, *леса* и *лиса*, или же гласные среднего слога в словах: *умолять* и *умалывать*, *поровнять* и *поравнять*, или же обе безударные гласные в словах: *сомовар* и *самовар* или же *лесовод* и *лисовод*.

18. Позиции существуют не для фонемы в целом, а для тех или иных ее признаков (в перцептивном плане — для любых, в сигнификативном — для дифференциальных); поэтому одна

и та же позиция для одних признаков может быть сильной, а для других — слабой, например для глухих и звонких согласных в русском языке конец слова по признаку звонкости—глухости — слабая позиция, а по твердости—мягкости — сильная (ср. *плот* и *плот* — одинаково [плот], но *плот* и *плоть* различаются).

19. В фонологической системе языка фонемы организованы в различного рода оппозиции, где члены оппозиций (фонемы) противопоставлены различным образом. Прежде всего каждая фонема противопоставлена нулю (ср. *стол* и *сто*, *док* и *до*, *скот* и *кот*); могут быть оппозиции, где фонемы противопоставлены «в целом», а не каким-либо одним или двумя признаками (например, <j> «йот» и <к>). Наибольший интерес представляют те оппозиции, когда фонемы различаются только одним признаком, совпадая другими (таковы оппозиции звонких и глухих согласных того же способа и места образования, например <к> и <г>, <т> и <д>, или же твердые и мягкие согласные, одинаковые по способу, месту и признаку голоса, например <т> и <т'>, <с> и <с'>). В этих случаях (хотя и не только в этих) может возникать нейтрализация, т. е. совпадение двух фонем в одном варианте (ср. *коз* и *кос* — одинаково [кос], *плот* и *плот* — одинаково [плот], *везти* и *вести* — одинаково [в'и^ст'и]), *сома* и *сама* — одинаково [самá]). Такие оппозиции называются корреляциями.

20. Нейтрализация двух членов фонологической оппозиции может быть как в первом члене, так и во втором (ср. *луг* и *лук* — одинаково [лук] и *луг бы* и *лук бы* — одинаково [лугбы]), но может реализоваться и в каком-либо «третьем звуке», например, фонемы <а> и <о> могут в русском во втором предударном слоге и в заударных слогах реализоваться в нейтральном гласном звуке [ə], например *ток* и *так* и [тэквóй].

21. Бифонемное (или даже полифонемное) сочетание, т. е. сочетание двух или нескольких фонем, может нейтрализоваться с одной фонемой, например *костный* и *косный* — одинаково [кóснэй], где две фонемы <тн> нейтрализуются с одной — фонемой <н> в ее звучании, или *жостче* и *жоще* — одинаково [жóщи^с], где три фонемы <стч> нейтрализуются с одной фонемой <щ> также в ее звучании.

22. При фонематической квалификации долгих согласных следует помнить, что долгая согласная на «морфемном шве» (т. е. когда стык двух морфем — префикса и корня или корня и постфикса проходит по долгому согласному звуку) всегда представляет собой бифонемное сочетание, т. е. сочетание двух фонем, например *рассыпать* (ср. *разрывать*), *бессрочный* (ср. *безропотный*), *шить* (ср. *срыть*); *русский* (ср. *украинский*), *несся* (ср. *носился*). Если же долгий звук находится внутри морфемы, то это

представляет собой более сложный случай: так, диалектное произношение долгих шипящих как твердых (*шиш́ка, жуужэ́ть*) не вызывает сомнения в бифонемности сочетанияи [шш] и [жж], но мягкое произношение тех же шипящих как [щ] и [ж] (московское общелитературное и сценическое произношение) обладает иной квалификацией — это монофонемные явления, так как нет отдельно ни мягкого *ш*, ни мягкого *ж*.

23. В фонологическом ярусе структуры языка имеются разные уровни. Среди них главный — это фонемный уровень, центральный по иерархической стратификации. Этот уровень отвечает сегментному ряду речевой цепи и так или иначе может быть сегментирован на отдельные единицы — фонемы. Ниже этого фонемного уровня лежит подфонемный — вариативный уровень (иначе: фонетический уровень), который является результатом либо линейных позиций фонемного уровня, либо — результатом воздействия на фонемный уровень суперсегментного (надфонемного) уровня (например, ударения, сингармонизма и т. п.), т. е. звуковых явлений, свойственных не отдельным единицам фонемного уровня, а более сложным отрезкам, как слог и слово в целом).

24. Единицы фонемного и надфонемного уровней являются свободными (независимыми), надфонемного всегда, а фонемного — в сигнификативно сильных позициях; в сигнификативно слабых позициях возникают варианты фонем с различными видами нейтрализаций. Два крайних уровня связаны в данной системе непосредственно, а средний (фонемный, главный) связан с ними опосредствованно, и его единицы выявляются лишь путем очищения их от накладок суперсегментного уровня и разнообразия вариативности подфонемного уровня.

25. Внутри фонемного уровня можно различать свои подуровни: фонемный, обладающий индивидуальной различимостью отдельных фонем, и гиперфонемный, когда индивидуальная различимость нарушена, но групповая сохраняется, что показывает, что в данном случае произошла лишь частичная дефонологизация; так, например, в русском языке благодаря суперсегментному воздействию ударения возникает нейтрализация в безударных слогах фонем <а> и <о>, <и> и <э>, с сохранением различимости этих пар между собой и с фонемой <у>; в таком случае <а/о>, <и/э>, а также и <у> выступают уже не как фонемы, а как гиперфонемы.

26. В разных языках одни и те же просодические и вообще звуковые явления могут быть признаками разных единиц, так, движение тона в одних языках может быть свойством отдельных слоговых фонем (китайский), в других — свойством слога (вьетнамский), и в третьих — свойством целой фразы (русский); в сингармонистических языках лабиализация может быть и свойством отдельных фонем и гиперфонем (при наличии только небного сингармонизма),

а в других — свойством слова (при наличии и нёбного, и губного сингармонизма); слоговое свойство вибранта <р> в чешском языке — свойство слога и слова, а в сербском — свойство особых фонем: краткого и долгого слогового р.

27. В области исторической фонологии важно изучать не историю отдельных звуков, а историю и эволюцию фонологических систем; история «отдельных звуков» может предшествовать этой задаче как предварительный и черновой материал. Фонетические изменения могут касаться и недифференциальных признаков, как отверждение в истории русского языка шипящих <ш> и <ж>, а позднее и <ц>, что не отражалось на самой фонологической системе консонантизма, но объясняет отсутствие перехода <'е> в <'о> под ударением (*отец, конец* и под.), что относится уже к морфонологии. Иное дело, когда изменение касается дифференциальных признаков, что может сильно изменить фонологическую модель. Здесь могут быть два противоположных случая: либо *к о н в е р г е н ц и я*, когда две или более фонем начинают совпадать в одном варианте и перестают различаться (например, в русском языке совпадение различавшихся ранее фонем <е> и <ѣ>, что опять же прошло не бесследно: фонема <ѣ> не подвергалась переходу в <'о> после мягких согласных перед твердыми), либо же *д и в е р г е н ц и я*, когда различные вариации одной фонемы становятся отдельными фонемами благодаря тому, что бывшие перцептивно слабые позиции становятся сильными.

28. Отсюда следует, что изменение качества позиций — превращение сигнификативно сильных позиций в слабые, что может привести к конвергенции и сокращению общего количества фонем, и перцептивно слабых позиций в сильные, что может привести к обособлению бывших вариаций в отдельные фонемы, — важнейшие объекты исторической фонологии, и сама историческая фонология — это прежде всего история позиций.

29. Особый интерес вызывают такие случаи, когда физически ничего не меняется, все как бы стоит на месте, но функционально происходит перестройка системы и фонологической модели¹.

30. При определении того или иного фонологического изменения следует опираться не на натуралистический «закон М. Граммона» о «более сильном звуке», а на его интерпретацию, данную М. И. Стеблиным-Каменским, указавшим на «функционально более важный в системе элемент»².

¹ См.: Р. И. Аванесов. Из истории русского вокализма. Звуки I и У. «Вестник МГУ», 1947, № 1.

² См.: М. И. Стеблин-Каменский. Возникновение шумных коррелятов, носовых и плавных согласных фонем в исландском. «Очерки по диахронической фонологии скандинавских языков». Л., 1966, стр. 112.

31. И в историческом плане, как и в синхроническом, любые явления следует рассматривать в составе тех или иных морфем и в плане их «образующих» — фонем.

32. Естественно, что перераспределение фонем по отдельным словам (например, замена в словах типа: *верх*, *первый* и т. д. фонемы <р'> мягкое на фонему <р> твердое в русском языке XIX—XX вв.), что отражается на орфоэпии и фонетической стилистике, но не затрагивает фонологическую модель, следует отличать от таких случаев, когда перестраивается вся модель (например, следствия «падения редуцированных» в русском языке XI—XII вв.).

Таковы в сжатом и догматическом изложении основные положения Московской фонологической школы.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
институт языковедения

А. А. РЕФОРМАТСКИЙ

***Из истории
отечественной
фонологии***

Очерк. Хрестоматия

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1970